

ДЖЕЙД ДЭВЛИН, КАРБОН

ОСОБЕННОСТИ
СОДЕРЖАНИЯ
НЕБОЖИТЕЛЕЙ

Annotation

Божественные звери, мстительные духи, волшебные пилюли и, конечно же, прекрасные бессмертные заклинатели. Китайская сказка! Но попала в нее я, русский врач скорой помощи. Не надо мне таких приключений, сидим тихо! Тихо, я сказа... м-м-м, божечки, тощий-то какой. Тоже мне, небожитель!

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)

- [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Эпилог](#)
-

Глава 1

— Янли! Янли! Да стой же ты, сестрица Янли!

— Ну что тебе? — Я поправила в корзинке аккуратный бумажный пакет с яйцами малого феникса и недовольно оглянулась на мелкого. То есть на самом деле младший братец уже выше меня ростом, конечно, но все равно мелкий. Что опять случилось с этим ходячим несчастьем?

— Янли! Уф... — А-Лей уперся ладонями в коленки и попытался отдышаться, а потом вдруг схватил меня за руку. — Бежим скорее! Сейчас будут опального заклинателя продавать! Бежим посмотрим!

— А-Лей! — возмущенно зашипела я, пытаюсь выдернуть запястье из железных пальцев брата и притормозить. Куда там. Он тащил меня через рыночную толпу, как ветер пушинку. — С ума сошел?! Куда ты меня тянешь?!

Глупый вопрос, конечно... понятно куда. Рабский рынок — последнее место в этом сумасшедшем мире, в которое мне хотелось бы наведаться, и с того самого момента, как я попала в это тело, мне удавалось избежать неприятной экскурсии. Пока дурной любопытный трактор не поволок меня туда силой.

Слава богу, полтора года назад, когда меня вроде как убили на Земле, попала я не в наш традиционный древний Китай, где женщина в некоторые периоды ценилась даже меньше, чем собака. Просто в другой мир. Но некоторые его особенности очень даже напоминали сказки китайской части суши. В основном, надо заметить, страшные.

К примеру, тот же рынок рабов. Несмотря на то что там не было никакого смрада, избитых и сломленных людей, прикованных к столбам огромными цепями, голых измученных женщин и прочего описываемого в исторических книгах антуража, для меня торговля людьми — диковато и неприятно. Рабы на рынке продавались трех категорий: рожденные в неволе изначально, ставшие рабами за долги или преступления и демонические создания. Последние продавались в основном на столичном рынке и стоили баснословных денег. Мало просто поймать демона живым, надо еще и обеспечить его покорность и обезопасить его будущего хозяина. А то демоны ведь не в

каменоломне нужны — в постели. Здесь их продают исключительно в качестве наложников...

Тьфу ты, хорошо хоть, мы не на демона бежим смотреть. Вот глупость-то!

— А-Лей, я тебя убью! — уже спокойно пообещала я, сообразив, что ругаться и брыкаться все равно бесполезно. — Не беги так! Идем спокойно. Иначе пожалеешь, когда в следующий раз папенька задаст тебе трепку и ты приползешь ко мне за мазью от синяков. Намажу тебя жгучим перцем, будешь знать.

Угроза была серьезная, я пару раз уже проучила так некоторых излишне пакостных товарищей. Жаль, не подействовала — А-Лей в целом хороший брат, но иногда на него находит что-то. Вот как сейчас. Ладно, скандалить на рыночной площади — это урон прежде всего моей репутации. Слишком дорогой ценой она мне далась после попадания, чтобы вот так рушить ее за один раз. Поэтому улыбаемся и машем, в смысле бежим. Не теряя чувства собственного достоинства.

Конечно, это сложно, когда тебя волокут на буксире посмотреть, как будут продавать опального заклинателя. Прелесть. За что бы зацепиться, чтобы притормозить незаметно? Не хочу кроме волшебного мира ни с того ни с сего получить на свою голову еще и самый затертый штамп пошлого женского романа про попаданку: сейчас он окажется невиновным сексуальным красавчиком и я должна буду его спасти. А потом начнутся настоящие неприятности.

Вот зараза! Не хочу! Я только привыкла и устроила свою жизнь более-менее удобно и комфортно! Нашла себе интересное занятие, добилась относительной свободы. И на тебе.

— Пришли уже, — радостно выдал довольный ишак, притормаживая у высокого помоста с красными флагами.

— Вижу. Ну спасибо, младший братец... — Я спрятала кривую ухмылку под вуалью, которой была задрапирована моя шляпа. Так-то я научилась строить из себя нежный цветочек, но временами физиономию все равно саркастично перекашивало, и люди пугались. Поэтому традиционная, хотя и необязательная вуаль пришлась очень кстати.

Ну, что тут у нас? Выглядело все это на удивление чисто и опрятно, больше похоже на какую-то службу занятости. Покупателям, толпившимся вокруг помоста, просто перечисляли умения и

достоинства того или иного раба, возраст, здоровье... ни дать ни взять «зачитывали резюме». И предъявляли сам предмет торгов, выставив наподобие табуретки. Если за рабом числился долг, то продавался он на определенное количество времени, от года и более. То же самое с преступниками: вместо того чтобы сидеть в тюрьме на дармовых харчах, раб отбывал повинность у хозяина, в шахтах и прочих местах. Пожизненных сроков среди этой категории рабов обычно не было, потому что за серьезные преступления здесь просто казнили. Слава всем богам — не в этой части города.

Не могу сказать, что мне нравится такая практика, но логика в ней есть. Жаль, ею никто не ограничивается.

Сегодня на помост уже выставили парочку должников по распискам, одну нечистую на руку служанку и одного мелкого рыночного воришку. Но не эти бедолаги собрали на площади такой аншлаг... Как всегда, самое вкусное организаторы припасли напоследок.

— Сейчас покажут! — Братец аж подпрыгивал от энтузиазма.

— Низвергнутый небожитель, — торжественно произнес глашатай, и на помост вывели высокую и статную фигуру, одетую в белый траурный халат, чье лицо до поры до времени прикрыли вуалью. — Не побоюсь этого слова, прекрасный экземпляр. Высокообразованный, как и все заклинатели. Способный развлечь вас игрой на гуцине и флейте, каллиграфией и стихосложением, философией и даже танцами. Он станет прекрасным наставником для ваших детей, при этом даря радость еще и самим родителям. — Глашатай похабно улыбнулся.

— Тощий какой, господи, — вырвалось у меня полушепотом. И правда, хоть плечи у заклинателя и были достаточно широкими, талию, стянутую поясом будто корсетом, можно было бы, наверное, ладонями обхватить. — Не кормили, что ли?

— По-моему, небожители вообще не едят людскую пищу, — засомневался А-Лей, восторженно рассматривая фигуру на помосте.

Я тоже смотрела, а куда деваться? Если уж притащили. Ну, с другой стороны, я про небожителей столько всего разного слышала, но живых представителей этого вида в нашем предместье не водилось. Будем считать — чисто научный, исследовательский интерес.

— Вуаль-то снимите с этой «красавицы» семи добродетелей, — выкрикнул вдруг голос из толпы.

— А как телохранитель работать сможет? — поинтересовался другой зритель, в наряде побогаче.

— Он может наставлять вас на путь меча, но сражаться сам вряд ли сумеет, — пояснил продавец. — Как и у всех низвергнутых, у него расколото золотое ядро и запечатаны каналы. А без них заклинатели физически даже более хрупкие, чем обычные люди.

— У-у-у-у-у... — разочарованно загудела толпа.

— Дык вы его не там продаете, — выдал стоявший чуть поодаль от помоста рыночный зевака, поглаживая сальную бородку. — Живодерня в другом конце улицы. Без ядра и каналов небожители долго не живут, это всем известно. Всякая зараза первым делом его и пожрет. Деньги, получается, на ветер.

— Потому и цена такая, уважаемый, — слегка скривился глашатай. — Хотите надолго — можно приобрести обученную рабыню для услады тела и взора.

Покупатели, однако, уже не бурлили энтузиазмом. Более того, они заметили за спинами работорговцев высокий паланкин с парчовыми занавесками в узорах из голубых облаков и возбужденно загудели. А, понятно. Этот конкретный небожитель в их глазах потерял всю свою привлекательность, став простым смертным, а вот там за дорогой тканью наверняка сидел настоящий. Вечно молодой, владеющий тайными знаниями и прочими «вау», что так восхищали обычных людей. Кажется, это был настоящий владелец своего низвергнутого собрата. Лично явился проследить, так сказать.

— Пошли, А-Лей. — Я потянула брата за рукав. — Я уже насмотрелась. Домой пора, госпожа Кулиль скоро подаст ужин. Сегодня будут паровые булочки с крабами! Твои любимые.

А про себя добавила: «Чем быстрее мы отсюда уйдем, тем меньше мой шанс на штамп из романа и все последующие связанные с ним неприятности».

— Погоди. — Брат закусил губу, и я с ужасом поняла, что дело плохо: такое выражение глаз у мелкого случилось нечасто и означало, что ему конкретно ударила в голову одна из вспомогательных жидкостей организма. От заразы! Сейчас что-нибудь вытворит!

— Уважаемый дядя торговец, может, вы все-таки снимете с него вуаль? Жуть как хочется глянуть... — лисьим голоском пропел засранец, крепко зажав мою ладонь у себя под локтем, чтобы я не смогла его незаметно ущипнуть. — Особенно моей старшей сестрице!

Торговец, явно рассчитывавший на неплохие барыши и огорченный тем, что толпу не удалось провести, только лишь поманив бывшим заклинателем, решил идти ва-банк. Довольно бесцеремонно подцепив свой товар под связанные за спиной руки, он развернул его ко мне лицом и сдернул вуаль.

— Эм-м-м... — сказала я.

— Беру! — заорал А-Лей у меня над ухом. — Сестрица Янли, я нашел тебе подарок на день рождения!

И бросил на помост кошелек с вышитым вензелем нашей семьи.

Ну здравствуй, пушистый северный зверек, давно не виделись.

Глава 2

Северный пушной зверек смотрел на меня затуманенными оленьими глазами. Натурально оленьими — размер и разрез прямо соответствовали картинкам из книги божественного мироустройства, где были изображены местные аналоги рогатых — кирины, полумифические звери с девятых небес. Глазища были настолько черными, что в них даже не угадывалось разделение на зрачок и радужку, а длинные ресницы вообще делали их бездонными. Кожа бледная практически до синевы, краше в гроб кладут. Но здесь это считается очень красивым... Тоже бледные, но достаточно пухлые губы правильной формы, узкие брови слегка взлет, чуть вытянутое лицо с острым подбородком. «Китайская шарнирная кукла», — было моей первой мыслью при виде этого чуда. — «Полудохлая китайская шарнирная кукла», — нагнала ее вторая, после того как от столь резких и грубых движений торговца фарфоровая статуэтка начала заваливаться набок, а олений взгляд стал и вовсе бессмысленным.

— Спасибо, мелкий. Труп на день рождения мне еще не дарили, — прошипела я, зло пихнув братца в бок. — Лови давай, не видишь — падает?!

— Да ладно, ты давно хотела кого-то на опыты, — ухмыльнулся А-Лей, запрыгивая на помост. — Папенькины все здоровые, как кони, матушка тоже своих служанок и рабов хорошо кормит. А этот — в самый раз для твоих ужасных снадобий и иголок! И красивый заодно, вылечишь — не налюбуеться. И настоящий небожитель. Расскажу парням — не поверят!

— Хватит портить мою репутацию еще больше! Ты думай, что говоришь и какие слухи распускаешь! — возмутилась я, остро жалея, что не могу дотянуться и дать поганцу подзатыльник.

— Юная госпожа, не беспокойтесь, — засуетился работорговец, видимо испугавшись, что либо я сейчас отбрыкаюсь-таки от подарка, либо товар помрет, не сходя с помоста. — У него сейчас просто шок, ядро разрушили не так давно. Если даже не поддерживать духовными пилюлями, проживет не меньше трех лет. А то и больше!

— Вот счастье-то... — Я уныло смотрела, как изящно это тощее повисло на руках у братца — ни дать ни взять спящая красавица. Грудь только не хватает. — Накрой его вуалью, если по улицам нести собираешься. Я не хочу, чтобы к дому мы подошли в сопровождении толпы любопытных зевак!

— Юная госпожа, прошу вас, — угодливо изогнулся торговец, кивая в сторону того самого паланкина с голубыми занавесками. — Сейчас оформим купчую! Все по закону...

Эх, а я так гордилась тем, что нестандартная попаданка. Без всяких магий, миссий, суперсил, роковых красавцев и принцев... хотя, конечно, назвать мой подарок роковым красавцем язык не повернется, это же радость таксидермиста-кукольника, а никак не герой любовного романа. Может, он по дороге действительно помрет, мы его быстренько закопаем, и пусть А-Лей сам с папенькой объясняется, куда потратил свои карманные на месяц?

Малодушная мыслишка какое-то время так назойливо вертелась в голове, что я опомнилась, только когда из-за парчовой занавеси паланкина, к которому меня подвели, высунулась еще одна бледно-совершенная рука с безупречным маникюром.

Торговец тут же вновь угодливо изогнулся и вложил в нее кошель с нашим золотом. Рука исчезла и через секунду появилась снова, держа скатанный в тонкую трубочку свиток.

— Будьте осторожны, юная госпожа, и не ведитесь на его прекрасное лицо и лживые речи, — зажурчал прохладным родником голос из-за ткани. — Просто так никому из заклинателей ядро не разрушают.

Я сделала непроницаемо-вежливое лицо и мысленно выругалась. Ну точно, штамп на штампе и штампом погоняет... Может, мне моей покупке сразу рот зашить? Ну, чтобы не выслушивать скорбную историю несправедливо осужденного небожителя и не вовлекаться в его спасение. Жаль, я слишком добрая. Да. Местами.

— Благодарю великого небожителя за заботу, — отвесила я вежливый поклон и включила заднюю передачу. Ну его... мне даже не особо любопытно, как выглядит неповрежденный экземпляр. Жить слишком хочется.

— Вот теперь можно и домой, ужинать! — Жизнерадостный идиот, в смысле младший братец, встряхнул свою поклажу, поудобнее

устраивая ее. Держать заклинателя на руках, как принцессу или юную жену, ему то ли надоело, то ли показалось неудобным, и он, недолго думая, изобразил из покупки мешок с редисом, перебросив через плечо и придерживая под коленями. Так что пятая точка небожителя в данный момент неприлично торчала в небо, а его коротко обрезанные волосы, обмотанные вуалью, и безвольно повисшие руки болтались где-то в районе задницы А-Лея. — Купчую забрала? Тогда двинулись! Дядя торговец, спасибо вам, что позаботились о нас, я не премину рассказать друзьям, что вы совершаете хорошие сделки!

У, засранец... даже формальную вежливую фразу напоследок выдал таким голосом, словно и не тащил на себе целых... хотя, наверное, этот худосочный заклинатель весит не слишком много, а брат у меня тоже тощий, но сильный.

Если интереса зевак мы более-менее избежали, пробираясь боковыми улочками, то вот уйти от любопытства наших слуг, а уж тем более моих родителей, не удалось. Как только мы вошли в ворота семейного поместья, шустрые девушки-рабыни уже побежали докладывать господам, что, мол, так и так, детки с базара труп принесли. И я абсолютно не удивилась, когда навстречу нам вышла матушка, слегка хмуря свои тонкие, как ветки ивы, брови. У-у-у, плохой знак. Если открыто выражает неудовольствие — значит, зла больше обычного.

Вообще, мне она приходилась мачехой, а матерью — А-Лею. Но здешние традиции обязывали всех детей хозяина дома, даже будь они от наложниц или вовсе рабынь, называть главную жену матерью. И отношения у нас с госпожой Тан были... слегка натянутые. И это теперь, спустя полтора года моих сознательных усилий по примирению сторон. А когда я только сюда попала, военные действия шли полным ходом, поскольку моя предшественница в этом теле мачеху ненавидела. Взаимно.

Конечно, можно было в лучших традициях литературных попаданок отстаивать свою гордость и независимость, ругаться со всеми подряд, устраняя с пути «недоброжелателей», втапывая их репутацию в грязь, а то и вовсе доводя до смерти. Но во-первых, я достаточно неконфликтный человек, а во-вторых, это только в фантазиях все так просто. И главное, когда я разобралась, что к чему, мне первым делом захотелось саму себя бывшую придушить, а вовсе

не матушку. Госпожа Тан, конечно, тоже не без тараканов, но на ее месте я бы эту наглуую и злобную девчонку вообще прикопала под ближайшим кустиком.

— Янли! — Матушка одним взглядом пригвоздила пытавшегося незаметно слиться с грузом на плече братца к месту. — Ты правда купила труп для своих медицинских исследований? Надеюсь, он умер не от заразной болезни?

Труп, как по заказу, именно в этот момент дернулся и застонал. Матушка, железная женщина, даже не завизжала, в отличие от служанок. Разве что чуть сжала губы и едва заметно побледнела. Зато одним повелительным жестом заткнула всех истеричек и навела в их толпе порядок — все семь штук моментально выстроились у нее за спиной по ранжиру и перестали верещать.

— Нет, матушка! — внезапно вмешался в разговор брат. Понял, что улизнуть не получается, и решил по своему обычаю сначала запудрить мозги, а потом в удобный момент подлизаться. У него это через раз, но прокатывало. — Это я сестрице подарок купил, смотри какой! — Он достаточно аккуратно уложил тело на каменную дорожку и, будто фокусник, одним движением снял с «трупа» длинный отрез вуали.

Теперь со стороны служанок раздались уже вздохи восхищения. Я с некоторым сомнением покосилась сначала на них, потом на то, что осталось от заклинателя. Некрофилки какие-то, чем тут восхищаться? Так и тянет похоронить от греха.

— Заклинатель. Низвергнутый. Бесполезная трата денег. Я уже молчу про то, что этой покупкой ты еще сильнее ухудшил репутацию нашей семьи. Янли и так не желали брать в чужой дом, а уж после покупки подобного раба... даже крестьянин не поверит в ее чистоту и нравственность.

Ну, для меня это скорее плюс, чем минус. Я и не собиралась идти наложницей в чей-то гарем. Были б еще мужики стоящие, а так... Моя целительская деятельность и намек на белую монашескую вуаль несколько примирили родителей с бесперспективностью на брачном рынке, но попытки все еще иногда предпринимались. К сожалению.

— А-Лей, ты меня разочаровал, — тем временем продолжала матушка. — Ты наследник крупнейшего торгового дома и не знаешь, как совершать выгодные покупки? — Ага, воспитательный момент

подоспел. Госпожа Тан, она такая. Сына любит до безумия, но спуска не дает. — Возможно, стоит урезать твой месячный доход на развлечения.

— Ну, матушка. — Я поспешила заступиться за непутевого брата. У меня за полтора года уже рефлекс на это выработался. — Не такая уж и бесполезная эта покупка. Помните, я рассказывала вам о своих новых разработках? Подумайте, если у меня получится восстановить жизненную силу заклинателя с разрушенным ядром, какие деньги горные лорды будут готовы заплатить за это изобретение и как поднимется престиж нашей семьи! А проверить методы можно только на практике. Нам очень повезло, что его решили продавать не в столице, а в нашем предместье. И недорого совсем, кстати.

Мачеха снова нахмурилась, когда я без разрешения влезла в разговор, но ругать не стала. Все же прогресс в примирении за эти месяцы был достаточно заметный.

— Он умрет раньше, чем ты на нем что-то опробуешь, — госпожа Тан вроде бы все еще отчитывала меня, но в ее голосе уже прорезался едва заметный интерес. — Пилюли с духовной силой стоят дороже, чем он сам. И я не выделю на эти глупости ни ланя из денег семьи.

— Об этом не беспокойтесь, матушка. — Я прищурилась и всмотрелась в покупку. — У меня и не такие оживали без всякой духовной силы.

И машинально погладила вынутую из мешочка на поясе серебряную иглу сантиметров в семь длиной.

Надо же было трупу окончательно ожить именно в этот момент. Заклинатель открыл глаза, в них сначала мелькнул проблеск сознания, а потом самый настоящий страх. Который, впрочем, тут же исчез, сменившись равнодушием.

Глава 3

— Ну что ж, не залечи его до смерти в первый же день, — добавила масла в огонь мачеха, успевшая заметить все, включая взгляд заклинателя. Вот зуб даю, специально! И кто сказал, что у матушки нет чувства юмора?! Только непонятно, над кем она сейчас так мрачно пошутила.

С этими словами довольная собой женщина чинно удалилась в собственный двор, оставив нас с нашим слегка посиневшим приобретением. Парень напоминал труп даже с открытыми глазами. Слишком уж неживыми они были, равнодушными, как пластмассовые пуговицы.

— Ну, я больше не нужен. Он очнулся, теперь сам пойдет. — Братец тут же попытался улизнуть, но был безжалостно пойман за ухо. — Ай-яй! Янли! Янли-Янли, отпусти! Все-все-все, отнесу куда скажешь! Ну сестри-и-ичка! Ну любименькая!

— Я тебе покажу сестричку, поганец мелкий. — Пришел мой черед отыгаться за все. За скачки по рынку, за труп в подарок и за то, что пришлось оправдываться перед госпожой Тан, обещая чуть ли не мировой прорыв в медицине и золотые горы. — Я тебе сейчас второе ухо откручу! Взял быстро и отнес на место!

— Да-да-да! — торопливо согласился А-Лей, чувствуя, что железная хватка моих пальцев на его ухе чуть ослабла. Он торопливо вывернулся и подхватил попку с земли. — А где его место будет?

— Неси пока в мой павильон, там посмотрим.

— Угу, правильно, сестренка. Он синюшный, но вроде теплый еще. Как грелка покатит. А если жар начнется, так никакой печки не надо, — решил поддержать игру матери брат. Только этого мне не хватало. Матушкина свора... в смысле свита, конечно, гуськом последовала за своей хозяйкой, но я зуб даю, что вон в тех кустах остался соглядатай. Одна из служанок почти профессионально маскируется под фиалку, а сама слушает и запоминает. Чтобы доложить, а потом еще вволю посплетничать в своем кругу.

— У тебя сейчас у самого жар начнется, вот сию секунду в одном конкретном месте пониже спины, — ласково-ласково пообещала я,

вынимая вторую иголку из мешочка. — Смотрю, ци в крестцовом отделе что-то застоялась, на мозги давит. Ничего, братик, это поправимо.

— Ай! — Голова резко заброшенного на плечо заклинателя бессильно мотнулась и чуть не стукнулась о декоративный столб, поддерживающий кровлю крытого дворика. — Не надо! Уже бегу!

— Аккуратнее неси, что ж ты его как мешок с редькой мотаешь, — не выдержала я. — В конце концов, это уже не просто труп, это официальный пациент. Беречь надо.

— Официальный подопытный, — хихикнул А-Лей, вприпрыжку направляясь в сторону Жасминовых Садов — так называлась часть поместья, что выделил мне отец под жилье и лабораторию. Собственно, это было маленькое отдельное хозяйство на территории семьи Тан. Как и двор матушки или, к примеру, брата. Дворы различались по размеру и, естественно, по богатству отделки. Но тем не менее каждой наложнице и взрослому отпрыску полагался свой «угол». Хороший обычай, мне нравится. Даже несмотря на то, что предшественница моя бесилась до небес, считая Жасминовые Сады убогими и слишком далеко расположенными от центрального двора.

Ну, я так не считаю. Роскоши мне хватало. А то, что Сады далеко от основного скопления народа, на мой вкус, вообще их главное достоинство.

— Куда положить? — А-Лей, как только понял, что его ушам больше ничего не угрожает, прекратил попытки сбежать и пылал энтузиазмом. — С чего начнем? Сразу с иголок?

— С ванны, — усмехнулась я, доставая с полки коробку с ароматическими маслами и специальными порошками. — Выкати бочку из ниши и прикажи слугам принести воду. Я пока...

— Ага, раздевай его сама, — закивал брат, подхватывая со стола талисман для нагрева воды и кидая его на дно бочонка. Полезные штуки, жаль, что одноразовые. — Небожитель, конечно, хорошенький, но я все же предпочитаю девочек. Эх... жаль, заклинательницу не продавали. Ай! Не надо кидаться, ты сама говорила, что моя голова — хрупкий предмет! — с этими словами брат пулей вылетел из комнаты.

Я потянулась к завязкам халата заклинателя, прикидывая в голове и так и эдак, как бы лучше его раздеть, не особо ворочая и не шокируя и без того измученного парня. Заодно неплохо бы провести

поверхностный осмотр и на всякий случай пропальпировать органы и кости. Вдруг у него внутренние повреждения... а я не местный дао медицины, чтоб определять все по пульсу, потому только ручками-ручками.

А еще я, конечно, не заклинатель. Никакого золотого ядра у меня нет и в помине. Но медитациям и управлению энергией ци потомков знатных семей тут учат с детства. Элементарные навыки, весьма облегчающие жизнь, тоже присутствуют, а хорошие опытные целители умеют еще и диагностику проводить. Но опять же — для этого мне все равно надо «труп» раздеть: через одежду дотянуться до меридианов моих силенок не хватает. Мне действительно НАДО щупать тело руками, а не просто водить над ним ладонями с умным видом.

Обидно, кстати, что из-за этого многие пациенты-мужчины от меня сбегают, распуская странные слухи. В особенности те, которых еще не совсем припекло. Ничего, этот точно не сбежит. Он и ползти-то не может.

Еще пару секунд постояв над слабо шевелящимся пациентом, я махнула рукой на сомнения: да никак его не обследуешь, если тупо не ободрать все эти традиционные семь слоев тряпок. А шок бедолаге придется как-то пережить, что поделать. Не я такая, жизнь такая.

— Только не трепыхайся, пожалуйста, я тебя не съем, — все же попыталась хоть как-то успокоить пациента, — и запомни: некрофилией не страдаю, на кости не кидаюсь. Я лекарь, меня не надо стесняться.

Кажется, жертва смирилась с судьбой. Ну, или ему просто так поплохело, что парень закрыл глаза и обмяк. Вот зараза, холодный, как лягушка, и течение ци почти прекратилось. Это плохой признак. Точно надо побыстрее раздевать и в бочку с горячей водой, пусть немного поварится. А в воду особый порошок, от которого немилосердно краснеет кожа и открываются самые мелкие меридианы. Основные каналы у «трупа», конечно, запечатаны, и как их вскрывать, я пока даже не задумывалась. Зато сумею пустить минимально необходимый объем ци в обход по капиллярам.

Своей энергии у него минимум — ядро разрушено. Человеческий же способ вырабатывать необходимый для жизни уровень энергии тело, кажется, забыло. Значит, будем заливать извне. Духовные пилюли стоят дорого, если покупать их в лавке заклинателей. А вот мой

порошок... ну, похуже, естественно, помедленнее, и ци не такая чистая. Но действует же! Побочные эффекты в виде зуда и красноты можно потерпеть.

Пока я все это обдумывала, руки действовали сами: опыт работы в земной скорой помощи и полтора года здесь — не жук чихнул. Я даже аккуратно сложила все семь слоев его одежд. Потом отдам слугам в стирку. Так... мослы, мослы, мослы... Господи ты боже мой, в жизни не видела, чтобы сразу и длинное, и такое тощее. И это несмотря на вполне развитый мышечный каркас.

— Ах-х-х-хс-с-с-с... — это был первый звук, который издало тело с момента нашего знакомства, и вышел он очень красноречивым. Особенно в сочетании с резко открывшимися глазами.

Глава 4

— Тихо-тихо, не откушу. О боги... ну на, на полотенце, прикрой стратегическое место. Чего я там не видела, спрашивается? — Перед «трупом» ломать комедию не было смысла. — Да мне просто бедренный меридиан твой нужен, не дергайся. О, смотри, плохо запечатали, халтурщики... живем! В смысле — жить будешь, доходяга, радуйся.

— Госпожа! — позвали из-за ширмы. — Эти служанки принесли воду. Перекатить бочку в спальню, госпожа?

— Нет-нет, не надо! — Мои, конечно, привыкли к тому, что я голубей и ежиков прямо на обеденном столе препарирую, но голые заклинатели для них все равно перебор. — Наполните бочку и идите отдыхайте, я позову. Скажите А-Лею, чтобы не смел уходить, пока я его не отпущу.

— А я и не уходил... уйдешь от тебя. Ты потом иголками колешься больно! — Братик вылез из-за ширмы, с непосредственным детским любопытством осмотрел едва прикрытый полотенчиком ниже пояса «труп» и вздохнул: — Правда тощий. В бочку его?

— Ага, отнеси, — кивнула я, задумчиво смотря на стопку одежды бывшего заклинателя. По-хорошему надо бы отдать в стирку, да только другой одежды у «трупа» не наблюдалось. У брата позаимствовать? Или не париться и в простыню завернуть? Все равно пока это имущество — недвижимое.

— Ну ничего, ты не бойся, парень. Мы с Янли тебя откормим, и ты быстро станешь в ее вкусе. Это важно, если она с тебя даже самые нижние одежды содрала сразу.

— А-Лей. Застой ци. И на этот раз не в крестцовом отделе, а с противоположной стороны. Полечить?

— Не-не! И в язык иголку тоже не надо! Вот! Смотри, какой я послушный младший брат, кладу его в бо-о-очку...

— Только не урони!

— Ой! — Бултых.

— Да твою... — выругалась я, по плечи ныряя в бочку и хватая утопленника за волосы, чтобы вытянуть его голову на поверхность. —

А-Лей! Ты действительно решил сделать из него подарочный труп?

— Кто же знал, что он реально складывается, как портновский метр, — уязвленно парировал братец, придерживая заклинателя за плечи. — Дальше что?

— Дальше порошок цунь номер двенадцать, три порции по семь унций. На столе, подай.

— Ой, фу-у-у... В прошлый раз эта дрянь провоняла всего меня! Может, я тогда пойду уже? У вас тут интимные дела...

— Стоять! Я тебе пойду. Быстро дай лекарство.

Брат недовольно раскрыл матерчатый мешочек на столе, достал мерную ложку и бойко отмерил нужное количество пахучего темно-зеленого порошка.

— В общем, сочувствую тебе, братишка, — кивнул он, отдавая мне плоску. — Ты, главное, выживи. Это только первый раз больно, потом привыкаешь. Может, даже войдешь во вкус...

Я хмыкнула и, выдав дежурный подзатыльник свободной от волос заклинателя рукой, ею же аккуратно начала сыпать лекарство в воду, следя, чтобы ци не собиралась комочками, а равномерно растворялась. Раз... два... три... теперь ждем ровно тридцать секунд.

— А-а-а-ах! — Вялое тело, которое я продолжала придерживать за волосы над водой, ожило. Прямо очень ожило. Глаза парня распахнулись в совершенно осмысленном изумлении, более того, он сделал весьма бодрую попытку выскочить из бочки.

— Слушай, а это не чересчур? — внезапно разволновался брат, помогая мне удержать пациента. — Оно, конечно, неприятно, но даже я так из воды не выпрыгивал. А этот еще и полудохлый...

— Нормально, ты и не был в настолько отвратном состоянии. Вон, видишь, зрачки уже стабилизировались. — Я наклонилась и всмотрелась в глаза пациента. — Просто он совсем истощен, а тут поток энергии пошел, вот его и припекает изнутри. А краснота пройдет. Максимум, за пару дней.

Взгляд, которым меня одарила вареная свекла, в смысле пациент, можно было сдать в палату мер и весов как идеальный образец праведного негодования пополам с полным обалдением.

— Прости, дорогуша, — посочувствовала я. — Глаза закрой, пожалуйста. И рот. Вреда, конечно, не будет, но... — Поняла, что он и не собирается следовать указаниям, вздохнула и аккуратно притопила

свою покупку с головой, давая лечебной ци достигнуть всех нужных сосудов. — Жжет неприятно и на вкус так себе. А я предупреждала.

Заклинатель, выскочивший на поверхность после того, как я его отпустила, отчаянно отплевывался и тер покрасневшие веки. Ага, действует! Руки уже не свисают вялыми веревками, а вполне осмысленно шевелятся.

Внезапно бывший небожитель дернулся, посмотрел на нас с братом как на врагов народа и опять обмяк, слегка погружаясь в воду. По ходу, решает, утопиться или нет...

— От депрессии хорошо помогают скипидарные клизмы, — задумчиво почесала я кончик носа. — Сначала раскатаем ему периферическую систему мелких каналов, а потом назначим массаж, иглоукалывание, курс отваров и пилюль и, если не поможет, прибегнем к этому крайнему средству.

Парень в бочке обреченно прикрыл глаза. Брат по-детски потыкал его пальцем в макушку, но, не получив отклика, вопросительно уставился на меня.

Я успокаивающе помахала рукой — мол, все идет по плану.

— Ты лучше сам оживай, приятель, — посоветовал А-Лей жертве. — Иначе силой заставит. Я один раз попробовал помирать всерьез, так мне о-о-очень не понравилось... Сестра у меня суровый лекарь, если сможешь пережить лечение, уже никогда болеть не захочется.

Я тихо хмыкнула. Конечно, А-Лею не понравилось. Я попала сюда полтора года назад как раз в тот момент, когда моя предшественница отравила собственного брата. Ее не поймали, даже не заподозрили, а пацан чуть не загнулся. Как я промывала ему желудок и весь остальной организм, получив из памяти владелицы тела пусть и неполную, но достаточную информацию о преступлении, самой вспоминать страшно. Хорошо, что успела вовремя...

Заклинатель, замаринованный в бочке, лишь снова бросил на нас еще один безразличный взгляд. Так... а почему он не разговаривает? Просто депрессия или низверженным еще и что-то с голосом делают? Может, язык проверить?

— Открой-ка рот, — приказала я, протягивая руки к его лицу. Парень ожидаемо не послушался, но мне достаточно было просканировать его ци. Ага, вот тут и тут. Ловко перехватив жертву за голову, я нажала пару точек за ушами и одну под подбородком, а пока

пациент хватал ртом воздух, определила, что язык на месте, и впихнула все три нужные пилюли, заранее лежавшие в кармашке. А потом зажала его губы ладонью, не давая сплюнуть.

— Или проглотишь, или потом до вечера во рту будет такая горечь, что не отплюешься. Будешь послушным мальчиком — дам запить.

Кадык заклинателя дернулся — проглотил! Отлично.

— Молока хочешь? Чаю?

Меня снова обожгли взглядом и не удостоили ни словом.

— Отлично, значит, выпьешь то, что полезнее, — кивнула я. — А-Лей, взбей в пиале молоко с яйцом и медом. Возьми яйцо из корзинки, с которой я ходила на базар.

— Ого! Яйцо малого феникса?! А разве ты не хотела их... инки... инуку...

— Инкубировать, да. Там половина — болтуны. Я собиралась пустить их на ингредиенты и сбила цену на всю партию у мошенника-торговца, пытавшегося выдать пустышки за полноценные зародыши. Они лежат отдельно от других в синей тряпочке.

В отличие от брата, заклинателя весть о поедании драгоценного яйца даже не потревожила. Ну что с этих небожителей взять. Вполне возможно, они могут и не такое позволить себе на завтрак.

— Нет.

Это вареная свеколка в бочке отреагировала на поднесенную к губам пиалу со взбитым питательным составом. Парень сжал губы и отстранил питье рукой.

Глава 5

— Ух ты, он сказал свое первое слово! Нас можно поздравить? — восхитился А-Лей. Испортила я брата. Ужасный тролль растет. Весь в меня.

— Или это, или еще более горький и полезный отвар хиннодворки, который я в тебя волью через воронку, — предложила я пациенту выбор.

В ответ получила еще один мрачный взгляд исподлобья.

— Ты же все равно помирать нацелился, что за странное стремление сделать это как можно мучительнее? — Я вопросительно выгнула бровь. — Если тебе не так долго осталось, не умнее ли провести оставшееся время с удобством?

Парень прикрыл глаза, отбрасывая на скулы тень от влажных черных ресниц, и медленно, будто поднимает все скорби мира, протянул раскрытую ладонь. Он явно хотел сделать это величественно и изящно, но рука «страдальца» слегка тряслась, а пальцы подрагивали.

— Вот и умница, — похвалила я. — Теперь посиди в воде еще полчаса, пока периферийная система мелких меридианов привыкнет к потоку ци и впитает весь объем. Потом я тебя вытащу и дам отдохнуть.

В ответ мне просто сунули пустую пиалу. Я не стала ничего говорить, забрала и тихо хмыкнула себе под нос.

— А-Лей, принеси еще горячей воды, в бочке уже остыла.

— Слуг, что ли, нет? — недовольно забухтел братец.

— Ты мне это счастье подарил, ты теперь и мучайся, — любезно пояснила я и красноречиво похлопала рукой по кожаному футляру с иглами. — Бегом!

— Вот всегда так... Да бегу я, бегу!

Когда шаги младшего брата затихли среди жасминовых зарослей, в павильоне стало совсем тихо и так спокойно, словно мою мирную жизнь вовсе не нарушал никакой полудохлый небожитель. Эх, впечатление обманчиво.

— Раз уж с голосом у тебя все в порядке, может, скажешь, как тебя зовут? — Я присела возле стола и взяла свою неизменную ступку, где уже были приготовлены семена. Лекарю всегда есть чем занять руки, когда нужно подумать или просто выпадает свободная минутка. Растирать порошки — долго и нудно, а требуются они в каких-то космических количествах. А при наличиидохлого небожителя — необходимый объем вырастет впятеро! Не было у бабы забот, купила баба бессмертного заклинателя... Так что трем, не ленимся.

— Нет, — все же мне ответили. Коротко и ясно. Но не информативно.

— И как мне тогда к тебе обращаться?

— Придумайте сами. Госпожа. — О, целых три слова. Идем на рекорд, может, скоро и целые предложения из него выйдут.

— Понятно. — Пришлось встать и идти к изящному гнучному стеллажу с полочками, на котором у меня стоит шкатулка с документами. Небожительскую купчую я туда положила, как только вошла. — Не имею обыкновения давать людям клички, как собакам, — пояснила я свои действия. — Если тебе настолько неприятно звучание собственного имени, если оно напоминает тебе о боли — придумай себе другое сам и скажи мне.

— Зачем мертвецу имя? — Парень слегка осел в воде, опираясь виском на край бочки. Колючая от лекарства вода едва ли не касалась его носа, потому создавалось стойкое ощущение, что заклинатель думает утопиться.

— Затем, что безымянный труп нарушает мою душевную гармонию, такой ответ тебя устроит?

— Это ваши проблемы, — едва слышно буркнул он, снова закрывая глаза. О, как мило. Раз огрызается, стало быть, ожил, даже вопреки собственному желанию.

— Значит, другого имени ты не хочешь придумывать. — Я кивнула. — Будем пользоваться тем, что есть. — И развернула свиток. — Как интересно. Тан Юншен. Мы с тобой однофамильцы. Меня зовут Тан Янли.

Парень вздрогнул от звука своего имени, а потом криво улыбнулся, не открывая глаз.

— Извращенное издевательство судьбы, — прошептал он.

«Юншен — живущий вечно, то есть бессмертный», — машинально перевела я. И хмыкнула:

— Во всяком случае, ты не умер. Пока. А судьба — она такая... разная, знаешь ли. Никогда не угадаешь, что тебе еще подсунут.

Это я на собственном опыте могу подтвердить: в жизни не рассчитывала из нашей разбитой машины с красным крестом залететь в магический мир. Впрочем, объяснять ему я это не стану, пусть кривит губы с таким видом, словно думает: «Да что ты можешь об этом знать, богатенькая девчонка».

— А вот и горячая водичка! — В комнату влетел веселый братец и с ходу вылил в бочку черпак кипятка. Как бы ни был отрешен и готов к путешествию в другой мир наш вечноживущий, а такой сюрприз ему не понравился. Парень коротко вскрикнул от неожиданности и попытался просочиться сквозь стенку бочки куда-нибудь подальше от заботы А-Лея.

— Я тебя сейчас туда к нему за компанию посажу. — Звонкий подзатыльник, выданный брату, немного примирил вареного рака с действительностью. Как бы ни хотелось ему оставаться отрешенно-невозмутимым трупом, мы для этого оказались слишком живыми и доставучими, все время отвлекая от мыслей о вечности. — И буду поливать кипятком! Думать надо, прежде чем делать!

— Бубубу... Я как лучше хотел. И вообще... я же не ему на голову!

— Если б ты додумался вылить кипятком моему пациенту на голову, то мне пришлось бы лечить тебя от умственной отсталости. — Ну правда, порой шутки братца действительно переходили все границы. Паршивец.

— Зато гляди, как ожил! — А-Лей сначала отошел на безопасное расстояние, а потом только гадко ухмыльнулся. — Смотреть приятно, даже на каменной физиономии вполне живые чувства проступили. Сразу ясно — теперь не помрет. Просто из вредности и желания отомстить.

И получил в ответ самый настоящий яростный взгляд из-за края бочки. Понятненько... и правда допек.

— Ладно, вынимай, — наконец решила я, убедившись, что вода в бочке снова стала прозрачной. Значит, весь порошок с ци уже впитался в тело бессмертного трупа. — Настала очередь иголок.

— Сочувствую тебе, бедный ежик. — А-Лей, невзирая на слабые трепыхания жертвы, ловко выудил заклинателя из бочки. — На столе разложить или на кровати?

Заклинатель в его руках, кажется, подавился воздухом.

— Клади сразу на место, чтобы потом лишний раз не кантовать, — кивнула я, расстилая на собственной постели специальные простыни и отрезы. — Там и спеленаем. Полотенце только отбери у этой стеснительной фиалки. Смотри, даже в бочку его затащил и теперь не отпускает.

Совершенная жертва действительно мертвой хваткой вцепилась в кусок ткани, которым были обернуты ее бедра. Естественно, с мокрой тряпки теперь лилось на пол.

— Да отдай ты, чего она там не видела, — практически слово в слово повторил брат уже сказанную мною фразу. Поскольку вода с полотенца попадала и на А-Лею, он не был склонен к сантиментам и тряпку отобрал враз. — Ладшкой прикройся, если такой стеснительный. Когда сестра разрешит...

Глава 6

Тан Юншен

Это было больно. Нет, не только боль... всего было слишком. Всех чувств. Слишком остро ощущался холод от каждого, даже самого легкого, порыва ветра. Слишком ярко слепило полуденное солнце, отчего слезились глаза. Слишком явно грыз изнутри тянущий голод... Все то, что тренированное и полное ци естество бессмертного заклинателя позволяло игнорировать, сейчас навалилось на меня настоящим цунами.

Тело казалось непозволительно хрупким, словно чашка тонкого фарфора, ноги слишком ватными, а кожа — содранной. Достаточно было легкого удара, чтобы появился синяк. Чем больше в заклинателе силы, чем дольше на нее полагалась его сущность, тем беззащитнее он становится, лишившись ее.

— Просто... убейте... — едва осознавая себя в этой боли и калейдоскопе навалившихся ощущений, попросил я у своего палача — главы пика Алых Знамен.

— А разве смерть — наказание? — Я не видел его самодовольной кривой улыбки, но слышал ее в его голосе и знал, что она есть. Ощущал на себе буравящий взгляд черно-красных углей своего главного обвинителя. — Смерть — это избавление от всех мук жизни. Своеобразное вознесение, перерождение в духовную сущность. Разве можно ею наказывать?

Перед глазами все расплывалось, солнечное сплетение горело невыносимым жаром, сжигая изнутри. Мне было не до высокопарных речей, и все же...

— Слишком... — только и смог произнести я. Действительно, разве не слишком жестоко? Медленно умирать в течение многих месяцев, собирая на себя сразу все болезни, которые никогда не затронули бы тело заклинателя. Страдать от приступов и судорог нехватки ци.

— Ты действительно думаешь, что лишение золотого ядра — единственное твое наказание? — Голос раздался уже где-то рядом, но все равно я едва мог различить слова. — Мои услуги по

запечатыванию стоят дорого. И раз старики не выделили мне и ланя, заплатишь ты. Последнее время в мире смертных появилась новая мода: продавать низвергнутых. Конечно, обычно на помост попадают лишь самоучки-недозаклинатели, в крайнем случае — проштрафившиеся или предавшие своего наставника ученики... Но кого теперь это волнует? Не думаю, что старейшины заме...

Слишком долго. Слишком много слов. Ослабленное и лишенное ци тело не выдержало и потеряло сознание.

В следующий раз я пришел в себя в повозке. Она тряслась и скрипела, снаружи слышался звонкий цокот копыт. Нос уловил запах какой-то изысканной еды, и желудок свело болезненной судорогой.

— Даже интересно, кто тебя купит. И для чего. — Голос палача звучал обыденно, словно он беседовал со мной о погоде. — Богатая вдовушка, как красивого и престижного питомца на подушечку, или старый извращенец, любитель юного тела. На пару ночей тебя хватит, а дальше сладострастцу и не надо, таким быстро наскучивают даже самые дорогие игрушки. Скорее всего, второе. Богатые женщины любят постарше и покрупнее. Ты слишком рано перешел на уровень бессмертных, такой талант... был.

— Мне все равно, — ответил я и понял, что это мои последние слова в мире бессмертных. Правдивые слова. Мне все равно. Я уже умер, какая разница, что будет с этим телом дальше?

Голос палача, запах его трапезы, тряска и пыль — все снова стало уплывать в серую дымку небытия. И я с облегчением позволил себе упасть туда.

Увы, навсегда остаться за серебряной гранью мне не дали. Сначала рабский барак у рынка, потом помост — там я должен был иметь «товарный вид». А значит, находиться в сознании. Под нос сунули какую-то отвратительно пахнущую бутылку, от которой глаза раскрылись непроизвольно. Мало того, запах был настолько пробивающим, что пришлось сморгнуть слезы.

— Хм, давайте мы его вуалью прикроем, достопочтенный господин небожитель. Так можно подогреть интерес толпы к товару.

Чьи-то шершавые пальцы провели по скуле, и я еле удержался от желания отшатнуться. Нет... я уже решил... мне все равно. Все равно.

— Я рассчитывал отвезти его на элитный рынок в столицу. Там есть надежные посредники, которые знают, как преподнести

покупателям подобный товар. Но поскольку срочные дела призывают меня вернуться на свой пик, достопочтенный торговец, я обременяю тебя этой работой. Делай, как считаешь нужным.

Шум в ушах был таким сильным, что звуки внешнего мира пробивались к моему сознанию с трудом. Голос палача исчез, остался торговец, а потом...

Потом меня выставили на помост и продали. Всё, что я вычленил из какофонии звуков, это звонкий мальчишеский голос. Чем-то он был похож на голоса младших учеников и потому вызвал приступ горькой ностальгии.

«Значит, старый сладострастец мне не грозит», — только и успел подумать я, прежде чем тело вновь попыталось умереть. Если бы я знал... насколько все хуже, я бы постарался разбиться насмерть, упав с проклятого помоста виском о какой-нибудь камень!

Я думаю, что почувствовал бы меньшее унижение, купи меня любитель молодых тел. Даже такой человек не стал бы перекидывать меня через плечо и бежать, мотая, как куль с рисом. При этом шум молодых голосов все не унимался, кровь прилиwała к голове, отчего в висках заломило еще сильнее.

Яркость женских одежд, снова сумбурные разговоры и, наконец, кровожадное лицо девушки, сверкающей скрытым оружием в ладонях. Меня продали теневой гильдии? Зачем убийцам низверженный заклинатель?

Чуть позже, когда меня окунули в буквально кипящую зеленую жижу, я осознал: для экспериментов. Одна из запрещенных гильдий явно разработала какую-то методику работы с ци, и им нужны были подопытные. Два юных убийцы, постоянно переговариваясь, даже не особо скрывали этого. Сбивало с толку лишь то, что они зачем-то притворялись обычными подростками, живущими в доме зажиточного купца, но... это невозможно. Их игра была настолько неудачной и неправдоподобной, что ставила меня в тупик. И если парнишка еще более-менее вписывался в свою роль избалованного сына богатой семьи, то девчонка... Для городской девушки эта Янли была слишком... слишком расчетливой, опытной, жестокосердной и... бесстыдной.

Она меня раздела! И не просто сняла верхние одежды, что само по себе верх неприличия, она сняла все! Даже в борделе, в котором я

был на заре юности, нежные цветы, дарящие любовь за деньги, не опускались до такой распущенности. Как можно поверить в добрые намерения женщины, если при виде полностью обнаженного мужского тела у нее даже не заалели щеки! Она причиняла боль и словесно издевалась с таким удовольствием, что с каждой секундой я все больше и больше уверялся в ее темной сущности. Правда, то, что она делала, все же ставило меня в тупик: я больше не заклинатель, но все еще способен понять, что мое тело не просто так топят в горячей воде — в него накачивают энергию. Как именно — не хватало сил увидеть. И даже просто подумать и разобраться не было возможности, потому что эта парочка словно поставила себе цель вывести меня из равновесия. И самое постыдное — я им поддался.

Но, пусть опасения, злость и негодование напитали мое тело, я все еще был слишком слаб. Даже не смог удержать жалкую мокрую тряпку, единственную защиту моего достоинства. А потому только выдохнул в лицо купившей меня убийце одно слово:

— Бесстыдство!

Глава 7

— Бесстыдство! — нашел-таки в себе силы прошипеть Юншен. И глазами сверкнул — кажется, мы парню окончательно все дао совершенства порушили. Эмоции так и прут. И хорошо... и правильно. Умница, братец, без слов понял, чего я от него хочу. Раскрыть мелкие каналы ци — это только треть дела. Надо еще заставить энергию по ним двигаться. И нет ничего лучше в этом деле, чем довести пациента либо до незабываемого счастья, либо до неконтролируемой ярости. Сразу весь депрессивный застой с места сдвигается и бодро циркулирует. Со счастьем по понятным причинам у нас напряженка. Остается злость. Конечно, есть еще третий вариант — возбудить. Но тут мне мальчишку просто жалко стало: он так сжимается от одного взгляда на его тело, что понятно — реагирует как клинический девственник. Ну, или высокоморальный даос, который в бордель, может, и ходил, но тайком и один раз, лет триста назад...

— Сам лежать будешь спокойно или привязать? — ласково спросила я, по порядку выстраивая на простыне набор серебряных иголок. Люблю я давать людям выбор. — Не особо больно будет, но иногда неприятно.

— Добрая ты, сестренка. — А-Лей, который разложил Юншена в позу морской звезды, все же сжалился и прикрыл стратегическую запчасть несчастного сухим полотенцем. — Давай я его просто подержу. А он не будет особо дергаться.

— Что... вы собираетесь со мной делать? — раздалось еле слышно с кровати.

Я буквально за язык себя поймала, чтобы не ляпнуть вслух про «насиловать извращенным способом», и на А-Лея глянула так, что он явно тем же самым предложением подавился.

— Лечить, что же еще. Если хочешь, я могу даже рассказывать, что именно делаю и зачем, если тебе так будет спокойнее. — Первая иголка нашла нужную точку на солнечном сплетении парня, отчего он придушенно ахнул. С чего? Не больно же, я точно знаю.

— Разрушенное ядро — это не болезнь. Как не восстановить вырванное сердце, так не собрать и золотые осколки. — Лежит

поддыхает, а все равно умудрился процитировать какой-то философский трактат.

— Ядро твое я пока не трогаю. А вот те меридианы, которые вокруг него... Как интересно! А-Лей, смотри внимательно. Золотое солнце погасло, но даже самые мелкие сосуды вокруг него так разработаны, что все еще держат форму. Их вполне можно заставить пожужжать. Заклинать, понятно, не выйдет, а нормально жить — вполне! Надо только поискать альтернативный источник энергии на первое время... одного порошка маловато.

— Я тоже не понимаю, че она сейчас сказала. Но интонация веселая, значит, мучиться тебе еще не менее года, — обрадовал пациента А-Лей. И быстро пояснил, глядя в расширившиеся глаза: — Я имею в виду, что, во-первых, ты дольше проживешь, а во-вторых, ты интересный случай и так просто она от тебя не отстанет.

— Я осознаю. — Заклинатель отвел взгляд и сжал губы в тонкую линию.

— Если хочешь, чтобы он успокоился, лучше молчи, — усмехнулась я, планомерно усеивая тощее нечто серебряными иглами. Результат мне нравился — я не ожидала, что его меридианы будут так легко откликаться на мое воздействие. У простых больных людей все происходило совсем иначе. Дело, наверное, в том, что он уже не человек. Бывший нечеловек.

— Что ты де... — Стратегическую тряпку у заклинателя в очередной раз отобрали, и я имела удовольствие полюбоваться на то, как краски жизни возвращаются на его бледное лицо. Причем хорошо возвращаются, сразу до состояния свеклы. Хотя... он и так ниже шеи темно-розовый от воздействия воды, а теперь и щеки потеплели.

— Спокойно, Маша, я Дубровский. — Конечно, никто не понял, зато все замерли. Когда я произносила какие-то фразы по-русски, местные, щебечущие на своем птичьем языке, застывали как кролики перед удавом. Думали, что я рычу страшное заклинание демонической практики. — А-Лей, поддержи его. И ногу подними. Согни в колене и отведи в сторону. Теперь другую. Молодец.

— Ужас, сестра, во что ты меня вечно вовлекаешь... Во всякое неприличное с мужчинами! — картинно возмутился брат.

— Я, значит, вовлекаю? Напомнить, чей это подарок? А то я сейчас разовью теорию, и окажется, что это ты тайно захотел полапать

заклинателя и, скрывая свои грязные намерения, вручил его мне якобы в подарок. Как думаешь, быстро ли разлетится эта сплетня по городу? — Что-что, а управу на мелкого я всегда легко найду.

— Не надо... уф. Ну все, парень, выдыхай. Она закончила. Видишь, все-все иголки из тебя вынула, ты больше не ежик даже местами.

— Пеленай уже, жалетель. И поплотнее.

За полтора года знакомства и моего участия в его воспитании братец весьма поднаторел во вспомогательной медицине и сестринском деле, так что справился в момент. Через несколько минут плотный кокон из простыни и широких полос льна, пересыпанных все тем же порошком цунь с примесью еще кое-каких трав, сонно моргал на меня длинными ресницами и пытался сурово поджать губы.

— Сдвинь к стенке, пусть лежит, — распорядилась я, сочувственно глядя, как медленно исчезает из широко открытых глаз жертвы шокированное выражение. — До утра теперь не стоит его трогать. Но присмотреть нужно. У меня останется. Поправится — разберемся, куда его поселить.

— Здесь одна кровать, — подал вдруг голос сверточек с бессмертным.

— Одна. — Я помогала А-Лею разложить инвентарь по местам и навести в комнате порядок. Вообще это его обязанность, которую он согласился выполнять в обмен на мои уроки и то, что я его не гоню в особо интересных случаях, но я не вредная.

— Где ты... вы... будете спать? — Пусть я не смотрела в его сторону, но отчетливо почувствовала, как новоявленная куколка шелкопряда нахмурила брови.

— На кровати, где еще.

— Здесь одна кровать, — повторил он предыдущую фразу.

— Я в курсе. Считать умею. — Разложив иголки по кармашкам в кожаном пенале и активировав выгравированный на крышке талисман обеззараживания, я наконец закончила с уборкой. — Надеюсь на твою порядочность и на то, что ночью ты не станешь ко мне грязно приставать. Собственно, уверена в этом. — И поправила чуть сбившуюся простыню у него на плече. Заодно полюбовалась, как он ищет подходящее слово и не находит.

— Вы...

— На этой кровати футбол... э-э-э... скачки можно устраивать, лошадиные. Успокойся, закачу тебя к стеночке, накрою одеялом, и ты мне не помешаешь. Спи. — Я действительно слегка отодвинула его вбок.

— Вы...

— Янли! — Не только мы с А-Леєм вздрогнули, слышав этот рев, но даже спеленутый заклинатель забыл, что хотел сказать. Еще бы, господина Тана здешние небеса голосом не обидели. Ну, точнее, папу. В нынешних древних условиях, где у каждого более-менее состоятельного мужчины есть несколько жен и наложниц, отец в нашей семье был достаточно любящий и по-своему заботливый. И вообще хороший папочка. Когда не сносит ширму и не орет раненым буйволом:

— Янли! Это правда, что ты купила наложника, чтобы потерять с ним девственность?!

Глава 8

Тан Юншен

«Хоть кто-то адекватный в этом доме, — подумал я, разглядывая крупного краснолицего мужчину средних лет в богато украшенных одеяниях торговца. — Вот сейчас меня как минимум переложат в другую комнату, как максимум и вовсе переместят в двор для слуг и рабов. И можно будет спокойно и размеренно обдумать ситуацию».

— Нет, папочка, — совершенно спокойным голосом отозвалась моя хозяйка, подошла и вместо традиционного почтительного поклона поприветствовала главу дома фамильярным поцелуем в щеку, словно вообще не обращая внимания на то, что достопочтенный в ярости.

Брат ее, кстати, именно в этот момент спрятался за пологом кровати и строил мне оттуда страшные рожи. Ненормальные... они тут все ненормальные, учитывая, что они со мной делали всего несколько минут назад. Даже вспоминать невыносимо.

— Где он? — уже менее агрессивно спросил отец моей мучительницы, оглядывая комнату и не видя меня. Что не удивительно. Сейчас я был скорее похож на рулон ткани, чем на человека.

— Нету, — улыбнулась девушка. — Если ты про наложника спрашиваешь.

— А кто есть? — не дал сбить себя с толку торговец.

— Ну как тебе сказать... Сам посмотри. — Янли, вместо того чтобы отвлечь внимание отца, за руку подвела его к кровати и стянула с меня одеяло.

Торговец крикнул. Его брови высоко поднялись, почти достигнув линии роста волос. Несколько томительных минут он внимательно рассматривал и меня, и мои пути. Потом задумчиво ущипнул себя за тонкий ус и сказал:

— Бедная девочка. Что ты с ней сделала?

На пару секунд в комнате стало очень тихо. Кажется, не только я пытался понять, кто именно тут... бедная девочка. Потом страшное подозрение все же посетило мою голову.

— И волосы остригли. Дочка, это ведь можно как-то поправить? У нас приличный дом, даже рабыни не должны выглядеть как последние каторжники!

— Сначала оживим, потом и с волосами можно разобраться, — кивнула девушка, глядя на меня с легкой улыбкой. — Только это мальчик.

— На наложника все равно не похож, — после долгой-долгой паузы, во время которой спрятавшийся от отца за пологом брат хозяйки прикрыл голову руками и зажмурился, сказал достопочтенный торговец. — Ему на вид лет четырнадцать. Еще и болеет, кожа да кости. Не заразный хоть? — Девушка отрицательно покачала головой. — Ладно. Но знаешь, дочка... лучше бы ты опять щенка подобрала или котенка лишайного с улицы. Приличнее как-то, спокойнее.

— Особенно лечить потом от этого лишая весь твой гарем, — хмыкнула бесстыдница. — Пап, а кто тебе про наложника ляпнул? Не поверю, что госпожа Тан.

— Нет, не она, это Ли... кхм. Не помню. Слуги болтают. — Мужчина отвел взгляд, поглаживая небольшую ухоженную бородку.

— Понятно. Ну передай... слугам, что я благодарна им за заботу. Непременно найду способ позаботиться в ответ. — Я буквально почувствовал, как юная убийца перебирает скрытое в широком рукаве оружие. Я этого не видел, но был уверен, что оно у нее есть и именно сейчас она выбирает, каким именно воспользуется, отвечая на «заботу».

— Э, дочка... ладно тебе, какие мелочи, — чуть неестественно засмеялся достопочтенный.

А я подумал: такой солидный и властный мужчина с громким голосом и уверенностью в себе вдруг заискивает перед собственной дочерью? Что опять за представление разыгрывают на моих глазах? Для чего? Я и так в полной их власти и, даже если бы хотел, сопротивляться в моем состоянии не смог бы. Как боец я бесполезен, как источник информации о пиках — тоже. Хотят выведать информацию о теории техник и печатей? Но ведь она бесполезна для простых смертных...

Может... может, у них есть ребенок со способностями и им нужен полностью лояльный учитель? Но тогда что с этим отношением? И как

этот базарный балаган может повлиять на то, буду ли я учить кого-то или нет?

— Янли, ты это... я к тебе чего шел, — продолжил тем временем глава дома. — Приехал почтенный Фен с семьей. Госпожа Фен сказала твоей матушке, что непременно желает с тобой повидаться. Но это уже... завтра, солнце скоро сядет.

— Спасибо, папочка. В следующий раз пришли слуг с известием, а сам просто так приходи, если захочешь меня проведать, — продолжила заискивать перед мужчиной эта... лисица!

— Ладно-ладно. Совсем застыдила старого отца. А-Лей! Иди за мной! Поговорим о том, что можно, а что нельзя дарить юным незамужним сестрам на день рождения! — Голос торговца обрел прежнюю властность.

Притихший за занавеской мальчишка тяжело вздохнул, посмотрел на меня жалобными глазами, словно ища сочувствия, и вылез из укрытия.

— Да, отец... — Он послушно сложил руки перед собой в жесте почтения и глубоко поклонился. — Как прикажешь.

Кажется, в этом доме балуют только дочерей?

Жаль, что меня не отправили к слугам. Тем не менее, когда почтенный ушел, уводя за собой явно приунывшего мальчишку, в комнате стало тихо. Настолько тихо и спокойно, что, несмотря на присутствие девушки-лисы, через какое-то время я перестал бороться с непреодолимой сонливостью. Было в этом укутывании что-то странное. Теплота вместе с невозможностью двигаться почему-то успокаивали, вместо того чтобы настораживать. Глаза закрылись сами собой, и даже легкое пощипывание и покалывание во всем теле не помешали мне крепко заснуть. Кажется, меня снова укрыли вторым одеялом. Но я не уверен...

Утро началось с кошмара. Мне не снились сны с момента казни, а тут привиделось, что меня проглотил огромный питон-носорог и проталкивает в желудок по узкому пищеводу, стиснув все тело мышечными кольцами, а я задыхаюсь и не могу пошевелиться. А потом я провалился-таки в чрево твари, полное едкой кислоты, — ощущение стиснутости исчезло, зато кожу обожгло желудочным соком. Я, кажется, не выдержал и заорал.

— Тихо-тихо... — сказала мне тварь, голова которой вдруг возникла в ее собственном желудке. Я открыл глаза и увидел склонившегося надо мной мальчишку. А-Лей. Так его зовут. — Не ори, я тебя не съем. Да не ори ты, народ сбежится. И увидит, что Янли нет. Шуйся!

Кажется, его опасения сбылись, потому что за легкой шелковой перегородкой послышались шаги и голоса, которые явно приближались.

— Шуйся! — еще раз выругался мальчишка, в панике оглядываясь.

— Госпожа Янли? — окликнул женский голос снаружи.

А-Лей всплеснул руками, схватился за голову, посмотрел на меня... и вдруг сдернул с головы заколку-корону, с помощью которой его волосы были собраны в аккуратный традиционный пучок. Потом этот сумасшедший мальчишка схватил оба лежавших на кровати одеяла, упал на меня сверху и накрыл нас обоих с головой, оставив свои волосы свободно лежать на подушке.

— Ты!

— Тиш-ш-ш-ше! — прошипел он мне на самое ухо, зажимая рот рукой.

— Госпожа Янли? — Женский голос раздался совсем рядом.

— М-м-м-мгм, — промычал парень на высоких нотах мне в плечо и обнял меня всеми конечностями, как детскую игрушку.

— Вы спите? — Служанка слегка отодвинула бамбуковую дверь в сторону, заглядывая внутрь.

— М-м-мгм-м-м... — еще сильнее вжимаясь в меня носом, ответил ей мальчишка.

— Мне послышалось... — До чего дотошные здесь слуги. Странно.

— Мгм!

— Ухожу-ухожу... скажу вашей достопочтенной сестрице, что она зря волновалась. Спите, госпожа, — с каким-то разочарованием пробормотала женщина.

Шаги удалились и стихли.

— Уф-ф-ф-ф! — сказал А-Лей и скинул с нас одеяло. — Чуть не спалили сестрицу. Никто не должен знать, что она ночью уходила, понятно?

Глава 9

Что это было, я не понял, но убедился еще раз: дело нечисто. А-Лей же быстро пришел в себя, словно ничего и не случилось.

Спустя пару минут этот подручный юной лисы-убийцы совсем оправился, ловко сдирал с меня чуть приставшие к коже ленты ткани и быстро протирал открывшиеся участки смоченной в чем-то зеленом тряпкой. Кожа опять покраснела, но зуд быстро исчез.

Я окончательно пришел в себя и вспомнил, что кошмар наяву не содержит в себе ночных тварей, зато богат на разные другие неприятности. И молча стиснул зубы. Вести себя так, крича во сне, было по-настоящему стыдно. Будто снова вернулся во времена своего ученичества, когда только начинал путь по дороге самосовершенствования.

Вдох-выдох. Даже такая мелочь, как медитация, мне сейчас недоступна. Но привести в порядок мысли и изучить доступное мне окружение вполне возможно. Проанализировать звуки и запахи, обстановку комнаты и дороговизну тканей. Всё вокруг говорило о том, что это и правда дом зажиточного торговца, но вот комната... комната больше похожа на обитель лекаря. Обилие трав и склянок с пилюлями, шкафчиков со множеством мелких отделений, откуда-то издалека запах рисового вина и немного каленого железа. И подозрительно мягкая кровать. Сколько же покрывал на нее настелили, что она так прогибается?

Лисы в комнате не было. Судя по бледно-серому небу за окном, сейчас очень рано — только рассветает? Хм, и где может носить в столь ранний час эту странную девчонку? Приличные юные госпожи в такое время обычно спят, а эта наверняка ушла по каким-то своим делам. Видимо, выполняет заказы в качестве убийцы.

Меня же оставила под надзором своего младшего... ученика? Почему, кстати, этот мальчишка двигается так скованно, все время шипит сквозь зубы и выглядит несчастным? Как будто не меня, а его здесь подвергают разным болезненным и унижительным процедурам.

— Сестра тебе не сказала, когда вернется? — спросил он, заворачивая меня в другую простыню, чистую. — А то в записке

велено только поменять повязки, дать таблетки и покормить...

— Ты меня спрашиваешь? — Не то чтобы мне хотелось вступить в беседу. Но события последних дней плохо отразились на моем характере и умении сдерживаться. Поэтому я даже не пытался скрыть раздражение.

— Тут больше никого нет, — вздохнул подросток, никак не отреагировав на злость в моем голосе. — Вот шуйся! Ты еще дохлый, не сможешь мне помочь... или сумеешь?

— Как один из хозяев, вы способны просто приказать, — констатировал я факт. Манера речи мальчишки была фамиллярной и дружелюбной, но мне и самому не стоило забывать, что я для них не более чем купленное для экспериментов тело.

— Толку тебе приказывать, если ты просто не сумеешь как следует намазать мне задницу, — выдал этот... этот...

— Что-о-о?!

— Сам такой! — обиделся псих. — Просто отец мне... меня... короче, он мне полвечера объяснял, что нельзя дарить незамужним девушкам опальных заклинателей. И про правильное вложение капитала еще. Чтоб то весло гуй речной побрал, знаешь, как больно? И откуда оно вообще оказалось у него в комнате?! — со скорбным лицом поведал мне мальчишка.

Я пару секунд смотрел на него и не мог поверить в то, что вижу и слышу.

А потом...

— Молодец, братишка. Такими темпами он точно скоро восстанет из мертвых. — Девушка-лиса не появилась со стороны двери, а легкой тенью скользнула в окно, принеся с собой запах лесной зелени и росы. — Уже смеется, надо же!

Смеюсь? Как бы не так. За такую ехидную и даже злорадную ухмылку, что искривила мои губы, я сам заставил бы младших учеников сто раз переписать правила благонравия, стоя при этом на руках. Учеников... Воспоминание было слишком болезненным и мигом стерло улыбку с лица.

Кстати, где ночью была эта странная девушка? Запаха крови от нее я не чувствовал. Аромата другого мужчины тоже. Специфического оттенка очищающих благовоний и того не было. Пахло лесом, травами. Впрочем, мне все равно.

— Ты нашла? — между тем нетерпеливо спросил сестру мальчишка, слезая с меня. И тут же схватился за задницу, тихо подвывая. — Сестра-а... мне нужна твоя помощь! Срочно!

— Потерпишь. За дело схлопотал, — отмахнулась жестокосердная. — Не в первый раз, в конце концов. И не в последний. Ты его покормил?

— Конечно, теперь ты будешь больше заботиться о трупе постороннего небожителя, чем о родном брате, — пробухтел мальчишка. — Он тоже потерпит пять минут.

— Что ты вообще на кровати делал, несчастье? — Янли присела к столу и начала разбирать травы из корзинки. — Перепеленал — и слезай, нечего там валяться.

— О, а вот это интересно, — оживился А-Лей. — У тебя под порогом в кустах всю ночь сидела Пуи, представляешь?

— Что служанка этой стервы тут забыла? — удивилась девушка. — Ах да... ждала звуки оргии, не иначе. А ты как ее обнаружил? Она не заметила, что меня в доме нет?

— Я вовремя притворился тобой. Хвали меня! — Юноша попытался принять гордую позу, но тут же опять схватился обеими руками за ягодицы. — Нет, лучше лечи... а то как я с такими боевыми ранами буду тебе помогать? Ты ж не будешь сама его на ручках таскать?

Надеюсь, если я буду спокойно игнорировать все выпады этого невоспитанного юнца в мою сторону, он быстро перегорит.

— Возьми бальзам и помоги себе сам, — отмахнулась от него сестра. Она плавно встала из-за стола, подошла к кровати и начала рассматривать меня с каким-то нездоровым интересом. А потом с неожиданной для девушки силой обхватила меня поперек туловища и легко сдвинула к самому краю кровати. — Мне есть кем заняться. А ты пока приготовь молоко с медом.

— Янли-и-и!

Кажется, в этом поместье все обитатели в той или иной мере ненормальные. Все они либо крадутся и шпионят по кустам, либо врываются в чужие покои с воплями. Похоже, третьего и не дано.

— Янли! — Красивая молодая девушка влетела в комнату, сверкая разноцветными шелками и драгоценностями. — Янли!

— Еси, я не глухая. — Моя хозяйка демонстративно поковыряла пальцем в ухе. — Почему ты так кричишь с утра пораньше? Вдруг я бы спала. Или и вовсе — была не одна.

— Да ну тебя, — отмахнулась громкая девушка. — Янли, мне нужна твоя помощь! Я не хочу замуж! Сделай что-нибудь! Ты же можешь! — Она буквально набросилась на Янли со слезами и объятиями.

— Можем устроить твоему будущему благоверному несчастный случай, пойдет? Только скажи, о ком речь, — высунулся из-за полога кровати противный мальчишка, торопливо поправляя пояс и верхние одежды. Намазался уже? Или недоволен как раз из-за того, что ему помешали?

— В том-то и дело, — насупилась гостья, отцепившись наконец от Янли и проходя в комнату. Красивая, богато одетая и очень плохо воспитанная. Врывается с криком, садится без спроса на чужую постель. Юная госпожа — балованная дочь знатной семьи? Хм.

Гостья, даже не обратив внимания на то, что Янли слегка поморщилась от ее бесцеремонности, преувеличенно тяжело вздохнула и выпалила:

— Я не знаю, кто он! Их вообще два!

Глава 10

— Как это? — удивился А-Лей и даже попытался присесть рядом с гостьей, но в последний момент спохватился и передумал. — Как это два?

— Ну так... — Девушка потупилась и потеряла одеяло, слегка сдернув его тем самым с меня.

Жизнь после смерти оказалась совсем не такой, как я ожидал. Никогда прежде столько людей не прикасались ко мне без разрешения. По тому, как на мгновение застыла гостья, я понял, что меня заметили, и уже ждал громкого визга. Но нет. Визга не последовало. Одеяло стянули почти до груди, и в мое неприлично оголившееся плечо потыкали пальцем, а потом и вовсе дернули за прядку волос.

— Какая красивая кукла! Это иллюзия? — Девушка восхищенно провела пальцем по моим губам. Я дернулся, отстраняясь. Какая... бесцеремонность.

— Еси, — наглый мальчишка просто неприлично захрюкал, а его сестра закусила губу, чтобы сдержать смех, — это вообще не кукла. Слезь с моего пациента и не трогай его руками.

— Это... — Девица подскочила и отпустила одеяло. — Выходит, слухи не врали? Это тот самый наложник?! Настоящий?!

— Так. — Кажется, у хозяйки дома лопнуло терпение. — Давай вернемся к твоим мужьям и оставим в покое моих на... пациентов. Излагай внятно, чего ты хочешь.

— Янли-и-и, — тут же просительно заныла гостья, хлопая длинными ресницами. — Ну как же... я хочу, чтобы ты помогла мне выбрать лучшего или вообще не ходить замуж! Ты же можешь наколдовать все-все про этих двух мужчин? И рассказать матушке! Только сначала мне... Я хочу твою магию!

Я застыл. Мое ядро разрушено, и совершенствование уничтожено. Но я еще не ослеп. У этой лисицы нет развитого золотого ядра. Она не может пользоваться духовными силами, чтобы творить магию. Но, судя по словам девчонки, уже делала это раньше. Это значит... что она практикует демонический путь?! Или настолько искусна, что способна

скрывать свое ядро даже при столь близком контакте. Нет, это еще более невозможно, чем путь демона.

— Понятно... — протянула хозяйка дома. — Именно за этим семья Фен приехала к нам погостить, так? А твоей матушке просто характер не позволяет что-то у меня просить после того, как в прошлом она ко мне отнеслась. Вот и решила прислать тебя «неофициально» надавить на жалость.

— Ты уже и мысли читаешь, да? — обреченно спросила девушка. — Ну Янли-и-и, ну пожа-а-алуйста. — Девчоночье нытье стало еще пронзительнее и противнее. Неужели кто-то на это ведется? — Ну ты ведь все равно сможешь? Я же не матушка! Я тебя всегда любила!

— Это не значит, что я буду работать бесплатно, — цинично хмыкнула лиса. — Скажи госпоже Фен, что я выйду к обеду. И у нее будет возможность попросить моей помощи. Заодно и об условиях договоримся.

— Матушка будет недовольна, — надула губы странная девушка. — Матушка, она...

— Переживет. — Усмешка хозяйки дома стала жесткой. — За все в этой жизни надо платить. А ты не реви мне тут. В любом случае помогу. Но на шею себе садиться я больше никому не позволю, особенно твоей матери. Поняла? — Она погладила девушку по голове и стерла пальцем ее слезы, будто была намного старше подруги. — Умница. А теперь беги, займись своими делами, поболтай с кузинами. Я занята.

— Ладно. — Когда эта девчонка перестала канючить и притворяться маленьким ребенком, она стала выглядеть почти мило. — Я сделала, что велели и что хотела, а вы с матушкой сами разбирайтесь. Я пошла.

После этих слов она легко сбежала по ступенькам в сад. Но тут же вернулась, сунула голову в дверной проем и выпалила:

— А про наложника все равно уже все знают! И... я тебе завидую. И убежала.

— Ну? У тебя такое лицо, словно ты кошка, которая съела жирную мышь, — прокомментировал А-Лей после долгой паузы.

— Почти, — задумчиво хмыкнула лиса. — Это было не так сложно. Пара разговоров с отцом, намек матушке, несколько слухов... и господин Фен срочно озаботился тем, что его единственной дочери

нужен муж. Судя по тому, как всполошилась госпожа Фен, он выбрал на свой вкус и для собственной выгоды. — Она наматывала на палец свои рыжевато-каштановые волосы и чуть покусывала губу, обсуждая столь недостойную юной госпожи тему. Пойдите, рыжие?!

Вчера я не разглядел — мне было не до того. А теперь четко видел — волосы хоть и темные, как у всех нормальных людей, но, едва на них попадает солнечный луч, начинают гореть ржавым огнем. Неужели демоническая полукровка?! Нет, она же ко мне прикасалась... я бы почувствовал исконно враждебную демоническую ци, даже не имея ядра.

— То есть я угадал. — А-Лей забрался коленями на кровать и задумчиво посмотрел на меня. Оценивающе. Что еще задумал этот мальчишка? Боги и демоны, почему мне все никак не удастся вернуть себе то стеклянное утешительное равнодушие? Эти двое словно задались целью сломать мой самоконтроль и раз за разом выводили из себя.

— Мне очень нужно, чтобы госпожа Фен была мне должна, — подтвердила Янли, доставая из ящичков большого комода и складывая в сумку какие-то свертки. — Но я не рассчитывала на то, что претендентов будет двое. Придется потрудиться, чтобы все успеть... Так. А-Лей, — она уверенно обернулась к своему брату, — до того, как придут твои учителя, покорми Юншена, дай ему все лекарства, таблица на столе, таблетки и настои расставлены по порядку. И приведи в порядок его волосы. Мечом кромсали, что ли? Подровняй. А мне пора кое-что предпринять.

Хм, разве юноша не сын первой жены? Почему она все время им командует?

Хотя он все равно младший брат. Даже если наследник — пока сестра не вышла замуж, он обязан ее слушаться. Конечно, если это не идет вразрез с приказами родителей. Беда в том, что этот странный мальчишка даже не пытается всерьез протестовать. Ноет больше для вида. Ему явно нравится помогать сестре в ее делах, вместо того чтобы заняться привычным и нормальным для парня его возраста: учиться философии и искусству войны, тренировать боевые навыки в компании сверстников, постигать секреты торгового дела у отца, да и, чего уж там, бегать смотреть на молодых скромниц...

— Когда я все успею?! — тем не менее взвыл мальчишка. — Особенно если он не захочет пить и есть! Я один не справлюсь запихивать. Он меня вообще не боится — и слушаться не станет!

— Станет. — Девушка обернулась ко мне и улыбнулась так, что я снова заподозрил в ней демоническую полукровку. — Потому что иначе я, когда вернусь, введу ему эти питательные вещества ректально, а вместо пилюль приготовлю свечи для того же места. Если подумать, так даже лучше подействует, и слизистая желудка не пострадает. Она у него пока слабенькая, реанимировать и реанимировать, приучая к нормальной еде.

— Понял? — насупленно переспросил у меня «демонический» подросток. Может, они с сестрой и не имеют в себе крови бездны, но ядовитых привычек точно набрались прямиком от адских тварей. — Лучше слушайся. Клизма с молоком — противная штука. Я пробовал, мне не понравилось.

Глава 11

Янли

Госпожа Фен была старшей сестрой моего отца. А кроме этого, она была чванливой, но, к сожалению, очень неглупой стервой, заикленной на престиже и знатности своей семьи.

Когда-то госпожу Фен удачно выдали замуж за генерала Фена, что разом прибавило к деньгам нашей семьи высокое положение и связи ее мужа. На этом основании госпожа Фен считала, что младший брат, его жены и его дети обязаны кланяться ей в ноги и почтительно благоговеть при каждой встрече.

В целом воспроизвести весь этот ритуальный танец почтения младших к старшим мне было нетрудно. Если бы тетушка Фен им и ограничивалась. Но яшмовая супруга наместника провинции хотела не только формального уважения. Она желала по-настоящему владеть и распоряжаться семьей брата, пусть и принадлежала уже фактически совсем к другому сословию и клану.

Первой от ее неумеренного властолюбия когда-то пострадала моя мать, которую Яшмовая Цин невзлюбила с одного взгляда, считая приживалкой и мошенницей. Видите ли, девушка не была из Великой Поднебесной, как величали место моего попадания, а прибыла с торговым караваном своего отца из соседней небольшой островной страны. Отец познакомился с матерью во время закупки иностранных товаров и чуть ли не мгновенно влюбился в миниатюрную рыжую лисичку, что ловко перебирала травы на продажу.

Не знаю, как и на каких условиях была организована свадьба, но симпатичная островитянка стала первой женой отца. Она была не похожа на местных чернооких и черноволосых девушек, а потому привлекала слишком много внимания. Самопровозглашенную первую красавицу это злило и раздражало. А то, что иностранка с поущения отца имела невиданную свободу в своих занятиях, и вовсе рождало ненависть. Такое отношение драгоценная тетушка перенесла и на меня.

Тем более что я, а точнее настоящая Янли, унаследовала от своей матери рыжий оттенок волос и интерес к «неженскому искусству»

медицины. Жаль, характер этой девице явно достался как раз от старшей родственницы со стороны отца — прежняя хозяйка тела выросла редкостной гадюкой и очень умной тварью. Которая умело притворялась нежной фиалочкой перед отцом, поэтому оставалась любимой балованной дочерью. Ей тоже позволяли немислимые вольности, что отдельно бесило тетку.

Второй под раздачу попала матушка. В смысле, мать А-Лея, вторая жена отца, после смерти моей родительницы ставшая первой. Бедной женщине какое-то время пришлось выживать на два фронта. С одной стороны была госпожа Фен, считавшая, что даже в гареме своего брата она должна иметь решающее слово. Яшмовая Цин была страшно недовольна тем, что именно эта «простолюдинка» родила наследника, а подаренные ею наложницы остались вообще без детей и внимания господина. С другой — любимая папина дочь Янли, которая мачеху ненавидела... да, по сути, просто за одно ее существование. За то, что это А-Лей — наследник, а не она, несравненная старшая дочь, за то, что приходилось кланяться и называть матушкой чужую тетку, занявшую место матери. За то, что вертеть папочкой стало вдруг труднее, поскольку новая первая госпожа Тан тоже оказалась не глупее паровоза и на подлете сбивала некоторые искусные манипуляции падчерицы. За то, что не позволила сесть себе на шею и грубить в глаза, однажды воспользовавшись властью хозяйки дома и устроив мерзкой девчонке настоящую выволочку.

Прибавьте к этому общегаремные интриги и подводные течения, борьбу за внимание господина и подарки от него, за лучший «двор» и престиж, за место на семейных церемониях... Короче говоря, тот еще змеиный клубок. Который закономерно вылился в полный триндец, когда Янли отравила собственного брата и попыталась провести какой-то странный ритуал с собой в главной роли.

В результате чего милая девочка с замашками мадам Цикуты отправилась на перерождение, а на ее место невероятным образом затянуло меня. И первое, что я обнаружила, придя в себя и частично освоив память безвременно почившей оригиналки, был траур в поместье, истерика госпожи Тан и бьющийся в конвульсиях мальчишка-подросток.

Я тогда кинулась спасать раньше, чем вообще сообразила, что происходит. Инстинкт и рефлексy. Профессионализм, опять же. Я

даже попадание восприняла как-то отстраненно, рядом с умирающим ребенком все отошло на второй план. Я просто знала, что надо делать, и делала. Разогнав попутно к чертям и здешним речным гуям всю истерящую тусовку во главе с матушкой... Тогда я буквально выдрала у нее пацана из рук, не слушая дурных воплей про насланное проклятие и моровое поветрие.

А-Лея я откачивала больше суток. За это время даже папенька, сунувшийся в комнату по наводке насмерть перепуганной жены, схлопотал крышкой от котла, в котором я грела воду, и позорно ретировался стонать и переживать под дверью, утешая госпожу Тан.

Когда опасность миновала и А-Лей пришел в себя, я почувствовала себя так, будто как минимум его сама вырастила, если не родила. Раз и навсегда этот мальчишка стал для меня родным. А через него потом и все это суетливое семейство... с которым еще предстояло налаживать отношения.

Ибо в благодарность за спасение сына госпожа Тан первым делом попыталась сплавить меня замуж. Понятно же, что одно спонтанное спасение не могло перевесить сложившуюся репутацию дрянной девчонки, поэтому госпожа Тан вполне резонно считала, что такое сокровище лучше любить и благодарить издалека.

Так что это вовсе не было изощренной мезьей. Из чувства некоего кармического долга матушка действительно решила подобрать мне наиболее подходящего, по ее мнению, мужа. Молодого, красивого (ну, по местным меркам), добродетельного сына какого-то генерала из другой провинции. Она даже организовала нам встречу и спросила моего мнения, что уже было достаточно снисходительным к девушке, по принятым традициям.

В целом на тот момент мне было почти все равно — меня догнало осознанием того, как я попала. Еще думала тогда - ну как так?! Может, это виновато мое долгое увлечение восточной медициной? Нет, ну глупости... Вся окружающая обстановка и люди казались одинаково чужими, незнакомыми и пугающими. Все, кроме А-Лея. Вот его я точно не хотела оставлять, а еще, понятное дело, не хотела ни в какой «замуж». Здесь я тоже против своей воли, но хоть в постель ко мне никто не лезет, плюс какие-никакие воспоминания оригинальной Янли помогали разобраться, что к чему. А как будет на новом месте, где

молодая невестка с первого дня всем должна и обязана самостоятельно вливаться в новый «коллектив»? Да в разы труднее.

Но скандалить сразу было бы глупо — нужно сначала осмотреться.

В результате я согласилась на смотрины, рассчитывая ввязаться в войну, а там, глядишь, бой покажет. Ну что, бой показал, да еще такое, от чего у меня едва обратное попадание не случилось — в смысле, я чуть не померла.

Только увидев своего будущего мужа, я почувствовала к нему странное неприятие. Что-то такое было... в его движениях, в манере речи, во взглядах, которые он кидал на мое тело. Фу, аж мурашки по коже от одного воспоминания.

А вот господину и госпоже Тан жених понравился. Поскольку я не закатила сцену прямо на смотринах (вот показалось мне, что этого ждут, рассчитывая на некий неприятный для меня результат), дело о помолвке сдвинулось с места и покатило как под горку.

Нужно было срочно что-то предпринимать.

И я придумала, что именно.

Глава 12

Сначала меня поразили «отголоски проклятья». Злые духи не простили «малышку Янли» за то, что она отобрала у них добычу, и теперь преследовали ее во снах и темных закутках. Все равно я родным про отравление особо не болтала — помнила, кто именно пытался спровадить братца на тот свет, и вовсе не горела желанием будить пытливую мысль окружающих, провоцируя их задуматься на эту тему.

Пришлось постараться и организовать себе бледность, мешки под глазами и прочие прелести полуобморочного состояния. А один раз и вовсе принять рвотное и сплагитить А-Лея.

Но естественно, я уверяла отца и приемную мать, что со мной все в порядке. Что это всего лишь отголоски и они не несут вреда. Просто... надо немножко подождать. Полгода, не больше. А чтобы не выносить сор из избы, лучше и свадьбу отложить на это же время. Мы же не можем ударить в грязь лицом и предоставить достопочтенному жениху больную невесту. А детей тогда как рожать?!

Любящий отец и мачеха, которая все еще чувствовала ко мне некую осторожную благодарность, на такие условия согласились легко. Хотя матушка все же посматривала на меня с подозрением. А вот жених уже тогда показал свой поганый характер из-под маски благовоспитанности и чуть не организовал скандал. Жаль, мозги там все же присутствовали. Потому после пары одергивающих фраз от отца мужчина, взглянув на меня очень многообещающе, согласился на отсрочку свадьбы.

Таким образом у меня появилось время и возможность выскользнуть из-под плотной опеки — я уединилась в своих Жасминовых Садах для лечения. И особо настояла на том, что навещать меня стоит пореже. Ибо кто его знает, то проклятье. Вдруг все же заразно?

Поскольку совсем бросить меня одну было нельзя, я живо организовала себе посетителя в виде А-Лея, обосновав его безопасность тем, что снаряд два раза в одну воронку не падает, он уже

переболел и больше точно не заразится. Поскольку мой авторитет на этом поприще еще оставался высок, прокатило.

Мальчишка и раньше в целом нормально относился к сестре: змеиное жало она до поры до времени хорошо прятала. А после эпичного промывания желудка и нижних отделов кишечника, плюс сутки, когда я буквально держала его на руках, выпаивая по чайной ложке лекарством, веселый и непосредственный пацан сам заявил мне, что ближе родственников у меня теперь на всю жизнь не будет.

Уговорить его на авантюру с разведывательной сетью оказалось до смешного просто. Братишка подхватывал мои идеи буквально на лету, тут же предлагая несколько вариантов их исполнения и буквально подпрыгивая на месте от желания все их реализовать «вот прям сейчас».

Все же мои земные знания, наложившись на неплохую местную подготовку Янли, дали прекрасный результат. Та же акупунктура, если ее применять не просто по наитию и рисункам на философских свитках, как тут принято, а четко зная анатомию и физиологию, в разы лучше действует. Да и в остальном сплав «энергии ци» с развитыми навыками врача широкого профиля — это сила.

Ну да, ну да. Я использовала знания Янли, умения и связи братца и свои собственные медицинские навыки, чтобы, ускользнув из-под надзора, лечить чужую прислугу. И вообще, оказывать помощь самым бедным и беззащитным из них. Бесплатно. Скрываясь под белой вуалью.

Вскоре слух о белой деве, стремящейся к совершенству и приносящей людям исцеление, облетел все предместья. А поскольку денег я по-прежнему не брала, со мной охотно делились другим — информацией.

Все сплетни города стекались в мои уши. Все самые тайные телодвижения знатных господ можно было заносить в картотеку и складировать пачками. На слуг и рабов часто не обращают внимания. А эти люди тоже все видят, слышат и прекрасно умеют делать выводы. Конечно, просто так и с кем попало ни один слуга не станет болтать о хозяйских делах. Но белая дева, вылечившая застарелый ревматизм старой прачки или упавшего с дерева младшего сынишку садовника, — это ведь не кто попало. А уж если приходилось лечить травмы после господских наказаний и побоев, то информация и вовсе лилась рекой.

Короче говоря, через три месяца я добралась наконец до «маленьких грязных секретов» своего жениха. И тихо похвалила свою интуицию. Потому что маленькими эти секреты могла назвать только закоренелая слепоглухонемая бессмертная оптимистка.

Оставалось лишь правильно преподнести это родителям. Я очень долго думала, как это сделать. Продумывала вариант и с письмом от анонима, и с игрой в детектива. Была мысль попросить помощи у пациенток-служанок из дома жениха. Но все эти планы казались мне слишком ненадежными. Учитывая местную специфику, которую я успела досконально изучить за прошедшие месяцы, у каждой задумки был существенный изъян.

В конце концов я приняла, наверное, единственно правильное в моем положении решение: выбрала момент, пошла к мачехе и сказала правду.

Ну как сказала... Зайти пришлось, конечно, издалека. Во-первых, по истечении трех месяцев плотного затворничества я начала потихоньку высовывать кончик носа во внешний мир и первым делом заинтересовалась здоровьем собственных слуг. До этого я старательно лечила только чужих. А тут понадобилось несколько достаточно демонстративных случаев, потом их плавно дополнила парочка «постановочных» пациентов «знатного» происхождения, якобы посетивших поместье Тан из-за слухов о волшебных руках старшей дочери господина...

Короче говоря, я заимела легенду, откуда ко мне пришла информация о странном поведении жениха. А дополнить ее несколькими слегка подправленными аргументами — дело техники.

Вот с такими мыслями, после тщательной подготовки, я однажды вечером постучалась в раздвижные двери Вишневого павильона. Госпожа Тан как раз пила чай, так что меня пригласили присоединиться.

— Матушка... — я подняла на мачеху слегка припухшие глаза, неуверенно перебирая в руках край верхнего одеяния, — еще на смотринах я случайно увидела в разрезе рукава запястье моего достопочтенного жениха и обеспокоилась красными метками, на миг показавшимися из-под браслетов. — На этом месте госпожа Тан удивленно приподняла брови. — У меня уже тогда зародились нехорошие подозрения. Но не было никаких доказательств. Разве я

могла опозорить матушку и отца, устроив скандал в такой знаменательный день? А если я ошиблась? О чем мог подумать отец моего достойного жениха, если бы его сына на смотринах в приличном доме попросили прилюдно обнажить запястья, заподозрив в связях с нечистью?

Глава 13

— Так вот почему обострилась твоя болезнь — из-за сердечных переживаний. — Мачеха посмотрела на меня с толикой снисхождения. — Ты должна была сразу сказать о своих предположениях отцу, а лучше — мне. Нельзя держать все в себе, подвергаясь нападкам внутренних демонов. И все же... ты сказала, доказательств не было. Значит, сейчас они есть? — вычленила старшая жена главное из моего признания.

— Да, матушка. — Я уже привыкла к этим бесконечным поклонам, на которые оказался щедр местный этикет. — Так случилось, что одна женщина, которая обратилась ко мне за помощью... Вы ее помните, та госпожа из зеленого паланкина, которой стало дурно неподалеку от наших ворот, — тут и пригодилась одна из «подставных» пациенток, — так вот, она решила отблагодарить меня за лечение приятной беседой. А когда узнала, что наша семья решила заключить помолвку с сыном господина Ую, очень расстроилась. И многое мне рассказала.

— Хм... лучше не верить словам первого встречного, — нахмурилась было женщина, но, окинув меня еще одним взглядом, оценила, насколько я печальна и заплакана, и решила смягчиться. — И все же ты молода и наивна, потому я вполне понимаю твои опасения. Что же такого поведала тебе та благодарная незнакомка, что ты рыдала всю ночь?

Я вздохнула и трагическим голосом рассказала матушке сразу все. Про то, как пять лет назад умерла первая любимая жена молодого господина Ую. Про то, как он еще трижды женился и ни одна жена не прожила больше полугода, все это время новые невестки болели, бледнели и чахли. Ни одна не забеременела. Про то, что в дальней провинции, где генеральствует старший господин Ую, невесты с приданым и хорошим происхождением внезапно закончились. Но слухи дальше не пошли, столицу не взбудоражили, видимо, кто-то основательно приложил к этому руку.

А потом я полезла в холщовую сумку, висевшую на поясе, и выложила матушке под нос главный козырь: старинный свиток с

описаниями различных видов нечисти, мстительных духов, демонических тварей и прочего веселого паноптикума. Я сама его с огромным интересом изучила и слегка, признаться, удивилась, обнаружив там искомое. Магический мир, чтоб его.

— Следы на запястьях мужчины-вдовца оставляет Лунная Супруга, — я ткнула пальцем в чуть выцветшую иллюстрацию, на которой была изображена парящая в небе дева в развевающемся халате и с хорошими такими саблезубыми клыками во рту. — Наверное, молодой господин Ую очень любил свою первую жену, если рискнул призвать ее дух в виде нежити, которую надо привязать к себе на кровь, а потом кормить жизненными силами следующих законных жен. Этот призрак каждую ночь, как только восходит луна, занимает тело страдальницы, подпитываясь силами самой жертвы, взамен даря супругу «любовь». А еще, чтобы оставаться на одном месте, она пьет кровь из его запястий. Отсюда и следы под браслетами.

— Ты проделала серьезную работу. — Мачеха слегка побледнела, но все еще была не слишком уверена в моих доводах, — Я проверю то, что ты сказала, по своим каналам, и только потом мы скажем о результатах господину Тану. А ты пока... продолжай уединение.

— Да, матушка. — Одно радует: у меня всегда будет прекрасная талия и подтянутый пресс, если продолжу так всем кланяться. — Я только прошу разрешения делать добрые дела. Я хотела бы помогать простым людям. Это хорошо для репутации семьи Тан. А еще... — Тут я немного сбросила маску и посмотрела на мачеху открыто. — А еще отец может попробовать взять новую вторую супругу, я уже молчу о наложницах. И А-Лею тоже рано или поздно придется подобрать правильную жену. Кто знает, что там скрывается под красной фатой благодетельной на первый взгляд девушки? Конечно, свахи у нас в городе хорошие, но их часто подкупают родители жениха или невесты. Вот как ту госпожу, что рекомендовала матушке молодого Ую для меня. А у целительницы много способов узнать от людей всю правду.

Мачеха медленно отставила пиалу с чаем и посмотрела так, что заколка с жасминовыми цветочками в моих волосах почти задымилась.

— Вот как. Ты не хочешь, чтобы у отца появилась другая жена? Почему? — Сейчас ее взгляд и поведение были совершенно другими. Теперь любому стало бы понятно, как она держит в своих руках всю женскую половину этого поместья.

— Потому что вас, госпожа Тан, я знаю с детства. И прошу прощения за то, как глупо вела себя раньше. Я была молода, очень скучала по родной матери и не осознавала, что творю. Когда А-Лей чуть не умер, я очень испугалась. И кое-что поняла. Вы — моя семья. И другой у меня не будет. — И снова я решила пойти ва-банк и сказать правду.

— Выйдешь замуж — будет, — еще сильнее нахмурилась мачеха.

— Я не хочу. — Пришло время выложить все карты на стол. — Здесь я старшая дочь господина и любимая сестра наследника. А там буду младшей невесткой еще очень долго, и никто не даст гарантию, что когда-нибудь поднимусь до прежнего уровня. Мне придется бороться за свое положение с матерью мужа, с другими его женами и еще боги знают с кем. Мне могут запретить любимое дело. А здесь...

— А здесь — я хозяйка, — сказала в ответ мачеха, как отрезала. Действительно, ведь прежняя Янли из-за этого и бесилась.

— Да, матушка. Вы достаточно умная и добрая старшая жена, при которой я могу не волноваться за свою жизнь. У вас были хорошие отношения с моей матерью, просто я в своей обиде и горечи об этом забыла. Вы разрешаете мне многое, что не разрешит больше никто. Вы любите моего отца и моего брата. И... вам нужна такая союзница, как я. Не только сейчас, но и в будущем, когда А-Лей женится.

— Зачем же?

— Ну, я уже сказала — нам с вами надо не промахнуться в выборе жены для моего брата. А то ведь ночная птица дневную всегда перепоеет. Разве нужна в семье змея, которая будет настраивать А-Лея против нас, чтобы получить влияние? Он — наследник и будущий глава, его первая жена может получить слишком много власти... Вдвоем с этой проблемой легче справиться. А кроме того, я хочу, чтобы именно А-Лей остался наследником. Даже если какая-то из наложниц или будущих жен отца тоже родит ему сына.

— Потому что А-Лей уже тебя любит и почитает, а там неизвестно как сложится? — криво усмехнулась мачеха.

— Именно, матушка. Как видите, я с вами откровенна. Надеюсь, вы это оцените.

— Молодая девушка должна хотеть любви. Возможно, ты просто еще не доросла... — после моих признаний женщина смягчилась, но все еще смотрела на меня с легким подозрением.

— Мне интереснее лечить людей, — пожала плечами я. — Я даже задумываюсь о белой вуали. Это тоже очень престижно, позволит мне жить в семье и...

— Никому особо не отчитываться, — проницательно заметила госпожа Тан, мгновенно оценив высказанное желание превратиться в своеобразную «святую деву», или монахиню, если по-русски. Тут такие тоже были, весьма почитались, особенно лекарки, и не сидели по монастырям, если им было где жить и не было желания удалиться от мира. Просто они не выходили замуж. И теоретически вообще не искали общества мужчин, оставаясь невинными до старости. Теоретически, ага. Полным-полно легенд о прекрасных принцах, женившихся на таких святых девах. Так что, если мне когда-нибудь действительно приспичит, никто слова не скажет. Короче, идеальное прикрытие.

Глава 14

Тан Юншен

Лучше умереть... Никогда не думал, что даже для того, чтобы справиться малую нужду, мне придется так унижаться — просить меня распе... да, распеленать. И практически умолять хотя бы о нижнем халате. А потом позволять чуть ли не на руках тащить себя в сад за ближайшие кусты жасмина, поскольку пользоваться странной фарфоровой посудой прямо лежа на кровати я отказался категорически, а до уборной было намного дальше, чем до кустов. Позор!

А-Лей пытался подсунуть мне эту посудину силой, но без поддержки своей сестры он оказался не сильно тверже моих братьев по пику: достаточно было пообещать, что не буду есть и пить таблетки. Ему за это попадет. Даже если потом его сестра сделает все то неприличное, что она мне обещала, — я выдержу.

— Вот ты... — сначала ошалел, потом возмутился мальчишка. — А еще небожитель!

— Я горный мастер на пути самосовершенствования, — звучало глупо и напыщенно, на редкость неуместно, особенно когда тебя, лишенного сил и прежнего совершенства, завернутого в один тонкий халат, волокут в кусты. — Был им, во всяком случае, — поморщившись, добавил я шепотом, но тут же продолжил: — А не небожитель. Небожителями становятся те, кто в своем развитии дошел до уровня вознесения. Только неграмотные крестьяне называют так всех заклинателей подряд.

— Все равно ты должен быть кротким и просветленным! — не уступал А-Лей, ловко внося меня обратно в дом. — Практически святым!

— Чушь. На пиках Даншан живут такие же люди, что и у подножия. — Горькая ухмылка скривила губы. О чем говорит этот глупый мальчишка? Забыл, что меня лишили ядра и продали в рабство не просто так, а за преступление? — Разве что вставшие на путь силы. Большинство учеников похожи на тебя. Только наглых быстро изгоняют. Или перевоспитывают.

— Пф-пф-пф! — надул щеки А-Лей. — Поду-у-умаешь. Меньше надо спесью надуваться. Меня сестра научила: настоящее уважение заслуживают делами, а требовать поклонов просто на основании возраста — удел убогих. Ладно, горный мастер, давай пилюли пить. Ты обещал!

— Мастеров пиков уважают не за почтенный возраст. За силу и знания, — нахмурился я. В чем-то парнишка был прав, из его уст вылетело дельное высказывание, пусть и услышал он его от сестры.

Поморщившись, я покорно принял сидячее положение для приема пищи. Заклинатели не разбрасываются пустыми обещаниями.

— Сила и знания — еще не гарантия мудрости и этих, как их... высоких моральных качеств, — хмыкнул нахал. — Открывай рот.

— Дай, выпью, — тяжело вздохнул я, протягивая раскрытую ладонь. Кажется, юноша слишком буквально воспринял слова лисицы.

— На, — радостно согласился мальчишка, но все же тщательно проследил, чтобы я проглотил все пилюли. Дал запить водой, потом принес чашку с бульоном. — Пироженки тебе сразу нельзя, — зачем-то поведал мне он. — Янли говорит, желудок еще не работает толком. Ничего, тут лотосовая мякоть и женьшень, они питательные и в какой-то степени вкусные. Дать ложку или покормить?

— Ложку. — Чуть придя в себя от привычных разговоров после предыдущего унижения и чувствуя слабый душевный подъем от наличия на мне хотя бы нижнего халата, я медленно возвращал себе былое достоинство. Да, руки еще слегка тряслись, но если сосредоточиться только на поглощении питательного супа, то даже эту дрожь можно унять.

— Так, что там дальше по списку... — старательно наморщил лоб мой тюремщик и лекарь. — А! Волосы. Ну да, вон они у тебя справа короче, чем слева. И срезаны как попало клоками. Сейчас поправим.

В груди болезненно заныло, даже несмотря на тепло, заполнившее желудок. Срезать волосы взрослого мужчины, заклинателя — это опозорить и осквернить его надолго. В моем случае я думал, что навсегда. Острое, как клинок палача, воспоминание затопило душу и заслонило настоящее.

Свиток с приговором, острые камешки под коленями на большой тренировочной площадке, превращенной в место для казни. Глаза учеников и братьев... последнее я не хотел вспоминать никогда.

Солнечный блик на стали и холодное прикосновение ветра к обнажившейся шее. Лучше бы ударили мечом сразу по ней.

— Эй-эй! — Я пришел в себя оттого, что меня трясли за плечи. — Ты чего?! Ой-е-ей... не помирай! Так, погоди! Погоди! Я сейчас!

— Нет! — еще успел вскрикнуть я, но А-Лея это не остановило. Полкружки холодной воды в лицо — это неприятно. Зато сразу возвращает в настоящее.

— Уф-ф-ф... не делай так больше, — сердито заявило малолетнее чудовище, глядя, как я отплеываюсь и пытаюсь вытереть рукой стекающие с носа капли.

— Это ты не делай так больше, — было все, что я смог из себя выдавить.

— Договорились. Ты не будешь вот так внезапно помирать, я не буду поливать тебя водой. Ладно, не вертись... а то опять криво выйдет.

— Опять?! — уловил главное слово я. И замер, увидев на одеяле черные пряди волос с ладонь длиной.

— А не надо было дергаться и падать. — Сердито выпяченная губа чуть дрогнула. — Я испугался и резанул с одной стороны. Нечаянно. Ничего, выровняем!

Я закрыл глаза и смирился. Какая, в сущности, разница, останутся волосы неприлично короткими — всего до плеч — или их не будет вообще? Смысл от этого не изменится.

— О, так вот где у тебя печать... а мы уже думали, что ее вообще нет, — раздалось вдруг между щелчками ножниц. И к моей шее сзади, чуть ниже затылка, прикоснулся палец. Я чуть снова позорно не отшатнулся в сторону. Чужие прикосновения никогда не вызывали у меня доверия, а уж сзади к шее... И пусть после покупки меня бесцеремонно трогают в любое время и в таких местах, где я сам себя стыдился касаться лишней раз... все равно шея — это...

— Ладно, она небольшая, не очень заметная. — Мне кажется или меня пытаются утешить? С чего вдруг? Я раб для развлечения господ, игрушка или кукла для странных опытов. Я преступник. А этот мальчишка даже не знает, за что меня казнили. Какая... глупость. Или притворство? — Под волосами вообще незаметно. Будет. Когда они... э... отрастут.

Я невольно поднял руку и провел по прядям... которых теперь практически не было. Если раньше мои волосы достигали плеч, то теперь они были едва ли с палец длиной! Да так даже простолюдины не ходят! Это же... это же как...

— Срезай уже налысо. Пусть лучше принимают за монаха, чем за прокаженного. — Руки снова начало потряхивать.

— Не, налысо нельзя! — испугался А-Лей. — Янли не понравится. Шуйся, это все ты виноват. Приспичило тебе вертеться... все, больше не трогаю! — Он сердито отбросил ножницы и начал сопя сгребать с простыней обрезанные волосы. — Хочешь, я тебе парик куплю? Ну... шею прикрыть?

— Нет, — коротко и зло выдохнул я, смирившись и снова закрыв глаза. — Все? Я могу поспать?

— Ну и зря... Я вчера видел в одной лавке почти как настоящий, только немного пыльный. — Голос мальчишки звучал виновато. — Выпей настойку и спи, кто тебе не дает. И вообще, не так уж плохо получилось, ровно. Почти...

— А вот и я! — раздалось с порога. — А-Лей, забери корзину и... гуй в розовых рюшках, что это?!

Глава 15

Янли

— Что это?! — Я едва не уронила кучу свертков на пол. — А-Лей?! Что ты с ним сделал?!

Уверена, любой на моем месте орал бы еще громче. Когда я вышла из дома, я оставила в нем брата и полудохлого заклинателя, успевшего немного оклематься к утру. А вернувшись, застала брата и... Кто обокрал детсад в тифозном концлагере и принес результат мне?! В смысле — теперь Юншен выглядел точь-в-точь как несчастная жертва зверского заведения.

Непередаваемое сочетание огромных глаз, взлохмаченного неровного ежика и пухлых, обиженно надутых губ на тонком лице с острым подбородком и запавшими щеками превратило заклинателя в мечту педофила-ЗОЖника.

— А-Лей?!

— Да не нарочно я! — взвыл братец, поспешно прыгая на кровать и прячась за своей переодетой в нижний халат жертвой. Схватил парня за плечи и заслонился им как щитом. — Не бей меня, а то по нему попадешь!

— Зеркало... — как-то неуверенно произнес заклинатель, с подозрением всматриваясь в мою реакцию.

— Не надо! — тут же откликнулись мы с А-Леем. Не дай боги, помрет от такого зрелища, болезный.

— Как друг тебе говорю — лучше не рискуй, — посоветовал бессовестный отрок, отпуская плечи заклинателя и отползая дальше по кровати к стеночке.

— Вылезай, дорогой, — ласково-ласково позвала я, складывая наконец то, что принесла, на стол. — Быстро!!!

От этого внезапного грозного рывка подпрыгнул не только А-Лей, но и Юншен.

— Я действительно нечаянно! Он дернулся, хотел от горя помереть... а я еле поймал. Но вот... от испуга, вот так вот... — замямлил брат. — Я его даже водичкой холодной поливал, чтоб очнулся.

Заклинатель проводил медленно ползущего с кровати брата таким взглядом, что я не выдержала и тихо фыркнула. М-да.

— Ладно. А-Лей, тебе это с рук не сойдет, имей в виду. Потом придумаю, что с тобой сделать. У Юншена совета попрошу... но пока нам некогда.

Свергнувший небожитель снова бросил на меня красноречивый взгляд. Определить, каких чувств в нем было больше, я затруднялась. Что-то среднее между подозрительностью, непониманием и смирением.

— Ых-х-х... — опечалился братец, скосив глаза на жертву своего парикмахерского искусства. — Ладно, Юншен добрый, он меня пожалует.

Теперь такой взгляд достался уже брату, разве что помимо всего вышеперечисленного в нем проскользнуло некоторое снисхождение. Паршивец мой брат, но паршивец умный. Знает, куда целить, чтобы жертва, поддавшись хулиганскому обаянию, его не прибила, не оттаскала за уши и не всыпала веслом.

— Лучше скажи, что ты узнала! — как всегда быстро отринув печали, переключился мой родственничек. — Раздобыла имена женихов? Через кого?

— А-Лей, вообще-то, я завтракала с матушкой и тетей. — Я еще раз глянула на то, что осталось от заклинателя, и невольно передернула плечами. — Конечно, я знаю имена. От госпожи Тан. А госпожа Фен до официальной просьбы созреет только к обеду, пока ее хватило только на вежливость сквозь зубы.

— И? И?! — Братец довольно быстро забыл и о своем проступке, и о последующем наказании, увлекшись новой темой.

— С первым проблем не будет, это сын господина Лу, старший, — зажигая маленькую свечку под керамическим чайником на мини-печке-подставке, начала рассказывать я. — О нем мы и так много знаем. А вот второй... Кстати.

Быстро пробежавшись до стеллажа со шкатулкой, я еще раз внимательно перечитала купчую на своего заклинателя, потом бросила взгляд на брата, и он мне кивнул, незаметным жестом коснувшись собственного затылка.

— Кстати, Юншен. Как хозяйка, я запрещаю тебе пересказывать кому-либо все, что ты услышишь касаясь меня и моих дел. Нельзя

говорить об этом, писать и даже рисовать картинки. Техника снов тоже под запретом.

— Мне некому, — недовольно дернул тот уголком губ, морщась от неприятных ощущений действия рабской печати. — И нечем, — это уточнение явно касалось заклинательских техник.

— Это пока, — успокоила его я. — А-Лей, передай, пожалуйста, коробку с цветочным чаем.

— Слушай, сестра! А я точно твой брат, а не раб? — И он зачистил, реагируя на мою слегка приподнятую бровь: — Не-не, я не то чтобы против тебе помочь, любимая сестренка, но все же для таких мелких поручений и нужны слуги!

— То есть чаю с булочками ты не хочешь, — сделала я вывод. — Ладно, сама. Мне же больше достанется. Жаль, Юншену пока нельзя.

И пошла к другому стеллажу. Тот был как раз за спиной А-Лея, и, чтобы передать мне шкатулку с заваркой, мелкому засранцу достаточно было обернуться и протянуть руку. Но иногда в нем не ко времени просыпался юный господин: А-Лей пытался заодно построить и меня.

Я никогда не ругалась в такие моменты, стараясь своим примером заставить думать и наглядно показать, насколько он не прав. Подошла, протянула руку над его плечом, взяла коробочку и вернулась к закипающему на свече чайнику.

— Ты не сказала, что он там лежит, — надул губы братец, садясь за стол.

— Ты не знаешь, где у меня заварка? — Я улыбнулась и взьерошила его аккуратную прическу. — Тебе с чем, с ягодами или с мясом?

— Знаю. Но все равно чай должны заваривать и приносить слуги, а не ты сама! Иначе какая из тебя юная госпожа?! — Иногда упрямство младшего брата мутировало из человеческого в ослиное. — И вообще! Я с утра голодный. Ты же была на завтраке в большом доме. Зачем тебе мои булочки? Я думал, ты все мне принесла!

— Но-но! — Легкий шлепок по руке остановил наглые поползновения прожорливого недоросля, нацелившегося утащить сразу весь пакет со вкусностями. — А-Лей, в следующий раз я тебя отправлю официально завтракать с тетушкой, а потом спрошу, хорошо ли ты наелся.

— Не надо! — сразу перевоспитался брат, вспомнив тягостные церемонии совместных трапез с соблюдением мельчайших норм этикета. — Понял я, понял... — Он ненадолго задумался, настолько явно, что, наверное, даже заклинатель услышал, как скрипят шестеренки в его мозгах. — Угу. Сегодня возле твоего двора Пуи вертится, значит, на зов она первой и прибежит. А потом доложит сестрице Лисянь, и пойдут гулять по дому разговоры, что ты так плохо ела за одним столом с госпожой Фен, потому что не рада ей, и вынуждена была наесться после...

— Можешь ведь, когда хочешь, — похвалила я, пододвигая ему самую поджаристую мясную выпечку. — Заваришь? Я пока гляну, что вы тут начудили за утро, помимо прически.

— Заварю, куда ж я денусь, — показательно тягостно вздохнул брат, но тень лукавой улыбки выдавала его с головой.

— Вы странные, — вдруг подал голос Юншен, глядя на нас глазами мокрого совенка из-под всклокоченных остатков волос.

— Мы знаем, — кивнула я, подходя ближе. — Стоп, не дергайся, я без иголок. — Поймав заклинателя за ткань халата, я не дала ему отстраниться. — И пока даже не раздеваю. Просто ляг ровно на живот и лежи так несколько минут, я кое-что проверю.

Несколько секунд он напряженно смотрел на меня, потом с коротким вздохом перевернулся на живот и уткнулся лицом в подушку. Я удовлетворенно кивнула и для начала положила ему руку на затылок выше тонкой фигурной татуировки в виде змеи, кусающей иероглиф, разместившейся на его шее сразу под линией роста волос.

— Чай готов! — доложил А-Лей, когда я выдохнула и убрала ладонь. — Ну чего там? Получится?

Глава 16

— Тот вихревой поток, что в солнечном сплетении, у него действительно разрушен. — Я убрала руку с затылка парня и медленно повела ее вниз вдоль позвоночника. — И центральные меридианы запечатаны, но очень халтурно — скорее всего, они сами схлопнулись во время разрушения золотого ядра, и, если не торопясь пустить по ним небольшой поток ци, есть шанс, что снова раскроются.

— В этом нет смысла, — пробубнил в подушку заклинатель, непроизвольно ежась. — Мое тело больше не производит энергию. Единственная возможность поддерживать его — это постоянно вливать ци извне. Но для того, чтобы запустить основные потоки, потребуется огромное количество ци. Меридианы заклинателей... слишком развиты и расширены. А тело совершенствующихся привыкло потреблять энергию в огромных для простого человека количествах. Те капли, что дает ваше снадобье, лишь мертвому пилюля.

— Я тебе и не предлагаю снова становиться заклинателем, — вздохнула я. — Пока не предлагаю, во всяком случае, — прошептала уже практически про себя, но мне на секунду показалось, что у бывшего бессмертного дернулись уши. — А-Лей, иди сюда, чего покажу.

— Ага! — Брат охотно залез на кровать коленками и, обогнув все еще вздрагивающего с непривычки Юншена, устроился с другой стороны от него. — Я тут!

— Дай руку. Чувствуешь? — Моя ладонь легла поверх А-Леевой мальчишеской ладони, и обе руки пустились в медленное «плавание» сверху вниз вдоль позвоночника «жертвы», сантиметрах в пяти над телом, не касаясь его.

— Вот тут дырка, — сразу сказал брат, как только мы «доплыли» примерно до середины спины, где-то до уровня солнечного сплетения. — А остальные узлы... тоже не как у всех, да?

— Пятый сверху вихревой поток разрушен, — кивнула я. — Он как раз здесь и находится. А остальные шесть... Теменной и затылочный очень неплохо развиты. Горловой меньше, грудной еще

меньше, но все равно они у него быстрее крутятся, чем у меня или у тебя, например. И я уже не говорю о каком-нибудь необразованном крестьянине, который отродясь ци по телу не гонял. А вот вихревые потоки в районе копчика и промежности у него даже меньше, чем у обычных людей.

А-Лей с интересом «пощупал» каждый вихревой поток и радостно покачивал головой, удивляясь результату. «Жертва» на кровати притихла — заклинатель явно не понимал, что мы делаем, но прекрасно ощущал даже наше слабенькое воздействие на его потоки.

Вообще-то, на Земле эти штуки назывались по-разному, но чаще всего «чакрами». Честно сказать, я, хоть и читала много разного интересного на эту тему, ко всякой мистике и прочей экстрасенсорике относилась со здоровым скептицизмом врача-практика. Та же акупунктура — чистая физиология, никакой мистики.

Но, попав в мир, где запросто можно встретить настоящего призрака или демона, где ци — не абстрактное понятие из древней книжки, а реальность, данная мне в ощущениях, я решила поэкспериментировать. Ну и исследовать заодно. Благо за полтора года самой разной, тайной и явной, практики материала для сравнения у меня накопилось море.

Так вот. У здешних людей действительно было семь мест в теле, где ци закручивалась воронкой и словно бы умножала саму себя. Но больше всего энергии крутилось и выделялось в так называемом золотом ядре — вихревой воронке чуть ниже солнечного сплетения. Это «чакру» старательно развивали заклинатели и всякие «идущие путем самосовершенствования». Ее же, по мере возможности, упражняли все, кому посчастливилось родиться в достаточно богатой и знатной семье, где могли позволить себе правильных учителей с детства.

И насколько развита была практика с золотым ядром, настолько же заброшена работа с остальными. Вернее, такое ощущение, что местные о них просто знать не знали. Согласитесь, это очень странно. Эти завихрения ведь так легко увидеть... если знать, куда смотреть и что искать. Может, в этом все дело?

И ладно бы их видела только я. Тогда еще можно было объяснить это редким даром, присущим только Янли. Или привилегией

попаданки. Но А-Лей тоже прекрасно их чувствовал, а при напряжении мог и цвета разглядеть.

— И что это все значит? — Юншен отчаянно ежился и пытался отползти, как только моя ладонь приближалась к его копчику. — Что ты... вы собираетесь делать?

— Ну смотри. — Я снова вернула ладонь на его макушку. — Чисто теоретически твое разрушенное ядро ничем не отличается от остальных шести вихревых потоков. Если ты раскачал один поток из семи так, что смог заклинять... почему не попробовать сделать это с другими шестью?

— Это ты про узлы меридианов? — после долгой паузы спросил он. — Их в теле человека как раз семь, и один, основной, в районе золотого ядра. Оно из этого узла и развивается.

— Да, похоже, я именно о них. Только мне интересно: а почему вы, заклинатели, никогда не пробовали развивать другие узлы? Ци в них циркулирует и умножается точно так же, если что. Просто сейчас они у тебя забиты и почти остановились, но с полпинка вполне начинают снова крутиться.

— Золотое ядро раскрывается силой воли, чем лучше ты контролируешь себя и свое сознание, тем легче работать с энергией. Остальные узлы на воздействие не реагируют. — Кажется, чтение нам этих маленьких лекций существенно его успокаивало. Будто он занимается чем-то привычным и знакомым.

— Да. — Я припомнила картинки из интернета. — Вихрь в районе солнечного сплетения — это воля. А вот этот... — тут я положила руку ему между лопаток, — теоретически отвечает за любовь. Вполне возможно, если ты влюбишься как следует...

— Чушь, — коротко отрезал Юншен.

— Или, к примеру, полюбишь мир вокруг себя, тоже сойдет, — не обращая внимания на фыркание заклинателя, продолжила размышлять вслух я.

— Чушь, — повторил бывший небожитель. — Если так, то у всех влюбленных должно открываться второе ядро. Было бы все так просто, думаешь, кто-то бы тратил столетия на развитие? — Упрямыства ему не занимать, пыхтит в подушку, как еж.

— Никто не обещает, что будет просто, — согласилась я. — Но кто нам мешает попробовать? Ладно... пока будем просто раскачивать

тебе все оставшиеся шесть вихрей, раз уж золотой заглушен намертво. И подпитывать извне... — Я снова задумчиво «всмотрелась» вглубь его ауры. — Это что касается течения ци. А вот с физическим телом будет посложнее... Как ты умудрялся воевать с разными злодейскими сущностями и оставаться таким тощим идохлым?!

— Полгода в тюрьме для заклинателей, — коротко и тихо буркнули в подушку.

— Понятно... в цепях, что ли? Совсем без движения? — Я припомнила здешние зверские методы правосудия.

— Да, — раздалось еле слышно.

— Значит, полноценная реабилитация. — Я наконец оставила в покое его позвоночник и спихнула притихшего А-Лея с кровати. — Займемся. Давно хотела попробовать некоторые методы.

— Даже не спросишь, за какое преступление я был так наказан? — Из-под остатков обрезанных волос, сейчас лежащих рваной челкой, сверкнул настороженный глаз.

— Не-а. Сам расскажешь, если захочешь. Все равно рабская печать не даст тебе нам навредить, а остальное меня пока не касается. — Я глубоко вздохнула и начала...

— Мгм... что ты делаешь?!

Это он отреагировал на то, что я поймала в плен его правую кисть. Юншен уже перевернулся обратно на спину и смотрел на меня изумленно и чуть испуганно, потому что я не просто взяла его за руку, а с ходу вылила ему на ладонь теплого лотосового масла и начала медленный массаж, сочетающий в себе сразу и акупунктуру моего мира, и здешние секреты девушек из весеннего дома (так тут принято называть высококлассные бордели), которыми они прекрасно умеют снимать усталость, раздражение и прочие мелкие неудобства своих клиентов.

Эти нехитрые приемы на самом деле очень точно перенаправляли ту же самую ци, заставляя ее циркулировать бодрее и более правильными путями. Я узнала о них после того, как несколько раз помогла служанкам из такого дома с их непростыми проблемами. А потом и с самими «весенними девами» завела знакомство.

Побочным эффектом чудного метода было то, что хорошо тренированная и владеющая ци весенняя дева могла возбудить и довести до безумия своего гостя, просто подержав его за руку. Мне

сексуальный надрыв от Юшена был не нужен, я старалась не углубляться в эту область, но совсем отменить неудобную побочку просто не получалось. Я и так старалась не трогать именно те точки, но мимо них просто никак.

— Потерпи, так надо, — постаралась успокоить пациента я. — Зато потом А-Лей даст тебе еще вкусного бульона, и ты сможешь поспать...

— Поспать?! — В голосе парня прорезалась настоящая паника, и он с ужасом уставился куда-то вниз, на то место, которое, кажется, реагировало на массаж слегка активнее, чем я рассчитывала. Судя по вздыбившейся ткани халата.

Глава 17

Тан Юншен

Я запутался. Не могу понять, что эти дети пытаются со мной сделать: то ли изощренно поиздеваться, сломив любое сопротивление и волю, то ли действительно вылечить какими-то своими, дикими и не опробованными раньше методами.

А еще я понимаю, что боюсь. Но боюсь не этих брата и сестру, пусть они окажутся хоть убийцами, хоть демонами... Я боюсь обрести надежду. И немного — их энтузиазма.

Янли была чем-то похожа на мастера пика Небесных Трав. Тот тоже любил придумывать новые и необычные методы лечения. Благо пробовал он их лишь на врагах и сильно провинившихся учениках, даже не думая предлагать свои эксперименты другим мастерам. Что-то работало, а что-то превращало жизнь подопытных в невыносимую пытку.

Тогда я принимал, что жертвы в его изысканиях — необходимая и справедливая плата. Но сейчас, когда я сам оказался таким подопытным, да еще и не в умелых руках божественного целителя, а у рыжеволосой лисицы... Не могу понять, повезло мне, что я сразу не попал на стол к брату по мастерству, или демоны окончательно прокляли мою душу.

Все же оказаться бесправной игрушкой у больших детей, склонных к психологическому садизму, даже врагу не пожелаешь.

Потерю остатков волос я воспринял со вселенским спокойствием: многим рабам их обрезают практически под корень, чтобы не заводились вши и блохи. Так что было ожидаемо, пусть брат с сестрой сами этого не планировали.

Однако то, что произошло дальше, вновь выбило меня из колеи. Не то чтобы я не переносил чьих-то прикосновений, но для заклинателей позволить дотронуться до собственной спины — огромный знак доверия. А проникнуть внутрь ауры чужой ци и вовсе приемлемо лишь в двух случаях: когда умираешь от истощения энергии или... при двойном совершенствовании. Слишком уж легко навредить человеку, если внутри него есть твоя энергия.

Выкупившие меня брат с сестрой будто не знали этих элементарных правил приличий, умудрившись залезть в мою ауру вдвоем и пройти по моим внутренним пересохшим потокам как у себя дома. Янли уже раньше так делала, но в тот раз мне было не до размышлений. Тогда я еще не привык к бесцеремонности юных горе-исследователей.

Сейчас же подобные действия с их стороны просто напоминали мне, что я всего лишь раб для экспериментов. Ни один ученик не будет церемониться с кроликом, на котором он тренирует техники врачевания. Не то чтобы я забывал о собственном положении... тем не менее это удручало.

И снова я не смог привести мысли хоть в какой-то порядок. Потому что никак не ожидал, что девушка схватит меня за руку и начнет... начнет... Что она делает?! Льет эфирное масло? Но зачем?! Я читал, что ароматические масла втирают девушкам во время банных процедур перед свадьбой или наложницам перед посещением императора. Она ведь уверяла, что не станет меня использовать для постельных развлечений...

Или это еще один странный метод лечения? Хотя я абсолютно не понимаю, как масло, втертое в кожу, может помочь опустошенным меридианам и расколотому ядру.

Но реальность преподнесла мне еще одно испытание. Вместе с уверенными движениями в мое тело потекла тонкая струйка энергии ци. И этот поток, будто маленькая коварная змея, скользнул по пересохшим каналам, зарождая в теле странный жар. Дышать стало тяжелее, сердцебиение участилось, кровь ускорила свое движение по венам. И в какой-то момент я с ужасом осознал, что множество лет не знавшее женской ласки тело откликнулось.

Девушка не выглядела удивленной... знала? Добивалась именно такой реакции? Еще один повод посмеяться или все же решила использовать не только в экспериментах? Не зря же все остальные в поместье нарекли меня наложником...

Я обреченно посмотрел в ее глаза, пытаюсь отыскать там... что? Насмешку? Желание? Чего, в конце концов, от меня ждут? Наши глаза встретились, и тут снова случилось странное. Вместо того чтобы высмеять мое состояние или как-то иначе воспользоваться им, девушка, не отпуская мою ладонь, свободной рукой натянула на меня

тяжелое одеяло, скрывая от посторонних взглядов взбунтовавшееся тело, и прошептала со спокойной улыбкой:

— Все нормально, не волнуйся. Твое тело реагирует острее, чем я привыкла, но это не страшно. — Она продолжила разминать мышцы руки и работать с ци. — Наверное, потому, что ты все же не обычный человек. Я сейчас немного изменю воздействие, и будет легче.

Она говорила так, словно ничего постыдного не происходило, словно я действительно просто... заболел. И меня лечат. Не насмехалась, не издевалась над слабостью. И, следуя за ее словами, прикосновения к моей руке поменялись: стали мягче и будто бы приятнее. Ее аккуратные пальчики скользили вдоль моих, длинных и узловатых, словно лаская каждую фалангу. Но при этом меня вдруг перестало жечь изнутри этим незнакомым и болезненно острым пламенем. Минута-две — и тело, скрытое толстым одеялом, само по себе расслабилось, растекаясь по кровати и наполняясь теплом и спокойствием. Закрыв глаза всего на несколько секунд, я почувствовал, как провалился в сон.

Пробуждение вышло, судя по всему, скорым и совсем не таким, как я ожидал. Меня выдернуло из теплых грез так резко, что я сначала попытался вскочить, хватаясь за оружие, и только через пару секунд понял и вспомнил, где я и кто я. И что никакого оружия у меня больше нет.

Но это теперь не имело значения.

— Янли! — снова в ужасе закричал мальчишка, пытаясь стащить с меня упавшую сестру. Лиса придавила меня к кровати, свалившись без сознания, и вдобавок ко всему заливала мой нижний халат и покрывало на постели потоками крови из носа.

Первая мысль была — теперь меня действительно казнят. За убийство хозяйки. Никто не поверит, что я ничего не сделал. Это к лучшему. Можно просто ничего больше не делать.

Потом я устыдился. По-настоящему ни один из этих детей мне не навредил. Я больше не иду путем самосовершенствования, но это не значит, что я готов отказаться от своей собственной чести и совести.

— Не кричи, скажи, что случилось, — коротко приказал я А-Лею, перехватывая девушку за плечи и укладывая на свою подушку. Сил у меня было немного, но явно больше, чем еще вчера днем.

— Не знаю... — Подросток, белый, как цветы жасмина, что росли у порога, закусил губу, глядя с испугом то на сестру, то на меня. — Кажется... ты уснул, а Янли все работала с твоими точками. И вливала ци очень маленькими порциями, воздействуя на них. Твое тело все принимало нормально до того момента, как ты отключился, а потом взяло и...

— Что?! — У меня неприятно засосало под ложечкой. Неужели и здесь я виноват?! Нет, только не снова...

— Я далеко сидел, — беспомощно моргнул А-Лей. — Понял только, что твое тело... оно вдруг само вцепилось в ци моей сестры и всю ее резко выпило...

Глава 18

Янли

У меня над головой кто-то бухтел и бухтел, перед глазами в темноте плавали зеленые пятна, похожие на светящихся медуз-бубликов. Потом одна из этих медуз, более ажурная и крупная, но менее яркая, протянула тонкие ложноножки к другой и сказала:

— Сосредоточься. У тебя совершенно не развиты меридианы и нет способностей заклинателя, но передать ей каплю ци ты сумеешь. Ей должно быть достаточно, чтобы не умереть.

— Я не умею, — заскулила вторая медуза, поменьше и попроще, испуганным голосом А-Лея. — Вдруг я только хуже сделаю?..

— Не трусь, меня не боялся убить? И ее не убьешь. Давай!

Первая медуза выпустила еще одну ложноножку и, такое впечатление, попыталась «выжать» вторую как мокрую тряпку.

Что-то теплое потекло мне на лицо, но это была не вода, а словно бы поток воздуха, который сквозь кожу проникал сразу внутрь головы, сворачиваясь там в крошечную горячую точку. Я закашлялась и испугалась, что А-Лей сейчас не просто выжмут, но еще и порвут.

— Стоп! Хватит!

— Янли! Дура! Ты нас напугала! — тут же взвыл натуральный А-Лей, чья побледневшая физиономия с прокушенной губой и красными глазами возникла на месте скрученной зеленой медузы.

— Я сразу сказал, что это чушь, — хмуро буркнул... а, это Юншен. Только сейчас он почему-то не воспринимался больным ребенком, и даже неровно укороченные пряди волос не вызывали улыбку.

— Спокойно, без паники. — Я попыталась сесть и схватилась обеими руками за резко закружившуюся голову. — Что случилось?

— Он тебя съел, — зло рыкнул А-Лей, причем рычал он не на того, кто, по его словам, был причиной моего состояния, а на меня.

Юншен слегка отвернулся, чуть прикусив полную нижнюю губу, и вид у него стал... даже не столько виноватый, сколько смертельно трагический.

— Ты раньше не работала с заклинателями. Глупо было лезть в то, чего не понимаешь, — тихо произнес он.

— Все пункты техники безопасности написаны кровью, — «утетила» я сразу обоим, машинально стирая с лица мокрое и красное. — Теперь я буду знать, что тебе нельзя засыпать во время воздействия. Пока ты себя контролировал, все было в порядке.

Я еще раз тщательно вспомнила все, что произошло. Массаж руки, точки воздействия ци и отчаянно острую реакцию парня. И как я его успокоила, прикрыв одеялом и быстро, на ходу, перестроив воздействие. Я в тот момент подумала, что так правильно. Я врач, лекарь, а не тупая садистка. Одно дело, когда лечение требует радикальных мер, тут уж не до стесняшек. Но просто так издеваться над парнем ни один нормальный целитель не будет.

Да и просто нормальный человек тоже не станет. Поэтому я не делала резких движений, не заостряла никакого внимания на том, что происходит, и как могла постаралась успокоить заклинателя. И вот тут-то, кажется, крылась проблема. Я начала перестраивать воздействие на ходу, и, возможно, моя малюсенькая ци слишком вовлеклась в процесс. Я действовала скорее интуитивно, чем разумно. И у меня все получалось ровно до того момента, как Юншен уснул.

Вот тут-то и приложило. Если припомнить, мне показалось, что внутри моей головы где-то в районе носоглотки забросили леску с крючком, подцепили и ка-а-а-ак дернули! Искры из глаз и темнота — вот что было дальше.

— Если ты знал это, какого рожна заснул? — Нападать на меня при посторонних А-Лей никогда бы не стал, но ему было очень надо выместить свои переживания хоть на ком-то. Кажется, братика все еще потряхивало, как месяц назад, одной ненастной ночью. Нас с ним по дороге с фермы на острове, где я принимала сложные роды, чуть не сожрали дикие гуи. Тогда я, чтобы отвлечь нечисть, прыгнула в воду, велев А-Лею грести к берегу изо всех сил. Черта лысого он греб, конечно, — следом прыгнул, придуток. А когда зелье, которым я заранее пропитала свою одежду, растворилось в воде, отпугнув стаю нечисти, и мы выбрались обратно в лодку, этот маленький засранец полчаса тряся и орал на меня всеми нехорошими словами, какие знал. А потом мы еще порыдали немного в обнимку... но тогда мы были одни, и он не стеснялся. А тут попало Юншену, как крайнему.

— Я могу поведать практически о любом виде нежити или обучить владению любым духовным оружием. — Заклинатель, кажется, даже не обратил на претензии брата особого внимания, ища глазами что-то по комнате. — Но я не духовный целитель. Иначе бы так просто меня не... продали.

Юншен наконец нашел то, что искал, и довольно свободно встал, едва заметно покачиваясь. Прогресс налицо, так сказать. Еще утром он даже ходить самостоятельно не мог. Степенно, насколько это возможно при его ситуации, он подошел к чайному набору и, осмотрев предложенный ассортимент сборов в серванте рядом, приступил к приготовлению одного из наиболее похожих на обычный зеленый чай.

— В общем, так, лечиться будете только под моим контролем, — мрачно и решительно заявил братец, притаскивая таз с водой и ставя его на край кровати. — Шуйсяо вас знают, когда кому снова захочется отключить сознание или просто уснуть. Я не хочу прийти сюда как-нибудь утром и обнаружить два трупа — один выпитый и один скончавшийся от чувства вины.

— Разумно, — усмехнулась я, окончательно ликвидируя кровавые разводы на лице мокрым полотенцем, которое успел сунуть мне брат. — А чем тут так сильно пахнет?

Запах действительно был очень насыщенный и... сложный. Я пару минут посидела с прикрытыми глазами, пытаюсь разобраться в нем. А потом распахнула ресницы в изумлении. Пахло... всем.

Заклинатель пах моим порошком цунь и холодным зимним вечером вперемешку с ароматом цветущей сливы. А-Лей фонил испугом и своей любимой лимонной водой. От меня самой пахло кровью и сложной смесью трав. А в целом мой дом переливался целой палитрой разных запахов, смешавшихся в один устойчивый аромат именно этого места.

— Как... интересно. Юншен, ты будешь смеяться.

— М-м-м? — нахмурился зачинатель, аккуратно вливая кипяток в чайник. Пока я размышляла насчет запахов, он уже успел один раз ошпарить чайные листья.

— Ты уже можешь посмотреть сам себя изнутри?

— Я мог сделать это и раньше. Навык медитации не зависит от наличия духовной энергии. — Поставив чайник с тремя чашками на поднос, он аккуратно принес его на стол.

— Давай попробуем вместе? Вдруг мне только кажется?

— Совместная медитация в твоём состоянии опасна, — снова нахмурился заклинатель, чуть дрогнувшей рукой разливая ароматный, даже слишком ароматный для меня, чай по пиалам. — Тебе одного раза мало?

— Да нет! Я не предлагаю обниматься и обмениваться ци. Просто я сама не всегда могу нырнуть глубоко, мне терпения не хватает, и отвлекаюсь много. Если только снаружи ведут — тогда получается. Просто помоги мне, а потом сядь рядом и тоже... погрузись. Так мы сможем смотреть вместе.

— Значит, меня все же купили как учителя техник. Хорошо. — Заклинатель как-то облегченно вздохнул и даже чуть приподнял уголок губ в этакой тени улыбки.

— Пф-ф-ф-ф... ну считай так, мне это не мешает. В чем-то это тоже правда. Поможешь?

— Ты можешь просто приказать. — Он прикрыл глаза, подвигая одну из пиал с чаем ко мне, а вторую — к А-Лею.

— Не-а. Не приказываю. Спрашиваю. И... м-м-м-м... как там положено? А! Смиренно прошу мастера позаботиться обо мне.

— Это не... — Он вдруг беспомощно хлопнул ресницами. — Лучше прикажи.

Действительно, своими словами я просила, именно просила его об обучении. Технически обучать человека вне ордена было равносильно предательству. Прикажи я — и у заклинателя просто не было бы выбора, но мне очень хотелось, чтобы он пошел на этот шаг осознанно. Ему незачем привыкать быть рабом, если на то пошло. Надо, чтобы Юншен принял свою новую жизнь, полностью перечеркнув прошлое, в котором ему причинили боль. Не знаю за что, но интуицию не пропъешь. Если и было преступление — его тоже надо забыть и жить дальше. Конечно, вот так сразу это не получится, но первый шаг тоже надо когда-то сделать. Мир заклинателей выбросил его, а как жить в мире обычных людей, решать только ему самому.

— Не-а. Мастер, позаботьтесь обо мне! — повторила я с улыбкой.

— Боги ко мне немилостивы. — Едва отпив из пиалы и тяжело вздохнув, он пристально оглядел меня. Склоняясь в традиционном поклоне ученика перед учителем, я все же допустила вольность.

Вместо того чтобы смотреть в землю, я буквально сверлила его взглядом, не только отслеживая реакцию зрительно, но и воспринимая слегка изменившийся запах. В нем стало больше лесных ноток.

— Хорошо! — в конце концов сдался заклинатель. — Делай, как я говорю.

— А я?! — тут же взвыл оставшийся не у дел братец.

— А ты снаружи обстановку контролируй, сам вызвался, — ехидно отбрила я.

Глава 19

Юншен

Этого не может быть просто потому, что не может быть никогда.

Именно эта мысль крутилась в моей голове всю следующую неделю, пока моя хозяйка старательно училась медитировать, лечила меня порошками, иглками и прочими отвратными штуками и разбиралась в том, что произошло.

Совершенствующиеся сотнями лет развивают золотое ядро. Именно оно центр нашего мира, без него невозможно идти по светлому пути и нет надежды на вознесение и бессмертие. Только золотая ци, текущая по меридианам из этого средоточия дао, способна менять мир за пределами тела заклинателя, наполнять силой талисманы, массивы и духовное оружие.

И как же я удивился неделю назад, тогда, когда в тот самый день обнаружил фиолетово-синее безобразие в голове абсолютно неспособной к совершенствованию девчонки! И... ощутил такого же цвета покалывание в своем собственном теле, где-то там, за носоглоткой! Миниатюрное, едва ли на одну сотую от прежнего золотого огня, но... но...

— Ты меня так за поток ци дернул, что получился эффект волчка, — с умным видом пояснила мне тогда лиса, а я слушал, несмотря на то что несла она, на первый взгляд, полный бред. Мне даже был продемонстрирован тот самый волчок — детская игрушка, похожая на плоский диск с острием в центре и канавкой по краю, где была намотана тонкая бечевка. Если за нее дернуть резко и с силой, волчок начинал крутиться, упираясь острием в пол и тоненько гудя. — Смотри, вот так примерно и вышло с моим вихревым потоком в голове, понятно?

— Нет, — ответил я, хотя прекрасно понял, что она имела в виду. Но это же чушь! Может, девушка передо мной обладает редкой конституцией тела, способного пробуждать... что-то? Есть же женщины с чистой инь, что своего рода патология для ауры. Но у Янли аура была совершенно обычная, человеческая. Ни следа какой-то аномалии, ни капли демонической крови, как я сначала подозревал.

Даже ее светящаяся сиреневым точка в голове и то не особенно ощущалась, особенно если не знать, куда смотреть.

Зато внешне результат был очень даже заметный. Точнее, не так. Лицо Янли не изменилось, поведение тоже осталось прежним — меня до сих пор сбивала с толку смесь детской бесстыдной непосредственности и очень взрослого и временами циничного взгляда на мир, скорее присущего умудренной опытом прожитых лет женщине.

Изменились ее способности. Она стала ощущать запахи совсем не так, как обычный человек. Сначала это доставило девушке больше проблем, чем пользы: стоило ей высунуться за пределы дома, в котором она меня лечила, — и через пять минут белая, как стена облаков, девчонка бегом возвращалась, зажимая кровоточащий нос. За последнюю неделю неожиданная ученица потеряла около литра крови, не меньше. Хорошо, что на такой случай у нее были кроветворные пилюли.

Внешний мир с его обилием ароматов буквально убивал лису. Она пробовала носить плотную вуаль-повязку на лице, потом заматывалась в шарф в несколько слоев — не спасло. Почему-то помогало ей только одно: уткнуться мне в плечо и минут пять пачкать ткани одежд своей кровью, медленно дыша сквозь тонкий шелк нижнего халата. Причем без меня халат не работал — подозреваю, что нужен был именно мой запах или моя аура.

Ее насмерть перепуганный брат сидел у нас на голове почти круглые сутки. Мальчишку с трудом удавалось выгнать лишь в том случае, когда глава семьи требовал, чтобы он выполнял свои обязанности наследника. Порой он еще бегал по некоторым поручениям сестры и всегда сам приносил нужные травы и еду из большого дома, не используя слуг.

Слава небожителям, он почти сразу перестал ныть, что тоже хочет попробовать раскрутить какое-нибудь из семи псевдоядер. Янли вовремя пресекла его энтузиазм, накричав на слишком шустрого подростка еще в первый день. А потом А-Лей и сам увидел последствия необдуманых экспериментов с узлами меридианов. Хорошо хоть, элементарные ученические медитации тоже помогали — через семь дней лиса уже могла продержаться на улице не пять минут,

а почти полчаса. Но такими темпами к нормальной жизни она вернется нескоро.

В отличие от Янли, мне не пришлось страдать от обилия запахов. Видимо, потому, что весь тот микроскопический для прошлого меня объем ци, что все же выделялся из фиолетовой песчинки, сразу уходил на поддержание тела. Иссушенные меридианы буквально растворяли его в себе, и, если бы не пример в виде Янли перед глазами, я бы, наверное, и не понял, что самостоятельно вырабатываю эти капли.

Раскачать же новый зачаток ядра за эту неделю просто не вышло. Методы работы с золотым средоточием на него просто не действовали, более-менее помогала только медитация со сбором энергии извне. Но... голодное до ци тело и тут буквально высасывало из окружающего пространства все возможное.

И все эти события происходили на фоне более чем смущающего меня тесного соседства с моей хозяйкой. Да, я теперь раб. Я едва жив и все еще с трудом передвигаюсь, но... я все еще мужчина, а она юная незамужняя госпожа. Во всяком случае, кажется такой, если не слышать ее едкие и абсолютно бесстыдные комментарии по некоторым вопросам. И мы все еще спим в одной постели.

И последние дни я уже не протестую, потому что не только она считает, что «дохлое тело лучше контролировать круглые сутки», но и я сам теперь предпочитаю приглядывать за своей ученицей с близкого расстояния. Потому что, демоны все побери, не знаю, как вышло, но она ею стала... не только на словах.

— Янли, госпожа Фен сидит у нас в доме уже неделю. — Возникший в дверях с подносом наперевес А-Лей прервал мои размышления рядом с медитирующей лисой. — Скоро даже папаша взвоет, я не говорю о матушке и всей прислуге. Они, конечно, в курсе, что тебе нездоровится. Внезапно. Твои обильные кровотечения на любую попытку подойти к тебе с ароматической палочкой всех впечатлили. Но все равно слухи уже пошли... нехорошие. А еще тетя Цин дошла до кондиции. — Парнишка тяжело вздохнул, сгружая поднос на низкий столик. — Видимо, считает, что твоя болезнь — это месть ей за прежние гадости. Мол, ты просто тянешь время, чтобы ее помучить. Время ответа женихам-то приближается.

Теперь тяжело вздохнула уже Янли, а я мысленно ее поддержал. Все же родня моей подопечной действительно слишком шумная. И

бесцеремонная. Не чета девчонке, но тоже... сразу видно торговое сословие.

— Короче, она рвется нарушить все свои принципы-правила и хочет притащиться к тебе в Жасминовые Сады собственной персоной, чтобы «слезно просить о помощи». Сестра, сделай что-нибудь, она же прожжет тебе полы своими ядовитыми слезами!

— А заодно утолить любопытство насчет моего наложника. — Янли прервала медитацию и открыла глаза. — Пф-ф-ф. Обойдется.

Я тоже задумался над этой проблемой, чуть оттягивая отросшую за неделю прядь волос. Не знаю, из чего ученица приготовила то снадобье, которое она «за бешеные деньги изобрела для любимой наложницы одного генерала, когда ей конкурентки косы подпалили», но длина прибавлялась где-то по фаланге пальца в день. За это я был ей искренне благодарен, пусть и пришлось снова ровнять волосы. Хорошо еще, что руки у старшей сестры явно растут прямее, чем у брата. И те движения, которыми она втирала весьма вонючее средство мне в голову, были смущающе приятными. Не как тогда с рукой, но все равно приходилось сосредоточенно держать контроль, чтобы не уплыть в блаженное ничто.

— Не обойдется, а то ты ее не знаешь. — А-Лей уместился рядом со мной на полу. — В общем, если завтра ты не выйдешь к обеду, тетушка придет тебя навестить.

Глава 20

Янли

Я знала, что так будет. Это закон жанра — купили красавчика на «распродаже»? Ждите неприятностей. Правда, красавчик из Юншена все еще сомнительный, но и неприятности тоже не те, которых я ожидала: никаких демонических преследователей, тайных посланников от его бывших братьев, рокового секрета или еще какой жутко тайной фигни. Про свое преступление он сухо сказал, что никого не убил и не предал, а остальное — внутреннее дело пика Даншан и простых людей не касается. Ну и ладно, мне и моей семье навредить он все равно не может, ни прямо, ни косвенно, даже если вдруг окажется кровавым маньяком. Печать не даст — это краеугольный камень здешней системы рабства.

Только почему-то от этого не легче. Больно просто жуть. Бедный мой нос... Понятия не имею, почему ему так понравилось Юншеново плечо, если при попытке отойти от него дальше двадцати шагов этот фрагмент организма включает функцию поливалки.

Медитации тоже помогали, хотя я их терпеть не могу. Меня все время что-то отвлекает и бесит. С Юншеном, правда, не забалуешь: его печать весьма своеобразно понимает подзатыльники, проходящие под лозунгом «на пользу хозяйке». Что-то серьезнее не прокатит, но мне хватает, да и вообще — я же не дура. Понимаю, что другого выхода нет: или научусь контролировать себя, или сдохну. Сам волшебный нюх лекарю-детективу весьма к месту. Но им еще надо овладеть...

Хорошо, была возможность отвлечься на привычное и приятное — лечить этот недоумерший организм, параллельно изучая все, что с ним связано. Зелье новое на нем попробовать. Не совсем новое, но улучшенное — да, я первую версию варила для пострадавшей наложницы за большое золото. Та довольна осталась, вернув косы за четыре месяца, пока ее господин был в дальней провинции по поручению императора.

А для Юншена я его еще немного модифицировала. Дополнила. И очистила. У него очень приятные на ощупь волосы оказались, одно

удовольствие втирать в них снадобье, хотя он и ворчал про запах. Недели через две буду ему косы заплетать.

И все бы хорошо, если бы не семейство Фен с их срочными матримониальными проблемами.

Хорошо, хоть с одним из кандидатов, наследником семьи Лу, проблем не было.

— Шкатулка с компроматом на этого товарища уже год как лежит в моем шкафу, в одном из потайных отделений. Ты знаешь где, код три синих, четыре красных, — кивнула я А-Лею. И в ответ на вопросительный взгляд учителя пояснила: — Этот молодой человек был одним из кандидатов в мои мужья. На первый взгляд, все как по заказу: молодой, симпатичный, принятый в обществе, скромный и добродетельный, настоящий сын своего овейного славы веков семейства.

Юншен фыркнул и скептически приподнял бровь, демонстрируя сдержанный интерес. Вообще, с тех пор, как он слегка оттаял, я исподтишка иногда любовалась богатством его мимики. Это существо с задатками каменного идола одним неуловимым движением век умудряется продемонстрировать целую палитру эмоций.

— Но главное его достоинство, конечно, это глубоко-окий кошелек отца. Который он усердно пытается опустошить каждый раз, как этого «красавца» выпускают за порог поместья без сопровождения специально приставленного родственниками слуги-телохранителя, от которого он, подозреваю, периодически просто сбегает. — Я посмотрела, как усердно А-Лей ковыряется в потайном шкафу, и слегка его притормозила: — Шкатулка! Не отвлекайся на то, что тебя не касается, братик. И нечего губы дуть... Так о чем я? — Поправив полы халата и усаживаясь в позу лотоса, я продолжила: — Молодого господина Лу знают во всех игорных домах и борделях как завсегдатая в белой маске. Эти сведения мне дорого стоили, тайну своих клиентов дельцы хранили свято. Почти. Если бы не удачное стечение обстоятельств...

Лицо заклинателя снова без слов нарисовало сначала пренебрежительное презрение к беспутному сыну семейства Лу, а потом явное неодобрение моего вмешательства в какие-то «стечения обстоятельств».

— Уже четыре раза молодой господин Лу устраивал в радужных и весенних заведениях погром и более десятка — одалживал у сомнительных личностей огромные суммы на развлечения. Только тяжелая рука старого господина Лу удерживает на плаву этот клан, причем не всегда мирными способами. И это я сейчас не про отбитый зад наследника говорю, в семействе Лу дитяtko даже не пороли ни разу, а зря. Я про пару трупов слишком наглых кредиторов, что узнали лишнего и попробовали подзаработать дополнительно — шантажом.

— Мерзость, — прозвучало емко и спокойно, но в то же время очень показательно. Может, чуть позже попросить Юншена обучить меня еще и элегантно... Эм, даже не знаю, как это назвать. Маске? Искусству поддержания беседы?

— Ага, согласна... Пчхи! Ну елки вам под палку... — В нос попал слишком резкий запах с улицы. Кажется, какая-то дрянь опять зажгла рядом с нашим домом ароматическую палочку, да еще и с запахом лилий — самую резкую и вонючую. И я даже знаю, какая именно дрянь... Не зря же служанка Лисянь из наших кустов сутками не вылезает. Правда, теперь она сидит не возле самого дома, а за забором Жасминовых Садов, но запах все равно такой сильный.

— Не ругайся неведомыми словами, ученица. Пусть их содержание многим и непонятно, но посыл слишком уж очевиден. — Он на секунду прикрыл глаза, о чем-то размышляя и принюхиваясь. Явно почувствовал благовония, но в отличие от меня небожитель прекрасно контролировал собственных нюх. Даже завидно.

Внезапно он встрепенулся, замечая, как я вытираю струйку крови под носом:

— Подойди ближе. Я, кажется, понял, в чем дело.

Господи, да я с ним обниматься готова, кажется, круглыми сутками. Он единственный в этом мире все еще приятно пахнет. А то даже от собственного брата хочется держаться на расстоянии, особенно после его вечерней трапезы с чесночными булочками.

— Уф-ф-ф-ф... — Мой нос радостно уткнулся в плечо заклинателя. Сразу стало легче дышать.

— Не обязательно так делать, — спокойно заметил Юншен. — Закрой глаза, погрузись на самый первый уровень самопознания и смотри на свои потоки, когда ты рядом со мной.

— М-м-м-м? — вопросительно промычала я с намеком на желанное объяснение. Еще и глаза пожалобней состроила.

— Лень — не есть добродетель на пути совершенствования. Смотри сама, — не купился учитель на мой измученный взгляд.

— Я маленькая, я больная... Учитель, позаботься обо мне! — Я снова уткнулась носом в отворот его нижнего халата и с упоением вдохнула аромат припорошенной снегом горной сливы.

— Ты хитрая и ленивая лиса, — заклинатель легонько ткнул пальцем мне в переносицу, — у которой по неосторожности и недоразумению демоны знают что творится в потоках и меридианах. Когда я рядом, ты, во-первых, выравниваешь течение ци, которое у тебя в остальное время стремится в одну точку за носоглоткой. — Он снова нажал мне между бровей, слегка массируя. — А во-вторых, начинаешь сливать в меня избыток той энергии, что уже скопилась к этому моменту в узле меридианов. Потому и становится легче. В этом моя ошибка, — вдруг покаялся он, убирая руку. А-а-а-а! Сразу опять заболело! Верните моему носу волшебные пальцы... — Ты прибегала с кровотечением, прижималась ко мне, и твоя ци сама собой выравнивалась. И только потом мы сядились медитировать, когда проблема уже фактически была решена. Потому мы и не осознали ее причину. Надо делать иначе.

— Слушай, у тебя тут три шкатулки. — Расковырявший самое дальнее отделение шкафа А-Лей отвлекся, наконец, от своего весьма интересного занятия. — Которая про женихов? А остальные, кстати, про кого?

— А ну, не трожь! — спохватилась я. — Белую бери и брысь от шкафа.

Глава 21

Пришлось медитировать, чтоб его. И самостоятельно «выравнивать поток ци». Это что, больше не надо обниматься с Юншенем? С одной стороны — ура, свобода! С другой... Не могу сказать, что меня как-то сексуально тянет на эти трогательные косточки, которые за неделю еще не успели обрасти мясом, но все же это было приятно. Успокаивало. А еще — полезно, это мы выяснили через час.

— Тебе нужна моя ци, а мне нужно учиться ее вырабатывать, — безапелляционно заявила я. — Видишь, за неделю ее стало у меня больше? Не просто же так. Ты у меня теперь как тренажер на педальном приводе.

— Что?! — недоуменно хлопнул на меня глазами Юншен.

— Ну... ты тянешь ци, твоя аура от нее подпитывается. А моя, раз ее за потоки все время дергают, начинает вращаться быстрее. — Причина даже не казалась притянутой за уши.

— Янли, это все интересно, но госпожа Фен все еще грозит нашему дому, — напомнил братец, потыкав пальцем в стоящую на столе запертую белую шкатулку. — Давай ты потом на нем потренируешься? Что значит «педальный» и куда его приводят, кстати?

— Забудь, — отмахнулась я. — Ладно, вернемся к нашим баранам. В смысле, к господам Лу и их тайнам.

— Тайны, от которых умирают люди, небезопасны, — насупился Юншен, строго сдвинув брови к переносице. — Тебе не следовало в это лезть.

— Они сами ко мне пришли, — пожала я плечами. — Я осторожно и лишь ради собственной безопасности. — Так себе оправдание, но другого не будет. — Шантажистов и ростовщиков мне не жалко, но и связываться с этой семейкой желания не возникло. Старый Лу действительно стар — он поздно обзавелся наследником. И теперь мечтает пристроить непутевое дитяtko под сильную родню с женской стороны, осчастливив их — после свадьбы, естественно, — информацией о том, что молодого мужа надо стеречь с палками. Чтобы потом кредиторов не гонять.

— Разве мужчину, тем более наследника, могут отдать в другую семью? — На скептически-удивленный хмык А-Лея заклинатель пояснил: — На пиках редко интересуются мирскими делами, а смертные любят менять собственные традиции. Потому... не удивлюсь.

— Нет, конечно, настолько мир еще не успел измениться. А жаль... — вздохнула я. — И в этом дополнительная засада. Мне такого геморроя и даром не сдалось, работать надсмотрщицей при собственном супруге. А учитывая, что рычагов власти после смерти старика у придурка будет побольше, чем у меня... — Я неопределенно помахала в воздухе рукой, будто отгоняя назойливую муху.

— Пф-ф-ф! — сердито фыркнул А-Лей, забирая у меня ключ от шкатулки.

— Ага. Моему отцу тоже ни в одном месте не радостно еще и этими проблемами заниматься. Лезть в семью дочери, чтобы приструнить зятя, — дурной тон. Папе бы со своей разобраться. — Я припомнила вездесущую новую наложницу. Тем более что именно из-за нее в носу еще стоит удушающий запах лилий. А спасительное плечо заклинателя у меня отобрали...

— Вот уж точно, — развеселился братец. — Без Лисянь, конечно, в доме было бы спокойнее. Но в то же время, наверное, скучнее!

— Цыц! — Я запустила в брата скомканным платком, которым прикрывала нос. — В таком вопросе лучше поскучать, чем дожидаться от нее сына и потом промывать тебе желудок по пять раз на дню при каждой попытке отравления.

— Все так плохо? — мимолетно уточнил Юншен, протягивая мне уже свой платок. Вот, теперь полегче. Не знаю, возможно, это банальный эффект плацебо или выработанный за неделю рефлекс... но от запаха морозной сливы даже в голове проясняется, а мир кажется ярче и четче.

— Еще хуже. Ладно, не будем отвлекаться, Лисянь от нас никуда не денется. К сожалению. Короче говоря, мне молодой Лу в женихи не сгодился. И для Еси тоже не подходит. У нее, конечно, есть госпожа Фен, этой только волю дай кого построить. Влезла бы по локоть в воспитание зятя, да еще и удовольствие от этого получила. — Смешки раздались с двух сторон. — Но... повторяю, это не семья будет, а обычный геморрой. Двоюродная сестренка у меня милая, гадючью натуру маменьки не унаследовала. Она действительно хорошая и

добрая девочка, несмотря на то что ее безбожно избаловали оба родителя.

— Не стоит ругаться столь... смущающей болезнью, — в который раз напомнил Юншен. Кажется, он слишком серьезно отнесся к своей роли учителя. Особенно после того, как выяснил, что такое этот загадочный «геморрой». — Теперь ты хочешь передать эти доказательства своей родственнице, чтобы она на время оставила тебя в покое, так?

— Именно.

— А что там за доказательства?

— Пара расписок, собственноручно оставленных молодым господином Лу, его поясная нефритовая подвеска с печатью семьи, которую этот обалдуй потерял в разгромленном весеннем доме. Ну и по мелочи, от записок слуг до письменных рассказов некоторых девушек о его не слишком приятных и традиционных привычках в постели.

— Янли! — укоризненно одернул меня наставник.

— М-м-м?

— Ты юная госпожа из приличной семьи! Должна вести себя соответственно, — снова нахмурился он. — Не стоит обсуждать подобные темы с мужчинами. — Тут он слегка задумался и добавил: — Вообще ни с кем обсуждать не стоит.

— Кому должна? — Я даже подперла щеку рукой, с интересом глядя на чуть порозовевшего Юншена.

— Себе должна. Если хочешь сохранить внутреннее достоинство и выйти замуж за приличного молодого господина, то...

— А если не хочу? — перебила я заклинателя, снова любуясь на калейдоскоп эмоций на его лице.

— В смысле? — Юншен буквально проиллюстрировал строчку из песни. Ага, именно ту, что «хлопай ресницами и взлетай».

— Если я не хочу замуж за приличного молодого господина? К примеру, хочу за неприличного. Или вообще ни за кого не желаю. Тогда кому должна? — закидала я вопросами бедного парня.

— Все равно — себе, — упрямо покачал головой он после нескольких секунд раздумий. Я в какой-то степени даже испытала удивление, что Юншен не стал навязывать мне брак. Этим он сильно отличался от большинства людей, встреченных мной в этом новом

мире. Хотя, возможно, у заклинателей все обстоит иначе. — Надо хранить внутреннюю чистоту помыслов.

— Учи-и-итель, — я улыбнулась, — поверьте, чистота помыслов не зависит от того, как много человек знает и с кем не боится свои знания обсудить. Скорее все ровно наоборот. Невежество порождает чудовищ. Замалчивание проблемы делает ее не только большой, но и страшной. Чистота помыслов — это не желать зла, не делать зла и не призывать зла. А знать о нем необходимо. Иначе тебя легко обманут и запачкают те, кто этого зла не боится.

— Я... подумаю над этим, — после некоторой паузы сказал Юншен. Идеальный мужик. Умный. А главное — не считает свое мнение истиной в последней инстанции и всегда готов принять чужую точку зрения. При этом вряд ли он так легко отступится от собственных слов. Будет мне еще лекция... и не одна.

— Ага, подумаешь, попозже только, — снова влез А-Лей. — Иногда она как скажет... хоть в свиток записывай и потом философствуй. Но сейчас нам надо решить, что там у вас с потоками-то? Будете это... педалей приводить много раз, чтобы завтра сестра сама вышла к обеду, или я просто отнесу шкатулку тете Цин?

Глава 22

— Лучше это сделаешь ты, братец. Заодно и пожалуешься на семейном обеде, насколько мне плохо. И... — я кинула неодобрительный взгляд в сторону кустов, — сделай отцу еще пару намеков, мол, кто-то порчу накладывает. Якобы призналась я тебе по большому секрету, что в доме зуб на меня точат и благовония с проклятиями зажигают. Я справлюсь, но не сразу. А еще недоброжелатель хочет рассорить нас с госпожой Фен. Справишься?

— Само собой. Главное — вслух не говорить, что это именно Лисянь распускает слухи, а то отец сразу на дыбы встанет, — поморщился А-Лей. — Знаешь, если я в старости начну так же давиться слюнями из-за какой-нибудь смазливой и лживой девчонки, стукни меня по голове чем-нибудь тяжелым.

— Все вы, мужчины, одним маслом мазаны, — отмахнулась я. — Топай. Мы будем педально, то есть упорно, медитировать. Мне, в прямом смысле кровь из носа, надо сегодня ночью появиться в Лунных Пристанях. У-Нан трижды приносила список просьб к поворотному столбу, там явно накопилось.

— Одна ты никуда не пойдешь, — не возразил, а скорее констатировал факт заклинатель.

Я обернулась и с сомнением посмотрела на Юншена. Подумала немного и вздохнула:

— Вылечила на свою голову. — Но все же не удержалась от смешка. — Вряд ли ты далеко убежишь за мной, если я с места возьму разгон, но мозгов вцепиться в одежду или в какую часть тела, чтобы не отпустить, тебе хватит. И сил тоже. Ладно... будем делать тебе вуаль. После медитации.

— Вряд ли ты далеко убежишь, если натолкнешься на что-то сильно пахнущее. А больные порой смердят не лучше трупов, — парировал Юншен. — И зачем мне вуаль?

— Затем. Белая Дева всегда скрывает лицо, никто не должен знать, что это я. А по твоей запоминающейся внешности меня вычислят на раз.

— Ты — Белая Дева?! — Кажется, я смогла по-настоящему удивить заклинателя. В который раз.

— Ну да... А ты откуда вообще знаешь о ней? Какое дело знаменитым бессмертным до обычной городской лекарки? — Мне правда было интересно.

Практикуя больше года и не отказывая никому в помощи, я уже получила довольно широкую известность среди простых людей. Но здесь нет средств массовой информации и интернета, слухи разлетаются хоть и быстро, да недалеко. Какими путями они могли попасть на пики бессмертных?

— Ты лечишь бесплатно. А у пика целителей столетиями фиксированная и далеко не маленькая плата. Шиди постоянно ворчал, что некоторые посетители жалуются и требуют снизить цены. А еще рассказывают сказки о Белой Деве, умеющей исцелить лучше и быстрее, — подтвердил мои собственные предположения заклинатель.

— Те, кого я лечу, все равно никогда не смогли бы столько заплатить. — Невесело фыркнув, я пошла к комоду, чтобы добыть оттуда очередной кусок белого тонкого муслина. — А богатые люди ко мне не обращаются. Так что я вам, в смысле им, не конкурентка.

— Это их тоже угнетает. Какие-то рабы и крестьяне получают бесплатно то, за что они платят. Так что лучше не упоминать Белую Деву рядом с другими целителями.

— Я с другими целителями не общаюсь, так что все в порядке. — Широкополая плетеная из бамбука шляпа аккуратно приземлилась на макушку сидящего в позе лотоса Юншена. — О, подходит. Это моя запасная. Сейчас пришью вуаль, и будет у нас две Белых Девы вместо одной. Отлично, спутаем следы!

— Разве мне обязательно быть именно... девой? В этом есть какой-то скрытый смысл? — нахмурился парень. Ну вот, снова нетипичная реакция для здешних мужчин. Тот же А-Лей, стоит лишь упомянуть ему про маскарад под девушку, ревет белугой. Будто ему не одежду сменить предлагают, а пол поменять.

— Учитель, все достаточно банально, без всяких скрытых смыслов. У меня просто нет подходящей мужской одежды на твой размер, — пояснила я, доставая запасной комплект своих врачебных одеяний. — Честно говоря, если ты наденешь это с вуалью, никто не

сможет точно определить твой пол. Но скорее всего, подумают про Деву. Просто по привычке. Так что быть вам моей ученицей.

— Хм... — только и сказал Юншен, рассматривая набор из удобных шаровар, рубашки и более просторного, чем тут принято, верхнего халата. — Займемся медитацией. Если ты до вечера не научишься более-менее контролировать свою ци и по-прежнему будешь умирать от любого запаха, мы все равно никуда не пойдём этой ночью. — Чуть подумав, он добавил: — Носовое кровотечение сразу тебя демаскирует.

— Логично, — признала я и опустила на пол рядом с ним. — Терпеть не могу эту позу, какой садист придумал так издеваться над суставами и связками?

Это был самый длинный день в моей жизни. Кажется, к вечеру у меня была готова потечь кровь вообще из всех мест, а не только из носа. Да, с ци я худо-бедно справилась. Но сил на то, чтобы встать с пола, уже не осталось.

— До заката еще час. Из дома мы можем выйти ближе к полуночи. — Откуда у Юншена, интересно, пророс этот безапелляционный учительско-родительский тон? — Будешь спать все это время.

— Сам будешь спать, иначе мне придется тебя на себе тащить, — оценив слегка зеленоватое лицо заклинателя, сделала вывод я.

— Я могу войти в глубокую медитацию, — покачал головой Юншен. — Так легче отследить время, и подобная практика легко может заменить сон без вреда для организма, особенно первые несколько суток. У меня сейчас достаточно ци для этого.

— Это само собой. Только сначала поешь и выпьешь все лекарства. — Расплетать ноги из того узла, в который мне их свернула распроклятая поза лотоса, было слегка неприятно. Поэтому колени чуть подрагивали, пока я шла к полке с препаратами собирать обычный Юншенев набор на вечер. — И не кривись. Горький отвар сегодня только один.

— Зато самый горький... — вздохнул учитель. Но на этом его неодобрение и закончилось. Когда я подробно объяснила заклинателю, как именно действует то или иное лекарство, а он во время медитации сам отследил их влияние на организм, любое сопротивление прекратилось. Небожитель даже раздеваться стал почти добровольно

для сеансов массажа и иглоукалывания. Ключевое слово — «почти», стащить с него нижний халат все еще было очень проблематично. Я молчу про штаны. Но все равно — это прогресс.

— Постарайся перед тем, как заснуть, распределить ци равномерно по всем меридианам. — Юншен устроился в моей нелюбимой ногоскрученной позе на своей половине кровати и руководил моим отходом ко сну. — Тогда сон будет легче, полезнее и лучше освежит.

— Господи, уже и поспать нельзя без этого мозговыноса... — простонала я тихонько.

— Ты что-то сказала? — открыл один глаз учитель, всматриваясь в меня с очень многозначительным выражением лица.

— Не-не... сплю.

— Не спишь, а считаешь вдохи и выдохи, как я учил, — педантично поправил мой личный садист. Это он так за лечение отыгрывается, что ли? — И выравниваешь ци, тоже как я учил. Сон придет сам в конце упражнения. Давай.

— Да, наставник. — Назвался груздем — лезь в корзинку. А еще мне нравится, как он морщится каждый раз, когда я его так называю.

Нет, Юншен во всем прав. Это я так, ворчу. Восстановиться мне действительно не помешает.

Проснувшись всего через пару часов, я и правда почувствовала себя отдохнувшей. Поэтому, когда в дом ввалился А-Лей, зажег лампу и принялся копать за ширмой, переодеваясь в дорожное, на него даже никто не стал ругаться. Только вынырнувший из своей медитации Юншен вопросительно поднял бровь.

— Так я вас и отпустил одних, — выдал нахальный брат. — И вообще, я уже давно привык ее сопровождать, а ты в этом деле новичок. У тебя опыта нет!

Глава 23

— Он не похож на деву, — констатировал Юншен с некоторой претензией в голосе. Переодетый в белое заклинатель из-под вуали рассматривал А-Лея, чье лицо было скрыто полумаской наемника. — Слишком резкие и порывистые движения, широкие плечи и пружинистая походка. И он не в белом! — последняя реплика была адресована мне.

— Потому что я телохранитель Девы, мне положено одеваться так, чтобы быть незаметным, — похвастался братец, поправляя темно-серое верхнее одеяние.

— Незаметен ты будешь разве что слепоглохому, — фыркнул Юншен, пальцами проверяя, как пришита вуаль к шляпе. — И телохранители тоже так себя не ведут. Достаточно лишь услышать, сколько шума ты издаешь при ходьбе, и даже крестьянин скажет, что ты обычный переодетый юнец.

— На фоне вас двоих на меня никто и внимания не обратит, — нахально отмахнулся брат. — А стукнуть тяжелой палкой по башке того, кто начнет руки распускать, много ума и тренировок не надо.

— Ты не прав. Этим я тоже займусь. — Заклинатель сложил руки на солнечном сплетении, пряча ладони в полах длинного халата. Самое смешное, что в подобном наряде он смотрелся чуть ли не женственнее меня. Эта его привычка ходить плавно и бесшумно, аки лебедушка по озеру, прямо держать спину...

— Два телохранителя для одной девы — явно перебор, — пояснила я все еще несколько обиженному учителю, складывая инструменты и препараты в сумку. — А две Девы — нормально, даже лучше, чем одна. Все, я готова. Идемте.

Оба кивнули и не двинулись с места. Ждут, когда предводительница укажет путь? Ну-ну. Я кивнула и добавила:

— Юншен, предупреждаю: если почувствуешь слабость, должен сказать об этом сразу. Не надо играть в героев. А-Лей, если что, тебя на спине донесет до места и обратно, ему полезно тренироваться.

— То же касается и тебя, на белом слишком хорошо видно кровь...

— Договорились. Вообще, конечно, безумие отправляться в поход двум доходягам, а что делать? — Я опустила свою собственную вуаль и направилась к окну. — Вперед, на подвиги.

У мира, в который я попала, была еще одна неоспоримая особенность: прекрасная природа с по-настоящему красочными пейзажами. Не то чтобы она сильно отличалась от райских уголков Земли, но в Великой Поднебесной природа еще и отлично соседствовала с человеческими постройками. Местные жители ценили гармонию, равновесие инь-янь и прочие философские штуки. Потому большинство зданий замечательно вписывались и совершенно не портили созданные самим миром живописные картины.

Лунные Пристани были одним из таких памятников местной архитектуры. Небольшие беседки для ожидающих, построенные прямо на воде, деревянные расписные причалы и прочие небольшие строения буквально вливались в дикую прибрежную природу. Особенно это было заметно сейчас, глубокой ночью. И лишь маленькая крытая лодочка, освещающая себе дорогу белыми бумажными фонарями, все еще напоминала о том, что это совсем не заброшенные места.

— Госпожа! — радостно вскрикнула выскочившая из лодки мне навстречу У-Нан, споткнулась и едва не упала. Пришлось ловить.

— У-Нан, сколько раз я говорила, что в вашем возрасте пора смотреть под ноги? — строго спросила я, обнимая сухонькую и словно вообще бестелесную старушку. Даже удивительно, как в этом крохотном тощеньком существе с выцветшими глазами на маленьком морщинистом личике помещалась такая неистребимая жажда жить и радоваться жизни. Учитывая, через какие испытания пришлось пройти хозяйке маленькой харчевни после того, как тридцать лет назад эпидемия желтой лихорадки унесла всю ее семью и деревню, поразительно, как она сумела остаться настолько солнечной и доброй. Ее энергии хватило бы на пятерых. А сердца — и вовсе на весь наш пригород.

— Госпожа, пойдемте, люди ждут. — Не обращая внимания на ушибленную ногу, У-Нан повела меня к лодке. — Мигом доплывем. Мальчики посидят в зале, я принесу им лotosового супа. Сегодня среди ваших пациентов будет несколько женщин с такими болезнями, какие мужчинам видеть ни к чему.

— Госпожа не должна ходить куда-то одна, — возразил Юншен, поддерживая меня под локоть, пока узкое суденышко стремительно скользило по лунной дорожке. В отличие от А-Лея, уже опытного в этом вопросе и без отдельного приглашения никогда не сующего нос за ширму в приемной, заклинатель пока не знал, чем ему грозит такая настойчивость. — Я должен ее сопровождать. Госпоже может понадобиться помощь.

— Ну, если не забоишься, — хитро улыбнулась ему У-Нан, ловко швартуя лодку у старого причала. — Идем. Так-то тебя и правда можно спутать с женщиной, особенно если неопытный кто посмотрит... Это меня, старую, не проведешь. Поэтому девочек ты не пугаешь. Только, чур, в обморок не падать.

— Госпоже целительнице нездоровится. Лучше следить за ее состоянием, — настаивал на своем заклинатель, пока мы шли по узкой тропке к старому дому, пристроенному к маленькой закуской чуть в стороне от людных портовых причалов. Жаль, что из-за вуали, да еще и в темноте, нельзя рассмотреть его лицо.

У-Нан бросила на меня мимолетный тревожный взгляд и чуть поджала губы. Потом ее подвижное морщинистое личико стало немного виноватым:

— Белая Дева должна себя беречь, это верно. Больше никому нет дела до бедняков. Если с вами что случится, госпожа, все мы останемся без помощи. Но случаи слишком срочные, иначе я бы не стала вас беспокоить.

— Идемте уже, хватит разговаривать, — отмахнулась я, привычно ступая по скрипучим ступенькам, ведущим в верхние комнаты. — Брат, ешь бабушкин суп и прислушивайся, вдруг позову. А «ученица» пойдет со мной.

Через полчаса совершенно белый — это даже под вуалью было заметно — Юншен, воспользовавшись тем, что одна пациентка еще одевалась, а вторая ждала за ширмой, схватил меня за локоть и оттащил в противоположный угол, где и разразился шипением, что твой уж, которому наступили на хвост:

— Янли! Это же... это же...

— Весенние девы, да. — Я как раз снимала с рук импровизированные перчатки из тонкого шелка, вымоченного в соке одного местного растения, из-за которого они выглядели и ощущались

почти как латексные. Осторожно уложив использованный инвентарь в медный контейнер с плотной крышкой, в котором потом их еще предстояло кипятить, я грустно улыбнулась заклинателю. — Проститутки. И что? Они не люди? Им не надо помогать?

— Я... не это имел в виду, — стушевался заклинатель, но тут же продолжил: — Почему этим... девушкам помогаешь ты? В каждом... заведении такого толка всегда есть свой целитель.

— Потому что больше никто не рвется. — Я тяжело вздохнула и привычно уже уткнулась Юншену в плечо, чтобы избавиться от мерзких запахов болезней. — Даже те лекари, которые, по идее, получают от властей деньги за то, что присматривают за весенними домами, на деле брезгуют многими «стыдными» болезнями. И хозяевам дешевых заведений легче просто выбросить «неизлечимую» девушку на улицу и выкупить другую, чем заплатить больше или уговорить достопочтенного целителя.

Юншен пару секунд молча открывал и закрывал рот, как местный декоративный карп, вынутый из пруда, но я не стала ждать ответа и продолжила:

— Бывает еще хуже. К примеру, если грубый клиент нанес девушке внутренние повреждения. Потому что никто не даст ей времени их нормально залечить, просто подложат под другого мужчину максимум через три дня, когда «долг за еду и крышу над головой» покажется хозяину слишком большим.

— Все равно это... ты должна в первую очередь думать о себе, а эти женщины... они...

— Юншен. — Я приподняла свою и его вуаль и посмотрела парню прямо в глаза. — Учитель. Я не хотела бы в вас разочароваться. Это ложь и лицемерие — ходить в весенний дом за удовольствием, а потом называть живущих там грязными потаскухами и отказывать им в человеческом отношении. Я не знаю, как небожители, но хорошие люди так не делают.

Глава 24

Тан Юншен

— Ты неправильно меня поняла, — торопливо перебил я. И внутренне поморщился от неприятного чувства: да, я сейчас действительно хотел сказать другие слова, но в чем-то Янли была права. Подсознательно даже высококлассные куртизанки из лучших весенних домов воспринимались мной как люди даже не второго, а скорее третьего сорта. Точнее, неправильно. Я сам никогда ни о чем таком не задумывался, просто так считали все вокруг, а я не спорил. Только здесь ведь вообще о другом. — Женщины в борделях... особенно в таких, где за их здоровьем не слишком следят, в основном преступницы. Даже не рабыни, те слишком дорого стоят. А эти... они ведь могут навредить тебе.

— Не будь таким наивным, учитель, — резко оборвала меня девушка. — Вот этой девочке, — она кивнула в сторону ширмы, — которой здоровый грузчик за пять ланей порвал все, что можно было и нельзя, было пятнадцать лет, когда ее родители от голода продали дочь в бордель. Все ее преступление заключается в бедности и незащитности. Но даже воровки и обманщицы не должны гнить заживо и плакать от боли потому, что им никто не помогает, а все только пользуются и презирают. Я — лекарь. Я лечу всех. И не спрашиваю, за какие грехи человека искалечили. Никогда.

После этого она развернулась и ушла звать из-за ширмы следующую раздетую проститу... девушку. А я остался стоять и думать... а потом сжал зубы и пошел помогать, пусть не делом, но хотя бы своим присутствием и вовремя подставленным плечом. Мне все равно было слишком не по себе смотреть куртизанкам в глаза, но...

С другой стороны, я не понимал, за что должен испытывать такой стыд. Не я ведь издевался над этими девушками из дешевых борделей, не я их туда продал. Я даже не запрещал Янли лечить их, просто хотел оградить... Откуда тогда это чувство вины? За что меня столь презрительно отчитала собственная ученица? За общепринятые и проверенные столетиями нормы морали?

А еще девчонка явно прошла в своем возмущении по моей ситуации. Меня она тоже вылечила, не спросив про «грехи». И значит... в ее глазах я, бывший бессмертный, равен вот этим куртизанкам? Это оказалось неожиданно больно и вызвало настоящую бурю противоречивых чувств.

Обижаться на нее за такое отношение было бы глупо. Я сам себя перестану уважать, если в своем возрасте в здравом уме обижусь на смертного ребенка. Но нерациональное желание было слишком невыносимым. Возможно, после исчезновения энергии ци организм вновь вернулся во времена своего цветения... Бессмертное тело я обрел где-то в двадцать, а значит, и всплески эмоций у меня сейчас как у юнца. И раздетые для лекарского осмотра весенние девы никак не способствуют сохранению душевного равновесия. Хорошо, что дотрагиваться до них мне не нужно.

— Не грузись слишком сильно. — Теплая рука легла мне на плечо и погладила, словно стараясь стереть неприятные мысли и обиду. — Все проблемы мира не лежат на наших плечах, достаточно справляться с теми, что сами упали под ноги. Спасибо за помощь и за то, что ты умеешь слушать даже неприятные слова.

Янли улыбнулась, и ее улыбку я почувствовал сквозь два слоя белого муслина. Девушка прошла к стоящему в углу комнаты маленькому чайному столику и зажгла миниатюрную горелку. Кивнула мне:

— Все неприятное позади, дальше будем разбирать жалобы на утренний кашель и плохой цвет лица. А также слушать самую последнюю и самую подробную сводку новостей и сплетен.

И впрямь, следующий поток страждущих представлял собой уже более... приличный контингент. Лавочники, слуги, рабы из благородных домов, крестьяне... Янли в образе Белой Девы обследовала и лечила всех. При этом она уже не была «молчаливым и благородным призраком в вуали», наоборот, начала задорно разговаривать с пациентами, не используя высокий слог, будто сама была крестьянской девчонкой. Она весело и громко смеялась, символично прикрывала рот ладошкой, размахивала руками и кивала головой. Ни одна дочь благородной семьи не вела бы себя так... ну, кроме моей лисы. Сначала это мне показалось диким, а потом я понял, что ее манеры — отличный способ развязать этим людям языки.

Служанки и грузчики, подметальщицы улиц и мелкие лавочники на глазах расслаблялись, и если сначала они толково и спокойно рассказывали о своих симптомах, отвечая на расспросы, то потом уже болтали обо всем на свете, выдавая ворох сплетен и новостей.

— Эта молодая госпожа из дома Тан, вы же слышали? Какой ужас... поддалась злему колдовству и теперь умирает из-за преступника! — внезапно вклинился в мои мысли голос пожилой служанки, жаловавшейся на боли в спине и плохой сон. Сначала я отреагировал просто на свою фамилию, а затем только понял смысл фразы.

— Как?! — это мы с Янли спросили одновременно. Только ее голос был удивленно-громким, а мой хриплым.

— Да-да, люди уже давно говорят... не зря же этого демона прогнали с пика небожителей! Стоило госпоже необдуманно купить его и привести в свой дом — и что? Она сразу же заболела! Я не удивлюсь, если Белую Деву скоро пригласят в поместье семьи Тан. Кто еще может спасти молодую госпожу, если не Белая Дева?

Я невольно взглянул в лицо ученицы, стараясь разобрать ее эмоции за вуалью. Такие ужасные слухи... однако они были закономерны. Не удивлюсь, если вскоре глава семьи Янли действительно решит от меня избавиться.

— Кхм... — тем временем поднесла палец к губам девушка, о чем-то глубоко задумавшись.

— Люди говорят, что надо собраться, пойти и сказать хозяину поместья: пусть выдаст демона. Не дело позволять ему убивать молодую госпожу, чтобы напитаться ее жизненной силой. Колдуна того надо сжечь, тогда и госпожа поправится!

Глава 25

Янли

— Госпожа Мисянь, все это только слухи, — спокойно прервала я пациентку, хотя в душе у меня бушевала самая настоящая буря. Не хватало еще, чтобы ни в чем не повинного учителя действительно отправили на суд Линча.

— Люди говорят! А люди ошибаться не могут! — горячо возразила полненькая и весьма румяная дама средних лет, уже получившая камфорную мазь для растирания, но еще не готовая уступить очередь другому пациенту. — Все уже догадались, что этого демона молодой госпоже подсунули не просто так. Это наверняка месть отвергнутого жениха — того самого, которому год назад семейство Тан отправило отказ, господин еще сам его отвез и долго разговаривал с генералом наедине. Говорят, после этого в той семье разразился скандал, молодого наследника даже уличили в чем-то совсем неподобающем и отправили в монастырь очищения. На десять лет! А старый генерал срочно женился, чтобы завести нового наследника. Но кто-то из них наверняка затаил зло на семью Тан, и вот — подсунули девочке демона-кровопийцу! — уже по-настоящему завелась сплетница.

Маразм крепчал, деревья гнулись.

— О боги, какая чушь. — Панические мысли, все время рассказа метавшиеся в голове как ополоумевшие блохи, вдруг замерли, вытолкнув на передний план нечто дельное: на чужой роток не накинешь платок. Если люди начали болтать, остановить их невозможно. Особенно когда некто умело провоцирует и направляет эти сплетни. Я даже догадываюсь, кто это может быть... но об этом позже.

Нельзя заставить их замолчать, но вот изменить направление сплетен — ха! Что люди любят даже больше, чем ужастики и байки о всякой нечисти? Правильно...

— Госпожа Мисянь, люди такие недогадливые, верят в глупые слухи, которые распускают враги юных влюбленных... — Вуаль колыхнулась мягко, в такт тому, как я качнула головой. Этот трюк

работал всегда — пожилая служанка приоткрыла рот и уставилась на меня как слегка загипнотизированная мышка. Хотя почему «как»?

— Я не люблю выдавать чужие тайны, но здесь не могу промолчать. — Я в показательном смущении смяла в руках платок. — Видите ли, меня уже приглашали в поместье Тан. И я лично знакома с юной госпожой и ее... избранником. Нет там никакого проклятья.

— Госпожа, вас могли обмануть! Поймите, «избранником»? — наконец уловила главное слово женщина.

— Послушайте, — я наклонилась вперед и поманила пациентку к себе, словно собираясь сообщить секрет на ушко, — другому кому я бы не сказала, но вы, госпожа Мисянь, такая проницательная... и наверняка сами обо всем догадаетесь очень скоро. Вы же ведь уже знаете, что господин небожитель, которого лишили сил, не просто так носит фамилию Тан? А? Такую же, как у юной госпожи, приютившей его... Понимаете? Странное совпадение?

Служанка, знаменитая своей любовью к сплетням о любовных делах, замерла с открытым ртом, глядя на меня как на пророка. Или на ворону, вдруг заговорившую человеческим языком. Юншен рядышком тоже вдруг притих под вуалью, словно даже дышать перестал. Ну да, я еще в первый день похихикала над тем, что мы с ним однофамильцы. Почему бы сейчас не использовать это совпадение себе на пользу?

— Госпожа Мисянь, — мой шепот стал почти интимным, — вы представляете, какой должна быть сила чувств, чтобы бессмертный мужчина ради своей возлюбленной нарушил законы небожителей, связавшись с простой девушкой и раскрыв ей некоторые секреты бессмертных? Это строжайше запрещено, но как он мог не попытаться продлить жизнь своей единственной жены? Они заключили тайный брак, за который его низвергли с вершины, отняли все и едва не убили... Ах... — Я демонстративно прижала ладонь к губам, снова гипнотически колыхнув белой тканью вуали. — Какая любовь! Какое самопожертвование... А юная возлюбленная? Может быть, она едва не сошла с ума, узнав, как поступили с господином ее сердца?

— Она наверняка искала его по всей земле, рыдая и терпя лишения... — прошептала госпожа Мисянь. Ее глаза загорелись внутренним светом фанатичной сплетницы. И ей было уже наплевать на факты: Юншена продали сразу после низвержения, никто не успел бы потерпеть лишения, разыскивая его, дней-то прошло мало. Но кого

интересует скучная правда, когда есть такая красивая и богатая фантазия?

Вон служанка уже разошлась и продолжает с жаром:

— И она его нашла! Спасла, выкупив буквально в последний момент, когда его уже хотели отдать страшным врагам... О боги, какая история! Теперь наверняка эти самые враги задумали погубить молодых влюбленных, это они распускают слухи!

— Какая вы умная, госпожа Мисянь! — восхитилась я, краем глаза поглядывая на «бессмертного возлюбленного». Его там не парализовало под вуалью, нет? Не, дышит... кажется. — Вы обо всем догадались! Я сама никогда бы не поняла, если бы юная госпожа тайно не позвала меня в свое поместье, лечить низвергнутого заклинателя после пыток...

— Он даже согласился войти в род жены... Какая самоотверженность! — пробормотала госпожа Мисянь, а я подавила истерический смешок. Ага, моя выдумка шита белыми нитками. Тан — это фамилия невесты. И если разобраться, первым делом следовало бы спросить: с какой стати жених у нас стал так называться, если положено наоборот? Но за меня уже все придумали. Как обычно. Чем нелепее сплетня, тем охотнее в нее верят, сами домысливая детали и объяснения.

Конечно, репутация непогрешимой Белой Девы тоже играет большую роль. Той, кто готов бесплатно лечить людей, «девушке с сердцем бодхисаттвы», просто незачем врать. Но если бы эту сплетню запустила не я — она слишком сладкая и интересная, гораздо больше, чем сказка про демона-кровопийцу. Тетушки вроде этой служанки охотнее сплетничают о любви, чем об убийствах. Ставлю свой драгоценный шприц, сделанный для меня лучшим ювелиром за бешеные деньги, что к завтрашнему утру госпожа Мисянь будет уверена: она сама обо всем догадалась, собрав обрывки сведений, и благодаря своему опыту и проницательности сложила картину до конца. А дальше все покатится как снежный ком, разрастаясь с каждым витком. Уже через пару дней все думать забудут про суд Линча и демона-кровопийцу. Уф-ф-ф...

— До свидания, госпожа Мисянь, до свидания. Не забывайте растирать на ночь и обязательно повязать поясицу колючей шерстяной тканью! И приходите на осмотр через две недели.

Выпроводив пациентку и убедившись, что у меня есть пять минут, чтобы выдохнуть, я без сил рухнула на стул. Сейчас... две секунды, возьму сердцебиение под контроль и проверю, жив ли мой бессмертный.

Внезапно мне на плечо легла рука, а перед лицом появилась пиала с соком. Я не подпрыгнула на месте от удивления только потому, что меня обдало запахом мороза и горной сливы. А этот запах последнее время у меня четко ассоциируется с безопасностью и спокойствием.

Чего это учитель решил первым пойти на физический контакт? Жаль, под вуалью лица не видно, а то не понять — то ли он настолько возмущен, что сейчас утопит в этой чашке, то ли... то ли что-то другое.

И руку почему-то не убирает.

— Значит, тайный брак со смертной возлюбленной, ради которой я пошел на преступление и был низвергнут? Как... неожиданно.

Глава 26

Юншен

Когда я впервые услышал, какой **бред** решила придумать и распространить в народе моя непоседливая ученица, то чуть не захлебнулся дурной кровью. Хотя эта галиматья, конечно, была лучше первой. Та и вовсе предвещала мне скорую смерть в виде сожжения на костре.

Но если то, что меня назвали демоническим заклинателем или нежитью, моя гордость еще хоть как-то воспринимала, то вот эти бредни юных дев... Я что, полоумный юнец без капли мозгов в голове? Ладно, допустим, мог не справиться с чувствами. Но зачем такие глупости творить?

Тем более ни один заклинатель не поверит в этот слух. Влюбился в смертную? Хорошо. Достаточно просто привести ее в орден как ученицу, обучить азам, а не действовать как... как... у меня приличных слов нет.

Какой еще тайный брак? Зачем так заморачиваться?! Любой дом простых людей всегда будет рад принять к себе выпускника пика, даже если тот толком не освоил искусство заклинательства. Развитая система ци, способность создавать волшебные пилюли, отточенные навыки общения и владения оружием, каллиграфия, игра на музыкальных инструментах и многое другое, чему десятилетиями обучают на пиках. Да таким зятем не то что торговец — небесный чиновник и тот не побрезгует. Это скорее сами совершенствующиеся не желают связывать свою судьбу с обычными людьми. С какой радости я влюбился бы в какую-то девчонку из пригорода? Где мы вообще могли встретиться?

Так что хоть я и молчал, для успокоения растирая в чарке один из порошков, подсунутых еще в самом начале лисой, но... выступать в глазах толпы таким лишившимся мозгов от любви идиотом, упавшим к ногам своей жены, мне не хотелось. Я еще не успел обелить свою репутацию в глазах жителей поместья Тан после того, что эта девчонка со мной творила, а тут... Стоп!

Мысль резко зацепилась за край сознания, и мои руки застыли. Постойте-ка. Если Янли будет считаться моей женой, пусть и тайной... это, получается, что никто мое достоинство не ронял? Ох.

Самому себе трудно признаться, но заноза сидит в душе и саднит стыдом всякий раз, когда бесцеремонная девчонка, словно издеваясь, тянет: «Учи-и-итель, будь хорошим мальчиком, не упрямясь» — и стаскивает с меня последние нижние штаны, чтобы проделать очередную «процедуру» со своими иголками и еще какими-то, демон их побери, непонятными штуками.

Но если мы женаты... Она видела меня больным и нагим? Жена ухаживала за собственным мужем, очень благонаравно. Учю ее техникам? Заклинатель имеет право передавать знания членам своей семьи. Мы спим в одной кровати? Жена же... Мое растоптанное достоинство заклинателя окажется не таким уж и разрушенным, да?

Я оценивающе прищурился на лисичку, как раз выпроваживающую старую служанку. Янли очень красивая девушка. Длинные волосы с необычным рыжим отливом, искрящиеся глаза феникса, чистая кожа, тонкие запястья и изящная шея. Необычная, задорная, по-своему добрая и понимающая. У нее, как и у ее брата, есть возможность вступить на путь совершенствования. И даже если существенных результатов она не достигнет, я тоже больше не заклинатель. А врачебная практика и новые методы лечения и вовсе делают из нее практически сокровище.

В конце концов, мысль о браке не так уж страшна. Будь я обычным смертным, давно бы женился на той, которую мне подобрали родители, и не факт, что она обладала бы настолько хорошими внешними данными, умениями и моральными качествами.

Тот небольшой нюанс, что всего неделю назад я хотел побыстрее умереть, а после мечтал придушить двоих бесцеремонных детей и все равно отправиться в загробный мир, как-то потускнел. Я ничего не забыл, нет. Просто начал привыкать, что моя жизнь, которая раньше неизменно текла по одному руслу десятилетиями, теперь может круто измениться в течение суток, да так, словно течение повернуло вспять, не меньше.

Возлюбленная... нет, жена, значит. Я еще раз окинул взглядом фигуру в белом с головы до ног и улыбнулся. Теперь неважно, хотела

она этого или нет, в глазах общественности мы станем супружеской парой. И мне, оказывается, нравится эта идея.

Как только посетительница ушла, я решил начать выполнять свои обязанности как достойный муж. Заодно и просветить лисицу-жену о несовершенстве ее плана.

— Ни один заклинатель не поверит в эту чушь. И станет опровергать везде.

— Я тебя умоляю, — устало засмеялась Янли, выворачиваясь из-под руки, которую я положил жене на плечо. — Еще как поверит. Минимум половина ваших — из тех, кто помоложе. А умных все равно никто не будет слушать. Даже если они тысячу правильных слов скажут и будут тыкать пальцем в слабые места мифа. Это только заставит людей больше верить в сказку.

Хорошо, под белой вуалью не видно мою усмешку. Лисичка сама идет в капкан. Еще и уговаривает себя поймать. Что-то подсказывает мне, что Янли не рассчитывает на тот результат, который получит в итоге. Она всего лишь наскоро придумала, как вывернуть опасные сплетни себе на пользу, а что будет дальше — сообразить не успела. Она умная девочка, но не всевидящий Дао. К тому же очень устала и явно соображает хуже, чем обычно.

Бедная. Я даже могу ей немного посочувствовать... совсем немного. Янли ведь неоднократно за эту неделю говорила, что не хочет замуж. Что же... теперь поздно об этом думать. Мне даже не придется ничего делать. Разве что могу сам с собой заключить пари, когда в Жасминовые Сады пожалует господин Тан и потребует официальной свадьбы. Через два дня или через три?

— Что ты делаешь? — искренне удивилась лиса, обнаружив мою руку у себя на талии, когда мы уже отправились домой.

— Веду себя как примерный муж, — улыбнулся я под вуалью.

— В смысле?! — Кажется, ученица даже вздрогнула от неожиданности, да и голос девчонки дал петуха.

— Доски пристани влажные, света фонаря недостаточно, а ты сильно измотана. Упадешь. Я просто помог, — оправдался я, но руку все же убрал. Не стоит слишком сильно пугать лисичку. Она уже в капкане, но тот еще не захлопнулся.

— Подозрительные вы какие-то, — заметил А-Лей, прижимая к боку корзинку с пирожными, которой снабдила его та благонравная

старушка, что уже уплыла на своей лодочке. — Сестрица, ты там его головой не роняла? Чего он у тебя такой благостный? У меня тут новости, кстати, я прямо не знаю, как сообщить.

— Это про то, что в доме Тан живет страшный кровососущий демон, пожирающий старшую дочь семейства? — улыбнулась девушка, откидывая вуаль. В ее голосе слышалась усталость. — Доест и по соседям пойдет?

— Ну вроде того... поначалу так и было, а потом внезапно прямо на моих, можно сказать, глазах, то есть ушах, ты за этого демона замуж вышла, — нервно хихикнул мальчишка. — Это если самые последние новости считать. Когда вы успели, интересно, если тебя сначала сожрали, а через два часа уже женили?! Ты больных принимала или чем занималась?

— У моей жены очень гибкий ум и поразительные умения, — вполне серьезно кивнул я, чувствуя небывалый подъем в душе. Всегда хотел сказать эту фразу, а уж произносить ее перед впервые, кажется, настолько растерянной лисой... — Она способна на удивительные вещи. Ай!

Глава 27

Янли

— И щиплетса она тоже очень чувствительно, — закончил мысль трепетный небожитель, внезапно переродившийся в знатного тролля. Что ты будешь делать, вроде я ему не мозги и даже не кровь свою переливала, а всего лишь ци. Неужели это тоже заразно?

— Домой пошли, кровожадный демон-муж. — Я прикрыла зевок ладонью и цапнула небожителя под руку, бессовестно утыкаясь носом в его плечо. Весь прием пришлось отчаянно напрягаться, контролируя, куда и как течет ци в моем теле, я почти справилась — кровь не пошла. Но голова разболелась дико, и в нос словно горячего песка насыпали, ведь запахи от пациентов никто не отменял. Одно хорошо — мой новый нюх оказался неожиданно полезен в деле диагностики. Не сам по себе, конечно. Поди отгадай, вот этот оттенок луковой шелухи, пробивающий даже ароматную пудру на лице клиентки, — он что означает? Но знания — сила. Сопоставив симптомы и заглянув в именную карточку (а я на каждого пациента такую завела, я молодец!), диагноз я могла поставить даже без анализа крови и прочих МРТ.

Вот только теперь сил не осталось что-то контролировать.

— Учитель, не дергайся. У меня сейчас нос отвалится. Вместе с головой... — начала было привычно ныть я, пытаюсь добраться до его нижнего халата.

— Хорошо, отдыхай. Ты прекрасно поработала, — раздалось сверху, и прежде, чем я успела кинуть недоуменный взгляд на небожителя, меня подняли на руки и уткнули носом в оголившуюся ключицу.

Вау. ВАУ! Что это с ним? Мало того, что на ручки взял и понес (дурак, сам только-только ходить нормально начал, через пару сотен шагов мы же местами поменяемся), так еще и раздевается сам. Подозрительное дело.

Не мог же он всерьез отнестись к сплетне о том, что мы женаты? Да ну, ерунда какая. Это даже не смешно и никак не может повлиять на реальные отношения двух взрослых людей. Да месяца через два местные сплетники вообще забудут, про кого конкретно говорится в

сказке, она превратится в легенду, герои которой не имеют настоящих лиц и имен.

К моему удивлению, заклинатель дотащил меня почти до дома. Правда, едва мы влезли в окно, сам начал падать, хорошо, А-Лей его поймал. Упертый дурень. Зато я немного отдохнула и теперь могла спокойно надругаться над его достоинством. В смысле, раздеть, обтереть влажным полотенцем и устроить маленький сеанс иглоукалывания перед сном. А у него сил нет даже бухтеть. Со всех сторон плюс, да?

Уже готовая к очередной вялой борьбе, покрасневшим щекам и стыдливо прикрытым ладонью глазам, я отправила брата спать к себе, обернулась... и чуть не выронила иголки из рук. А все потому, что заклинатель раздевался. Реально, он добровольно снимал все свои пять слоев одежды, даже не бросая на меня укоризненных взглядов.

— На кровать или на стол? — слегка застенчиво улыбнувшись мне, спросил Юншен, чуть задержавшись... и все же стягивая с себя нижний халат.

— Кхм... на кровать. — Я медленно моргнула, пытаюсь понять: может, это уже сон?

Я проводила буквально загипнотизированным взглядом подошедшего к постели заклинателя. Юншен повернулся ко мне спиной и, вздохнув, сначала распустил свой небольшой хвост из отросших волос, а потом скинул штаны. Подождите, что? Может, он правда упал и ударился прямо мозгом, а я не заметила?

— Почему ты сегодня ощупываешь мою голову? — спокойно поинтересовался бессмертный, сидя на постели в чем мать родила и вроде как ничуть по этому поводу не переживая.

— Шишку ищу, — честно призналась я. — **Учитель**, когда ты успел удариться этим местом настолько сильно?

— Я был у тебя перед глазами весь день и... всю ночь. Я не падал, — пожал плечами Юншен и перевел на меня взгляд. — Давай ты сначала смажешь меня той мазью для роста волос, раз уже растрепала. А потом, когда я буду уже полусонным, займешься телом.

— Ты сегодня в настроении мною поруководить? — Я хмыкнула. — Ладно. Ложись. Кстати, с завтрашнего дня начнем дополнительный откорм. Пока ты больше похож на скелет, чем на романтического героя или возлюбленного мужа, — решила поддразнить парня.

— Под слоями одежды незаметно. — Юншен опустил голову мне на колени. — Но я согласен. Разве что нужно еще возобновить тренировки с мечом. Иначе накапливаться будет жир, а не мышечная масса.

— Учитель, ты подозрительно покладист. — Я зевнула, приглаживая растрепанную от бальзама шевелюру небожителя и спихивая его со своих колен. — Укладывайся тылом вверх. На многое меня не хватит, но по позвоночнику пройдемся. В крестцовом отделе. — И снова подавила зевок. — Завтра будешь упражняться с мечом за домом, А-Лей составит тебе компанию. Мне надо будет отлучиться. С семейством Лу все ясно, но у нас еще второй жених есть. Кое-что я разузнала, следует уточнить.

— Без меня ты никуда не пойдешь, — строго произнес заклинатель, которого больше не смущала его поза. Командовал прямо так, голым задом кверху. — Хочешь залить кровью из носа весь свой путь?

— Я уже могу три с лишним часа контролировать ци. Не дергайся, сейчас станет легче. — Я вогнала иглу в нужную точку и погладила пальцами две соблазнительные ямочки на его пояснице. Соблазнительные? Я была не права, уже немного отъелся.

— Ай... Но это сильно тебя выматывает и притупляет мышление. Вместо тренировок с мечом просто буду ходить с тобой... тоже своеобразные упражнения, в чем-то даже более выматывающие.

— **Тц!** Ты упрямый, как мул с мельницы. — Иголки аккуратно легли обратно в пенал, и дезинфицирующий иероглиф неярко вспыхнул. — Двигайся на свою половину и строй свою баррикаду сегодня.

И не удержалась, легонько шлепнула его по заднице, подгоняя. Наверное, и правда слишком устала, а мозги не просто затупились, а ушли в длительный штопор от такой веселой жизни. Иначе я никогда не позволила бы себе фривольничать на пустом месте. Это ведь не лечение...

— Сама строй, если хочешь, жена моя, — раздалось из подушки, и наглый заклинатель просто-напросто накинул на себя одеяло, даже не сдвигаясь к стенке.

— Типун тебе на язы-ык... — Сладкий зевок утонул в покрывале, я закуталась с головой, уже не обращая внимания на то, что Юншен

отчего-то не стал ограждать свою и мою честь, как делал это каждую ночь, возводя буквально стену из подушек между нами. Благо размер кровати позволял и не такое строительство.

— Янли! — Папочкин бизоний рев с утра пораньше над самой моей головой оказался неприятным сюрпризом. — Как ты посмела скрыть такое?! Почему я не знал?! Сейчас же представь своего мужа нормально и... э... э... Немедленно оденьтесь и приходите в главный зал! Бесстыдники!

— Преспорил, — выдохнул мне в затылок непонятную фразу заклинатель. А я, проморгавшись и сообразив, чем явь отличается от сновидений, почувствовала, что он обнимает меня со спины и касается меня не только грудью, но и кое-чем явно нездорово озабоченным — пониже. — Сам себе преспорил, — зачем-то пояснил мне Юншен. — Я ставил на три дня. Каюсь, недооценил скорость распространения слухов.

Глава 28

Юншен

— Ну зачем, Янли? Как можно было скрывать такое от своих родителей?! Доченька, мы же тебя любим! Ты поэтому отказывалась от всех замужеств, да? — Отец лисицы действительно относился к ней очень лояльно. Когда я еще был обычным смертным, девушку из благородной семьи просто выкинули бы с позором из дому, застав ее в постели с мужчиной до замужества. То ли нравы за эти годы изменились так сильно, то ли Янли просто приучила всех к своей свободе выбора и действий. Скорее всего, обе причины. Да и торговцы, пусть и зажиточные, это не потомственные аристократы, у них все проще и человечнее. А может, повлияло то, что благодаря слухам меня принимают не за любовника, а за мужа лисы.

— Пап. — Янли сморщилась так, словно у нее заболели разом все зубы. — Ты же умный человек...

— Естественно! — загрохотал мой будущий тесть. — Именно поэтому не верю во всякие глупости про кровожадных демонов-наложников! Но зачем ты затеяла это представление, вместо того чтобы нормально привести мужа в дом?!

— Па-па! — Голос лисицы опасно прозвенел закаленной сталью.

— Да-да, я помню про рабское клеймо и опасность, угрожающую этому человеку. — Господин Тан сурово сдвинул брови. — Ты его спасла, разыграв представление для посторонних. Но нас зачем было обманывать?!

— О боже... — простонала Янли и закрыла лицо руками.

Ее братец, наблюдавший за этим спектаклем квадратными глазами, тихо-тихо начал красться к двери.

— Прошу вас, уважаемый господин Тан, не сердитесь на свою дочь, — решил я взять все в свои руки, опустившись перед тестем на колени и утягивая жену за собой. — Мы были напуганы и поддались глубоким чувствам, совершив непростительное. Прошу, если вы желаете кого-то наказать, наказывайте меня. Как мужчина и заклинатель, я более ответственен за произошедшее. Но перед этим

прошу вас все же меня выслушать. Я... с-с-с-с... я готов на многое, чтобы защитить вашу дочь!

«Особенно если она прекратит так больно щипаться!»

— Хм? — Я мельком увидел в глазах мужчины заинтересованность и, перехватив за руку Янли, пытавшуюся выдрать из меня кусочек, соединил наши ладони и притянул девушку к себе.

— Знаю, сейчас я всего лишь низверженный заклинатель, недостойный войти в столь уважаемый дом. Но в свою очередь, я готов внести самый посильный вклад в процветание вашей семьи, чтобы стать желанным зятем. Пусть мое ядро разрушено, а меридианы пусты, я все еще один из лучших выпускников пика Даншан. Ваша прекрасная и талантливая дочь, — тут я любовно посмотрел на лисицу, у которой, кажется, начал дергаться глаз, — смогла сохранить толику моих сил и сама встала на путь совершенствования. Уже сейчас мы способны изготовить духовные пилюли первого и второго уровней, чем можем обеспечить себе существование. Как только я смогу твердо встать на ноги, я готов отплатить вам столько, сколько вы прикажете.

— Как трогательно, — вымолвила вдруг госпожа Тан и промокнула глаза платком. Судя по ошалело-недоверчивому прищурю Янли, та меньше всего ожидала от мачехи такой реакции. — И выгодно, — совсем другим тоном закончила женщина, убирая шелковую тряпочку от лица и впиваясь в меня таким взглядом, что пришлось давить в себе неуместное желание спрятаться за спину лисы.

— Также я все еще способен сражаться оружием и досконально знаю техники Небесного Журавля и Парящего В Горах Лотоса, которыми могут пользоваться обычные смертные. Возможно, я мог бы наставлять вашего сына, что был ко мне так щедр и добр, — продолжал я заливать родителей жены сладкими речами, стараясь не обращать внимания на алчный огонь в глазах старшей госпожи Тан. Еще бы! Наставник моего уровня стоит столько, сколько подобный торговый дом зарабатывает за десять лет.

Хм, может, я перегибаю палку, обещая золотые горы? Пожалуй, нет. Если посмотреть на лицо жены — обещать надо больше, чтобы родственники точно не дали ей возможности отвертеться.

— Изящная словесность, каллиграфия, искусство живописи или игры на музыкальных инструментах. Если вы позволите нам остаться

в вашем доме до того, как я восстановлю свое физическое состояние и построю основной двор нового поместья, этот низверженный готов обучить юного А-Лея всему. Потом же я полностью возьму обеспечение Янли на себя и никогда не позволю вашей дочери страдать.

— Ну что вы! — внезапно всплеснула руками теща. — Живите сколько хотите, не нужно торопиться с переездом. Мы с мужем слишком любим Янли, и это станет для нас глубокой душевной травмой, если дорогой дочери придется нас покинуть. Вы вполне можете войти в нашу дружную семью, это будет намного более... спокойно для наших старческих сердец. — «Выгодно», наверняка хотела сказать госпожа Тан.

Потом она наклонилась к уху мужа и прошептала очень тихо, явно не приняв во внимание слишком острый слух заклинателей:

— У нас будет монополия на производство пилюль в этой провинции и наставник-небожитель для наследника. — Глаза господина Тана неприлично загорелись, и в них зазвенели золотые монеты, но он явно все еще сомневался, поглядывая на зажатую в моих руках ладонь Янли. — А еще он будет самым послушным зятем и заботливым мужем для нашей девочки. Клеймо на его теле снять нельзя. Янли будет единственной любимой женой и хозяйкой навсегда. Где мы еще ей такого мужа найдем?

— Кхм-кхм. — Господин Тан явно уловил не совсем понятный мне намек, поскольку стремительно покраснел, а на меня посмотрел с легким сочувствием. В какой-то момент я почувствовал, что в капкан попала не только лисичка, но и я с ней заодно. Похоже, переусердствовал. Теперь ушлая семейка торговцев ни за что не выпустит меня из своих когтей. А с другой стороны — я неделю назад готовился к смерти и даже мечтал о ней. Мне ли жаловаться?

— Ну хватит, — рявкнула вдруг лиса, пытаясь вырвать у меня руку и вскочить. — Прекратите это представление, а не то я...

— И правда, дочка! — Кажется, родители этой неординарной девушки знали ее гораздо лучше меня, потому что уж больно слаженно и быстро они отреагировали на попытку побега. Хором.

— Хватит унижать нашего будущего любимого зятя и терять время попусту! Сейчас же пришло к тебе лучших вышивальщиц, к полудню свадебный наряд будет закончен, сшит он для тебя давно, —

железным тоном распорядилась госпожа Тан. — Ждать дольше не будем, что люди скажут? О репутации семьи надо заботиться. Я понимаю, что вы уже совершили свои три поклона, но люди одобряют, если мы повторим все официально, пригласив соседей и родственников. Пусть знают, что в семье Тан по-прежнему чтут обычаи предков и уважают других людей.

— А я напишу приглашения и договорюсь с монахами о проведении свадебной церемонии! Сегодня через два часа после полудня вы совершите три поклона, как завещано предками. Все, идите, идите, я слишком занят! — замахал на нас руками господин Тан, давая понять, что аудиенция закончена.

— Но, папа! Матушка! — запаниковала вдруг лисичка. Хм, впервые вижу ее настолько испуганной и обескураженной.

— Не волнуйся, доченька, все будет по высшему разряду, несмотря на спешку. Я больше не буду ругать тебя за таинственность, не бойся, хотя, если бы ты сказала вовремя, у нас было бы больше времени на подготовку... Идите! — махнул рукой господин Тан.

И старшее поколение семейства слаженно покинуло нас, растворившись во внутренних переходах дома.

— Р-р-р-р-р! — сказала лиса, буквально вздергивая меня вверх и заставляя подняться с колен. — Ну... жук бес-с-с-с-с-смертный, пойдём-ка поговорим!

Глава 29

Янли

— Что? Ты? Натворил? — прошипела я, хватая за плечи и впечатывая «мужа» в ближайшую стенку. Благо он не сопротивлялся, да и весу в нем все еще было как в комарике. Фонарик бы у него отобрать и в за... куда-нибудь засунуть.

— Я поступил как благовоспитанный человек. Если бы я не взял на себя ответственность, ты была бы полностью опозорена. И жечь шли бы уже не меня, а тебя... — стиснув зубы и терпя боль, ответил мне Юншен.

— О боже, благородный заклинатель на мою голову! — Я перестала трясти это тонкое деревце, опасаясь сломать. — Учитель, я тебя покусая. Ну какая, к демонам, репутация? Да через неделю у них будет новая сплетня, а о нас бы просто забыли!

— Нет. — Он снова включил осла. — Я понимаю, вчера ты была измучена приемом больных и собственной неровной ци, поэтому плохо соображала. Но сейчас включи разум и подумай хорошо. — Юншен осторожно отцепил мои руки от халата и заглянул мне в глаза. — Те, кто распускает слухи о демоне-наложнике, ты еще помнишь о них? Уверена, что они оставят нас в покое?

— Этой дуре нужно не только ее третий номер оторвать, но и голову, — злобно выругалась я. — Отец совсем рехнулся, когда притащил дрянь домой... Ладно. Может быть, еще получится отвертеться. Я не хочу замуж.

Не хочу и буду это утверждать. Имею право хотя бы потрепыхаться!

— Тебя уже не спрашивают. — Ого, откуда на этом вечно юном личике прекрасного даоса такая коварная улыбка? — Придумала эту историю ты. Вот и бери на себя ответственность.

— А ты воспользовался. Что-то слишком рад, как посмотрю! — Я снова вцепилась в его одежду, но трясти не стала,

— Почему я должен быть не рад? Ты мне нравишься, — заявил этот... этот...

— Я всем нравлюсь. — Меткий пинок по голени наверняка стер бы с его лица самодовольное выражение, но я же не лошадь, чтобы лягаться. Тем более что он еще не муж, а пациент. Его по определению нельзя бить. А жаль. — Это не значит, что я должна выходить замуж за каждого желающего!

— Но мало кто знаком с тобой настолько... близко, — грустно хмыкнул он. — Янли, мы даже спали в одной постели. Я уже молчу про твои методы лечения, так уж и быть.

— И что? Замуж за тебя я все равно не хочу.

— Я тебе настолько противен? — нахмурился бывший небожитель.

— Так, вот не надо манипуляций. Я вообще не хочу замуж, ни за кого. Так понятнее?

— Такова воля небес. — У-у-у-у, взять бы и стукнуть по макушке этот сияющий дзен! — Раз обстоятельства сложились таким образом, что у нас обоих нет возможности избежать брака, какой смысл противиться и давать волю гневу? Не лучше ли смириться и попробовать извлечь из ситуации пользу? — Он посмотрел на меня и поспешно добавил: — Обоюдную!

— Учитель, ты прав, — буквально прошипела я, отпуская его плечи, вместо этого хватая за руку и волоча в сторону дома. — Раз такое дело, нужно срочно подготовить тебя к свадьбе. Не могу допустить, чтобы мой муж во время церемонии выглядел бледным призраком или вообще упал в обморок! Бодрящая клизма — самое то, что поможет в этой ситуации!

— Кхм... но я не падаю в обморок и вполне хорошо себя чувствую!

— Это временно!

— Я подозревал о твоей садистской натуре, уче... жена моя. Тогда тем более не понимаю, что именно тебя не устраивает. Обрати внимание, что этот брак не принесет тебе вреда, иначе рабская печать не позволила бы мне даже рта раскрыть. Возможно, она даже реагирует на твои скрытые желания, которых ты сама пока не осознаешь? Я ведь... буду абсолютно беспомощен перед тобой, несмотря на статус мужа.

— Учи-и-итель, знаешь что? Если хочешь дожить до церемонии трех поклонов... лучше молчи.

— Верный совет! — пискнул вдруг один из жасминовых кустов голосом А-Лея. Мы уже почти добрались до дома, и, поскольку я, входя, захлопнула внутренние ворота и заложила их на засов, посторонних взглядов можно было не опасаться.

— Вылезай, братик.

— Еще чего. Когда ты в таком настроении, лучше сидеть в кустах. Юншен, это я в основном для тебя говорю. Так что залезай в соседний жасмин и помалкивай до самой церемонии. И после нее, наверное, тоже.

— Поздно, — по-людоедски усмехнулась я, втаскивая жертву в дом. — Он уже достаточно наговорил. Поэтому я сейчас его раздену и...

И буду нюхать. Из-за того, что разнервничалась, я совсем забыла контролировать чертову ци, и она вся, такое впечатление, стеклась в нос. Запахи-запахи-запахи едва не взрывали мозг, как я до дому дотянула — даже удивительно.

Мда. С одной стороны я была в бешенстве - все решили за меня! Самая, гуй ее поешь, классическая ситуация: без меня меня женили! С другой, котелок у меня все же варил... и я прекрасно понимала, что возникшая ситуация для меня не то, чтобы идеальна, но это практически лучший из возможных вариантов. Для местных жителей женщина, какой бы святой она не была, все равно была существом второго сорта. И монахиня без мужа обладает намного меньшей ценностью, чем жена небожителя.

Да и сами небожители больше всех походили на мои понятия о хорошем муже. Тут же патриархат в полный рост, но это только среди простого народа. А у небожителей все сложнее, может быть, потому, что практики совершенствования одинаково давались и мужчинам и женщинам. Это сильно повлияло на саму систему, изначально заложив в голову каждого небожителя идею о том, что женщина тоже человек.

А ещё местные «маги», в большинстве своём, отличаются хорошими манерами, сильной волей, красивой внешностью и прочими добродетелями. Тогда что, не стоит рубить с плеча?

— Может, я разденусь сам? — вздохнул тем временем хитрожо... умный небожитель, осторожно освобождая запястье. — Заодно и ци тебе уравновешу. Да, и раз уж мы почти супруги, можно попробовать более глубокую двойную медитацию.

— Вот насчет глубокой — точно обойдешься, — всполошилась я, припомнив, чем занимаются местные извращенцы на пути парного самосовершенствования. — Иди сюда и спасай мой нос! С остальными органами потом разберемся... то есть не разберемся! Руки прочь. Тьфу.

— Ты явно не о том подумала. До двойного культивирования нам еще далеко, — весело хмыкнул Юншен, садясь в позу лотоса на кровати. Все свои пять халатиков он снял и остался в одних штанах. Черт, вчера еще надо было догадаться, что это «ж-ж-ж» с его внезапным эксгибиционизмом неспроста.

Я преисполнилась самых нехороших подозрений. Но деваться некуда: в носу пекло с каждой секундой все сильнее, а попытки самостоятельно выровнять энергию и размазать ее по остальному телу более-менее равномерно окончились неудачей.

Недовольно и болезненно сопя, я обозрела композицию на кровати, ни с того ни с сего припомнила картинку из «Камасутры», где мужик вот так раскорячился в лотос, а тетенька пристроилась на нем верхом, обхватив ногами за талию, и подавилась воздухом. Нет, я не ханжа и не девственница, но этот вечно юный даос в моей голове до сих пор проходит под маркой «несовершеннолетнее, болезненное», и представить себе секс с ним я не могу.

Но с носом и непослушной ци надо что-то делать, причем срочно. Сексуальные проблемы оставим на потом, пожалуй.

Я влезла на постель, хмыкнула и устроилась, взяв за образец другую позу — из учебника по лечебным медитациям. То есть села не на колени заклинателью, а позади него, вплотную к спине, тоже в позу лотоса, прижав колени к его бедрам и обхватив руками за пояс.

Юншен на мгновение приоткрыл глаза и понимающе улыбнулся. То есть я думаю, что улыбнулся. Видеть его лицо я не могла, но улыбку каким-то образом почувствовала, как и движение ресниц. Возражать против такой позы он не стал, но все же посоветовал:

— Распахни халат. Хотя бы верхний. Тебе ведь тяжело тянуться через одежду. Стесняться уже поздно... жена моя. Ай! Первым делом надо отучить тебя щипаться. Или пошить перчатки без пальцев.

— Только попробуй. И вообще, я не просто так тебя щиплю, а действую на нужные точки. Чувствуешь прилив сил?

— Еще... как. Спасибо, достаточно! Лучше займемся твоей энергией!

Глава 30

Юншен

— Госпожа Янли, госпожа Янли! Принесли свадебный наряд! — Через несколько часов нас отвлекли от медитации голоса служанок. Девушки топтались на входе и бесстыдно пытались заглянуть в щелочку приоткрытой бамбуковой двери. Видимо, А-Лей, уходя, открыл ворота Жасминовых Садов.

— Госпожа Янли! Ой... — Кто-то из особо наглых дев просто распахнул створки.

— Брыс-сь! — Я сам чуть не вскочил и не убежал от яростного шипения, раздавшегося прямо над ухом. — Еще хоть одна зараза явится сюда обсыпанная ароматической пудрой, и я за себя не отвечаю! Пуи! Тебя касается в первую очередь! Пошли все вон!

— Но это свадебные благово...

— Хочешь остаток жизни провести в уборной? — Голос моей будущей жены упал еще на пару тонов, теперь это больше было похоже на рычание разъяренной кошки, чем на змеиное шипение. Я, пожалуй, понял, почему авторитет Белой Девы так высок... и почему ее слушаются беспрекословно. И не только пациенты.

— Не нужно, любовь моя, — решил подыграть я лисице, ласково касаясь кончиками пальцев ее волос. Эта служанка мне тоже не понравилась. И не только потому, что девушка была на стороне врага. Ее поведение действительно было вопиюще бесцеремонным для слуги. — Расчленять и топить тело в уборной будет не слишком приятно. В первую очередь для нас самих. Лучше воспользоваться опытом предков и просто забить за постоянное неповиновение палками, — добавил я с самым серьезным и благостным видом, окидывая взглядом женщин.

Алый шелк беспорядочной грудой стек в две кучки на полу, а от служанок остался только запах и drobный топоток.

— Надо же, поганки какие, — сердилась Янли, косясь на свадебные одеяния. — Всё провоняли... Я это не надену. Это ты вовремя им про расчленение. Хотя я имела в виду слабительное в рис.

— Не беспокойся, я сейчас научу тебя одному полезному упражнению. Нужно совсем немного ци... Смотри на меня и повторяй. — Я закрутил маленький вихрь энергии у себя на пальцах, сложив их определенным образом, и коснулся одной из одежд.

— Ух ты... Почему ты раньше не показал мне этот уничтожитель запахов? — восхитилась лиса, ловко повторяя упражнение.

— Потому что у тебя и этой малости не было. И у меня тоже. — Пусть я не показывал собственной радости, внутри у меня все буквально пылало от счастья. Да, всего лишь банальная чистка... Но это была моя ци! И пусть она была странного фиолетового цвета, но она была! Это... это как... восстать из мертвых! — Видишь, я очень полезный муж.

— То есть без свадьбы ты бы мне этого не показал? — слегка обиженно взглянула на меня Янли.

— Ну... показал бы, — кивнул я. Действительно показал бы, как-никак она все равно была моей ученицей. — Но тем не менее я хороший и полезный муж. Только вот второе одеяние тебе придется очистить самой. Весь лимит доступной мне свободной энергии я почти выбрал. Остальная уходит на поддержание организма.

— Да я уже. Не воняет вроде. Раздевайся, — привычно попыталась приказать мне... невеста.

— Сначала три поклона, ты не забыла? Но я рад, что ты настолько нетерпелива. — Я едва сдержал улыбку, чуть приподняв бровь.

— Обойдешься, — съехидничала девушка. — Надевай вот это все красное. И эту пакость на голову — тоже тебе оставим.

Вот так, споря и препираясь, отчего мое настроение неожиданно ползло вверх и вверх, мы помогали друг другу облачиться в алый шелк. Правда, надевать золотую тиару Янли отказалась наотрез, заявив, что ее голова дорога ей как память об умных мыслях, а от этого «горшка с цветочками» она сразу отвалится.

Это все было ужасно неправильно с точки зрения всех обычаев, но у нас с самого начала все шло такими кривыми и незнакомыми путями, что я решил не обращать внимания на мелочи. Подумаешь, невесту должны были облачать служанки и родственницы. А жениху вообще не положено ее видеть до того момента, как после свадьбы мы разделим в спальне ритуальное вино и я сниму с нее вуаль... Эту самую вуаль лисица попыталась повесить на меня прямо поверх

«золотого горшка». Пришлось сопротивляться, а то, боюсь, столько погранных традиций даже лояльные к Янли родственники не потерпят. Слава небу, отбилась и от тиары, и от вуали.

— Сверху еще вот эту накидку. И ты забыла надеть серьги.

— Их под занавеской все равно не будет видно, — отмахнулась Янли. — Да чтоб вас! Опять вонючки!

— Это свадебный паланкин, — поправил я, выглянув во двор. — Тебе пора ехать.

— Куда ехать, они там все с ума, что ли, посходили? До главного зала меньше ста шагов! — продолжала возмущаться лисица.

— Так положено. Невеста должна прибыть на собственную свадьбу в паланкине. — Я покосился на «дань традициям» с неким сомнением. С самого начала наша свадьба нарушала все, что можно и что нельзя, начиная от сроков и заканчивая положенными ритуалами. Мне даже пришлось самому делать Янли прическу, хотя заниматься этим должна замужняя многодетная женщина из родственниц, чтобы передать невесте свое плодородие и благополучие. Но, кажется, рык и шипение дикой кошки вместе с моими словами отпугнули вообще всех желающих поучаствовать.

— В дом жениха она должна на этих носилках с рюшками прибыть. — Сегодня лисий голосок прямо-таки сочился ядом. — А поскольку я и так дома, это тебе в него надо садиться.

— Нет, жених должен ехать верхом, — попытался я воззвать к здравому смыслу невесты.

— Что?! На лошади?! Они сюда кобылу притащили?! — Янли сверкнула глазами, схватила меня за руку и выскочила на крыльцо. — Уф-ф-ф... никаких лошадей. Не пугай меня так. — Она обвела рукой ближайшие кусты. — Ты знаешь, сколько труда мне стоило правильно рассадить нужные травы, чтобы каждой было хорошо — кому свет, кому тень, кому вообще гуй в ступе?! Не пуцу сюда ни одно копытное!

Я только сейчас обратил внимание на то, что сад вокруг ее дома и правда был необычным. Вся земля под кустами оказалась размечена на аккуратные фигурные грядки и засажена лечебными травами.

— Ко всему прочему, у тебя в любой момент может закружиться голова, как полчаса назад! — припомнила мне мелкий неприятный

инцидент невеста. — Если ты с этой лошади сверзишься, у нас будет не свадьба, а похороны. Садись в паланкин.

— Н-нет... в паланкине едет невеста! Я, так уж и быть, просто рядом пойду.

— Я тебя покусаяю. Куда ты пойдешь, у тебя уже ноги заплетаются. Перестарался с чисткой? — Теплые руки перехватили меня за пояс, и лисица, пользуясь моими же уроками, нахально влила в меня несколько капель своей ци. Нахально, бесцеремонно, но очень своевременно, вынужден признать. — Залезай давай. Поедем вместе, гуй с ним.

— Хорошо, — смирился я. Но перед тем, как залезть в свадебный паланкин, шокируя и так застывших в недоумении слуг, я все же схватил лисичку за руку и притянул к себе:

— Тебе очень идет алый, Янли. Я рад, что ты станешь моей женой.

И побыстрее опустил все три слоя ее вуали, опасаясь реакции злой лисы.

Глава 31

Янли

Плетью обуха не перешибешь. В смысле — за меня так взялись с этой свадьбой, дураку понятно — не отвертеться. Ну, разве только взбунтоваться и убежать в местные рисовые пампасы. Оставить дом и все, чего я добилась за полтора года. Бросить А-Лея и этого заклинательского доходягу, чтоб его собственная ци за одно место покусала.

Что мне оставалось? Только играть по правилам. Досада какая, еще ночью я думала, что это прекрасная идея — перенаправить сплетни в другое русло. И все же я не настолько опытна в местном пиаре, как выяснилось. Я не рассчитывала на такой результат!

Ну, поверят люди в сказку про большую и светлую... Только вот тот нюанс, что в местном времени и мире нет такого понятия, как «чистая любовь без свадьбы», я как-то забыла. Все, что без свадьбы, — автоматически грязно и грешно. Даже наложники. В смысле — мальчикам можно, а девочкам шиш. Точнее, индивидуально и все равно общественно неодобряемо.

Ну ладно, ладно, в конце концов, что по сути-то изменится? Почти ничего, учителя еще лечить и лечить. Вряд ли стоит опасаться от него сексуальных домогательств, хотя он, конечно, подозрительно как-то оживился. Ну да это меньшая из моих проблем... Нам бы цирк пережить. В смысле — свадьбу.

Когда паланкин притащили к парадному крыльцу, было очень весело слышать, как под крики о несравненной красоте невесты первым из-под алых занавесей выбирается Юншен. А что, насчет его красоты я очень даже согласна, и хихикать под вуалью, как выяснилось, очень удобно. Я же не великий просветленный даос, чтобы уметь сохранять такую невозмутимую морду, когда глаза так и горят сдерживаемыми чувствами. Потом, правда, все же пришлось вылезать и мне...

Три поклона: первый небесам, второй родителям — на место предков Юншена мои сильно умные домочадцы усадили А-Лея, что

было в некотором смысле логично, — и третий поклон друг другу. И все, считай, женаты. Дальше можно праздновать.

Гостей собирали наспех, а развлекать их все равно положено по обычаю. То есть показывать удаль и образованность жениха, а также благородные умения невесты. И как ни странно, Юншен вполне справлялся со своей задачей — читал какие-то возвышенные стихи, рассказывал поучительные истории, а пару раз и вовсе вплел в разговор местный аналог анекдотов. Так что гости, по-моему, даже успели забыть, что перед ними не сын благородного дома, а преступник с рабской печатью.

— Прекрасная дева Янли, усладите наш слух музыкой, — вылезла тетушка Цин, обращаясь ко мне. Ах ты ж, гадина ядовитая! Что, А-Лей не успел отдать ей шкатулку с компроматом на наследника Лу? И она так мстит за невнимание? Или просто змеиная натура не позволяет не жалить даже тех, от кого вздорная баба в данный момент зависит? Ведь знает, мымра крашенная, что гуцынем я могу разве что по голове кому-нибудь сыграть, причем желательнее ей самой, а флейту вставить... в одно место.

— Достопочтенная госпожа Фен, — снова вызвал на себя огонь Юншен, — Янли недавно настигло проклятье, и она еще не успела полностью от него оправиться. Позвольте в этот торжественный день мне взять на себя ее обязанности.

— Юноша Тан, — с сомнением глянула на него тетушка...

— Ох, вы мне льстите, достопочтенная госпожа Фен, — внезапно звонким колокольчиком рассмеялся заклинатель, заставив всех замороженно слушать его смех. — Давно меня не называли юношей. Лет сто как...

Тут прифигела даже я. Похоже, не только я одна, но и все остальные забыли, что не зря заклинателей называли бессмертными. Вот тебе и дите... Хотя кто ему айболит, если выглядит он подростком? Да и ведет себя местами так же. Не буду об этом думать.

Играл он хорошо, хотя, на мой вкус, местные мелодии слишком тягучие, унылые и маломелодичные. Но на вкус и цвет, как говорится. К счастью, струнным концертом можно было завершить обязательную часть программы, и я с чистой совестью изобразила, что почти падаю в обморок от усталости. Жаль, занавеску с лица снимать было нельзя, а то тетушка так и не полюбовалась на мою кровожадную ухмылку. В

сочетании с белой от постоянного контроля ци и усталости физиономией — она бы это зрелище надолго запомнила...

— Уф! — Слава богу, в дом за нами никто не потащился, и я первым делом плотно задвинула двери, сдирая с себя красную тряпку. — Наконец-то!

— Тебе так не терпелось остаться с мужем наедине? — с лукавой улыбкой поинтересовался Юншен, вытаскивая из своего аккуратного пучка золотые заколки, которые я для него отодрала от золотого горшка невесты. А что, жених тоже должен выглядеть богато, на нем же занавески не было.

— Еще бы! Раздевайся. У нас в программе иглоукалывание, потом ванна, потом ужин, а потом...

— А потом? — Идеально очерченная бровь чуть приподнялась: кажется, кто-то уже заподозрил, что я имею в виду далеко не эротические игрища.

— А потом я иду на разведку к дому Чоу. Тянуть больше нельзя, генерал Фен на свадьбе шептался с папенькой, что через три дня должна быть помолвка и, если его девочки не определятся, он сделает это сам.

— Даже ради первой брачной ночи не прервешь работу... Мне уже себя жалко, — покачал головой Юншен.

— Ничего, потерпишь, я тебе снотворного дам, — отмахнулась я, зевая в рукав своего повседневного платья, которое уже успела натянуть за ширмой. — Поспишь до утра.

— Только попробуй, — серьезно посмотрел на меня заклинатель.

— Ну спи без снотворного, тебе же хуже. — Набор иголок лег на край кровати. — А чего стоим, кого ждем? Сегодня у нас по плану лапы, в смысле ноги.

— Ты безумно нетерпелива, жена моя, — ответил Юншен чуть громче обычного, а потом создал на кончике пальца завихрение ци и метнул его в сторону двери. И тут же попытался осесть на пол алой грудой шелка.

По бамбуковой перегородке прошлись маленькие фиолетовые молнии, а за дверью раздались испуганные девичьи охи.

Вот гуй! То ли мужа ловить и поднимать с пола, то ли поганок догнать и в задницы им иголок навтыкать. Дилемма.

— Больше нам не помешают, — голосом умирающего лебедя остановил меня Юншен. И попытался соскрести себя с пола.

— Лежи уже, несчастье в красном, — сердито велела ему я. И вопреки собственным словам подхватила тощее тело под мышки, затаскивая на кровать. — Тебе и правда снотворное не понадобится. Чем ты думал, а? Небось решил, что не отпустишь на разведку в одиночестве? И как ты собирался меня сопровождать?

— Никак, — спокойно выдал этот... с неожиданной силой прижимая меня к себе и надавливая на две точки чуть выше лопаток.

— Ах ты, гад! Притворялся?! — выругалась я, чувствуя, как тело разом отказывается повиноваться и растекается киселем. Сначала меня охватила паника: оказаться беспомощной в руках пусть уже и не совсем чужого, но все же местного мужчины было для меня чуть ли не главной фобией. Но в голове очень вовремя всплыли мысли о моей главной защите — рабской печати. Не будь ее, наверное, я бы все же сбежала. Если б намерения Юншена были недобрыми, он бы уже корчился на полу от боли. Это трудно объяснить словами, но свою роль сыграл еще и наш постоянный обмен ци. Я просто чувствовала, что он не сделает ничего, что мне по-настоящему не понравится. Но все равно, отольются ему потом мои умершие в эти несколько секунд нервные клетки...

— Сегодня мы никуда не пойдем. Иголки, ванна и лечение — все утром. Даже если ты не намерена отдать мне супружеский долг, то я обязан позаботиться о том, чтобы ты как минимум нормально выспалась и восстановилась, — спокойно объяснил коварный заклинатель, укладывая меня на подушку. — Извини, я расстегну платье и сниму обувь. Больше ничего не трону... Спи, моя маленькая хули-цзин.

— Кто из нас лиса — еще два раза посмотреть! — Я пыталась бороться с накатывающей дремой.

— Спи, жена. Не провоцируй. У меня больше ста лет женщины не было, а ты тут обнаженными ступнями сверкаешь. Бесстыдница. Где твои носки? Замерзнешь... — Он встал с кровати, прошел за ширму и вернулся с шелковыми чехлами, которые тут выдают вместо портянок. Надел один на меня, погладил... взял вторую ногу и неожиданно прижался губами к подъему ступни. Я ойкнуть не успела, как второй носок был уже надет, а сам заклинатель лежал на своем месте с

закрытымі і ў такой благопрыймай пазе, слонно не он
только что занимался наслымі домогалельствамі.

Глава 32

Юншен

Первое утро моей супружеской жизни ничем не отличалось от предыдущих в этом поместье. Разве что теперь мне нет нужды охранять благоразумие ученицы... от самого себя. Все же, несмотря на несвойственную юным девам ее возраста мудрость и великолепные умения, Янли была на удивление бесстыдной. И при этом совершенно... по-детски невинной?

Неправильное слово. Скорее, она будто не осознавала или же не придавала значения тому, какие последствия могут иметь ее действия. Вчера я не ожидал, что шелковые сапожки невесты Янли наденет на босые ноги, снял их без стеснения, и это оказалось... слишком много для меня. Не удержался от совершенно хулиганского жеста, а потом долго не мог уснуть, чувствуя на губах шелковистое прикосновение нежной кожи. Пришлось делать дыхательные упражнения, как мальчишке первых лет пути. Окажись на моем месте кто-то чуть менее сдержанный и рассудительный, я даже боюсь представить, чем бы все кончилось. Лиса или пострадала бы сама, или — что тоже возможно — покалечила бы неудачника. У нее в рукаве достаточно фокусов и неожиданностей, не сомневаюсь. Только ведь, как бы умела она ни была в медицине и акупунктуре, в этом мире существует огромное количество мужчин сильнее и быстрее ее. Даже я, имея лишь сотую часть от моих прежних способностей, смог ее обезвредить.

Я искал слова и раздумывал о том, как поговорить с женой на эту тему, чтобы она не вздумала «вылечить» мне что-нибудь, по ее мнению, ненужное. И не рискнул заводить разговор ни пока сидел в бочке с зеленым порошком, ни во время сеанса иглоукалывания — она и так сердилась и сопела весьма грозно. И завтракать не дала, пока не проделала со мной все, что вчера обещала.

А потом стало поздно, потому что примчался А-Лей. Который тоже понятия не имеет о приличиях, раз вламывается в дом молодоженов так рано с утра и без стука! Причем Янли не сделала брату даже легкого замечания... только чая налила.

Мальчишка, взяв с подноса пирожное, решил порадовать: не дождавшись нас вчера вечером, это молодое дарование сходило на разведку в одиночку. Ночью. В чужое поместье. Как там лиса назвала странный жест, когда рука с размаху накрывает лицо?

— И вот представь! — захлебывался чаем А-Лей, не обращая внимания на то, как все больше и больше хмурится лиса, глядя на него. — Сижу я на дереве, осматриваюсь, внутрь поместья Чоу сам, конечно, лезть не рискнул — ты ж потом иголками истыкаешь, а он еще и подержит, — ткнул он в меня надкусанным османтусовым пирожным.

— Тц, — отреагировала Янли, покосившись не менее сердито. Все еще не простила вчерашний невинный обман. А также, кажется, теперь злилась на меня за то, что этот юный ученик отправился на ночные приключения один.

— Так вот! Сижу. Осматриваюсь. Где перелезть можно, что там за беседка, куда прачка госпожи Чоу обещала подойти. Вдруг засада, все такое. И вижу!

— Не тяни кота за хвост, — рыкнула лиса. И плеснула мне в чашку чая, чуть не ошпарив пальцы.

— Я не тяну. Что-то с этими Чоу точно не чисто, сестренка. Они в ночи гроб из дома вытащили, погрузили в повозку и повезли в горы. Не на кладбище, не к реке, чтобы утопить и концы в воду. В горы. А в гробу кто-то орал как сквозь кляп, шипел и колотился, представляешь?!

— Так. — Лицо Янли приняло сосредоточенное выражение, глаза словно подернулись легкой сиреневой дымкой. Я затаил дыхание — движение ци в теле девушки ускорило, и я почему-то почувствовал, как и моя невеликая пока энергия откликается на этот круговорот. — Так. Что мы знаем о семье Чоу? У них всегда много детей и мало взрослых. Наследник, которого предлагают в мужья Еси, перед совершеннолетием очень сильно болел... Во всяком случае, ходили такие слухи. Хотя официально он на месяц отбыл в монастырь для очищения. Но никто не знает, в какой именно. И так почти с каждым отпрыском фамилии: растут вроде здоровые дети, а потом р-р-раз — и остается один из десяти. Кстати, ни разу не слышала, чтобы у Чоу были дочери — всегда разговор только о старших и младших сыновьях.

— Э-э-э... ты хочешь сказать, что они сами убивают лишних? — ужаснулся А-Лей.

— Или не убивают. Возможно, это проклятье... или еще что-то в этом роде. А они прячут последствия. — Лиса задумчиво отхлебнула чай и поморщилась.

Я согласно покачал головой, а затем начал перебирать в памяти возможные варианты. На ум приходили несколько родовых демонических проклятий и, как ни странно, благословений, но с разными деталями. В некоторые эпохи рождение в семье только мальчиков считалось очень престижным, так что...

— М-м-м... слушай, что-то дядя Фен постарался, подбирая дочери одного жениха лучше другого. Прямо и не знаю, может, игрока возьмем? Его хоть на цепь посадить можно будет, а проклятье нам в семью точно не надо! — А-Лей взял последнее пирожное с подноса и мрачно на него уставился.

— Постойте. — Легкая медитативная практика наконец дала плоды, и в голове всплыла зацепка. — Как, вы говорите, фамилия этой семьи? — Решив поделиться смутными воспоминаниями, забрезжившими в темноте, я наморщил лоб. — Кажется, встречалась мне в одной рукописи история о потомках Белого Змея.

— Чунлунь? Лунный страж? — удивилась Янли. — А при чем тут семейство Чоу?

— При том, что первого потомка небесного зверя от человеческой женщины как раз звали Чоу. Чоу Синмень, кажется.

— Ну так и что? — не понял А-Лей. — У чунлуней принято убивать детенышей или как?

— М-м-м... в рукописи ничего такого не было. Это полубожественные звери, такие обычно не практикуют каннибализм или ритуальные жертвоприношения. Хотя их еще называют змеями удачи... но вот чем они платят за свою удачу? Тем более если мы говорим о полукровках. — Я пожал плечами.

— Так, — решила Янли. — Братик, если ты сейчас попытаешься соврать, что не проследил, куда Чоу потащили гроб, я лично схожу за папиным веслом.

— Ну тебя... Конечно, проследил! — надул губы мальчишка. — Но близко не совался, я же не дурак. Мы ночью пойдем охотиться на лунного змея, да?

— Мы пойдем, — поправила его Янли, указав пальцем сначала на меня, потом на себя. — А ты уже наприключался.

— Да вот еще! Без меня вы все равно дорогу не найдете! — взвился юный господин. — Я тоже хочу посмотреть на лишних детенышей, или кто они там... и вообще!

— То есть вторая брачная ночь у нас тоже пройдет... оригинально, — пробормотал я себе под нос и еле сдержал неуместную усмешку.

— Ты что-то сказал? — резко обернулась ко мне Янли.

— Нет-нет, тебе показалось.

— Н-ну ладно. — Лиса посмотрела на меня с неким недоверием и скепсисом. — Тогда надо как следует подготовиться. Мы явно собираемся влезть туда, куда нас настойчиво не приглашают. Это может быть опасно.

— Логичнее всего в такие дела вообще не лезть, — не утерпел я, — особенно в нашем плачевном состоянии.

— Логика в нашем доме вообще не приживается, — съехидничала лиса, окинув меня насмешливым взглядом. — Причем начиная с тебя.

— Вы прям как сто лет женаты, — заметил А-Лей, потягивая свой чай с довольным лицом. — А не вчера со свадьбы.

— Кыш! — произнесли мы одновременно с лисицей.

— Не-а. Готовиться будем, забыли? — показал нам язык поганец, одним глотком допивая остывший напиток.

— Сначала придется к гостям выйти, — напомнил я. — Второй день празднования.

— Да тьфу на вас! — расстроилась Янли и посмотрела на меня с таким укором, словно это лично я придумал все свадебные обычаи Поднебесной. — Так...

Глава 33

Янли

А я-то все думала, чего это мой полудохлый... хотя нет, уже только четвертьдохлый заклинатель так краснеет и что он там возится на кровати. Совсем забыла про идиотский обычай предъявлять всем желающим окровавленную простыню. Редкой воды дурь, учитывая, что в Поднебесной традиционное свадебное постельное белье шьют из алого шелка. Можно было на него просто чай пролить, не обязательно руку резать.

Целый день свадебных мероприятий — это слишком большое испытание для моих нервов. Отвлекала только медитация, с помощью которой я старательно гоняла ци по организму, не давая той свиваться в клубок между бровями. Все равно меня бесили и вымораживали сотни ароматов, но кровь носом больше не шла, более того, к концу дня я от безвыходности научилась ставить себе в носу фильтры из этой самой ци. С ума сойти, вот что свадьба с людьми делает.

Родители даже удивились, чего это я такая покладистая и спокойная, хотя всегда церемониал терпеть не могла. А потом кто-то как ляпнул что-то из серии «секс животворящий», так я чуть концентрацию не потеряла. Вот змеи!

К вечеру я так озверела от медитаций и родственников, что еще немного — и загрызла бы ближайшего гостя. А тут еще госпожа Фен со своими поджатыми губками и страхом в глазах. Бедная тетка, ее прямо на части разрывало: и хотелось мне гадостей наговорить, и боязно. Шкатулку с компроматом А-Лей ей пока не отдал, как оказалось. Но прозрачно намекнул, что у меня он есть. А завтра будет и на Чоу, мол.

Когда мы с «мужем» наконец смогли остаться одни в Жасминовых Садах, я для начала просто упала навзничь на кровать, бездумно глядя в потолок. А потом спохватилась и поджала ноги — кто его знает, вдруг опять разувать начнет? И целовать.

— Больше у тебя такой трюк не пройдет, — предупредила я Юншена, выбравшегося из бочки с порошком цунь и в одном нижнем халате усевшегося на кровать рядом со мной. Он медленно собирал

воду с отросших волос полотенцем и смотрел на меня как-то задумчиво и непонятно. — В прошлый раз получилось только потому, что я от тебя такой подлянки не ожидала.

— Я знаю. Значит, попробую по-другому, — хмыкнул он и пожал плечами, вроде как не придав моим словам особого значения. — Мыться будешь? Могу помочь с волосами. Если обработать их ци должным образом, даже расчесывать не придется.

— Лень, — отмахнулась я.

— Понятно... ну, мне не лень, — заключил этот паразит, и я пискнуть не успела, как меня подхватили на руки и потащили в бочку.

— С ума сошел?! Куда в одежде?!

— Раздеть? — улыбнулся этот... обнаглевший!

— Отстать! В смысле, верни откуда взял!

— Если хочешь ночью куда-то выйти, тебе надо восстановиться. Я засыпал свежую порцию твоего гениального, пусть и... оригинально пахнущего порошка. И вообще, расслабься, если устала — я сам все сделаю. — Его объятия стали чуть крепче.

— Не отстанешь? — безнадежно переспросила я, когда меня аккуратно поставили на пол возле бочки.

— Нет, — прозвучало коротко и ясно. А улыбаться вовсе не обязательно!

— Тогда иди отсюда. — Я толкнула его в грудь и, когда он отступил на шаг, отгородилась от комнаты и от него легкой раздвижной ширмой. — Мучитель.

— Учитель, — поправили из-за ширмы. — С волосами все равно помогу. Позови, когда в воду уляжешься.

Я немного пошипела, как рассерженная кошка, а потом подумала — какого черта? Да пусть моет. Я слишком устала. Разделась, залезла в воду, убедилась, что темно-зеленая взвесь сделала ее совершенно непрозрачной, и крикнула:

— Ладно уж, иди!

Юншен зашел за ширму все еще в одном нижнем шелковом халате и штанах, неся в руках баночку с тем самым лотосовым маслом, которым я растирала его руки. Волосы его уже были сухие и небрежно заколоты в высокий хвост на затылке.

Он сделал несколько шагов и вдруг остановился, заторможенно глядя на грудку моей одежды на полу. А потом на ширму, где остался

висеть специальный купальный халат для меня.

— Ты что, совсем разделась?! — вопрос учителя прозвучал неожиданно хрипло.

Я только прикрыла глаза рукой. Черт! Напрочь забыла, что стыдливые жители Поднебесной даже купаются в одежках типа вон того самого халата или как минимум нижнее белье не снимают.

— Не хотела портить одежду. Ее ж потом от запаха не отмоешь... а это парадная. И халат тоже, — почему-то решила оправдаться я. И откуда взялась эта несвойственная мне неловкость? Передалась путем брачной церемонии? Ужас.

— А... — Он покосился на свою собственную купальную хламиду, мокрой тряпкой в зеленых разводах висевшую на ширме. — Кхм...

— Ну? Ты будешь помогать? Успокойся, вода непрозрачная.

— Да, конечно, — опомнился Юншен и, подстелив под ноги одну из плоских подушечек-сидений, уселся на колени у меня в изголовье. Взгляд его все время был опущен вниз — небожитель явно старался не смотреть на мои обнаженные плечи.

— И кто из нас тут невинная невеста? — не удержалась и фыркнула я, поднимая руки из воды и вынимая шпильки из волос.

— Все еще ты. Только помимо того, что невинная, ты еще и бесстыдная, как бы парадоксально это ни звучало. Надо избавляться от одного из этих свойств, чтобы не вводить честных людей в ступор.

— Пф! — отреагировала я. — Меня и так все устраивает. Вон там кувшин. Польешь мне на волосы?

— Я лучше сделаю так, как принято у совершенствующихся, — улыбнулся Юншен. — Будет быстрее и приятнее.

— Опять всю ци потратишь!

— Нет... За последние дни ее стало немного больше, да и... кажется, к фиолетовой присоединилась красная.

— О! Не зря я тебе в нужное место иголки втыкала! Жажда жизни проснулась! — не удержалась я от веселого хихиканья и почувствовала, что пальцы заклинателя, которые он положил мне на виски, вдруг стали заметно горячее. Ну да, ну да... Чакра эта самая, жажда жизни которая, с красной ци, она, вообще-то, в промежности. Очень кто-то стеснялся, понимаешь, когда его там стимулировали жить.

Блин, а мне реально нравится его дразнить и смущать? Кошмар.

— Теперь надо еще и мне ее пробудить, — на пробу задумчиво хмыкнула я, и пальцы заклинателя совсем раскалились.

— Хорошо. Я тоже очень жду нашего двойного культивирования, — прошептали мне практически на ухо.

— Ты голову мой, совершенный учитель, — спохватилась я. — Культиватор... огородный.

— Почему огородный?! Я никогда не занимался выращиванием трав, — недоуменно переспросил Юншен, но массаж головы продолжил. Ка-а-айф.

— Это... секрет. — Ну не рассказывать же ему, что слово «культиватор» у меня ассоциируется исключительно с садово-огородными работами из прежнего мира и такой смешной палкой для вскапывания грядок? Не поймет.

В общем, из бочки я с грехом пополам вылезла только через час — чуть не уснула там. Очень уж приятно у Юншена с массажем все склеилось. Причем не только головы, его руки сами собой переползли на плечи, и это вообще был двойной ка-а-айф! Как я страдала без массажистов в этом мире с их гадкими табу на прикосновения.

Не знаю, чем кончилось бы это безобразие. Наверное, еще немного — и я бы была готова на что угодно, вплоть до этого самого двойного совершенствования. Но за ширмой вдруг раздался вопль:

— Янли! Янли, вы где? Смотри, что я в свадебных подарках нашел! Это ведь тот самый, да?! Как раз пригодится змея ловить!

Глава 34

Юншен

Паршивец мелкий. И какого он постоянно заявляется без приглашения и в любое время суток! Еще чуть-чуть... совсем чуть-чуть — и мы бы по всем правилам стали супругами! Лисица разомлела до такой степени, что не стала бы возражать, а этот...

И что мне теперь делать? Я тяжело вздохнул и посмотрел на характерно поднятые в районе паха штаны... Пришлось идти за верхними халатами, по дороге практикуя разгон энергии янь по организму. Может, поискать клубни монахов? Растертый порошок из этих растений быстро усмиряет желание.

Янли в это время, тихо шепча ругательства за своей ширмой (нужно напомнить ей не употреблять бранных слов при посторонних, а лучше — вообще не употреблять), успела вытереться и одеться, чем окончательно свела на нет все мои планы. Что ж, похоже, и правда придется вместо брачного ложа исследовать очередной лес, разве что теперь в горах. Одно хорошо: с лисицей в женах я точно не умру от скуки.

— Вредные вы и ругачие, — надулся А-Лей, которому достались как ворчания сестры, так и пара моих неласковых взглядов. — Даже не посмотрели, что я принес. А ведь это настоящий безразмерный мешочек!

— Ого! — удивилась Янли, выходя из-за ширмы и сворачивая чистые волосы в самый простой пучок на затылке.

Может, мне самому поправить ей прическу? Нет, лучше не надо. Слишком много прикосновений с моей стороны, скорее всего, отпугнет девушку. Смешная она. Постоянно дотрагивается сама, разрушая чужое личное пространство, а в свое пускает с опаской.

— Кто так расщедрился, интересно? — не зная о моих мыслях, поинтересовалась Янли. — Он же стоит как крыло от бо... большого лавового феникса. Такой дорогой и бесполезный сувенир могли подарить... А, дай угадаю, тетя Фен Цин решила похвастаться благосостоянием. Ну, с паршивой овцы...

— Цянькунь, — удивленно констатировал я, отгоняя от себя ностальгические воспоминания. Рука сама потянулась к артефакту, но я быстро ее отдернул. — Ученический, конечно, и выполнен без особого таланта, но настоящий. Зачем его подарили, если для простых людей он бесполезен? Обычный расшитый узорами мешочек, но безумно дорогой и бесполезный. Возможно, твои родственники решили, что я рано или поздно смогу им пользоваться?

— Да не, вряд ли, — засомневалась лиса. — Они же знают про твое разрушенное ядро. Такие штуки в наших кругах дарят не для того, чтобы сделать приятно и полезно, а чтобы показать, насколько богат и щедр даритель, раз может потратиться на игрушку. В сказках эта безразмерная сумочка есть у каждого небожителя, ну и как же самым хвастливым не притвориться, что они тоже так умеют? — Девушка небрежно накинула на себя какую-то тряпку. Необычную, но достаточно плотную.

— У нас был такой, только поменьше и старенький, — похвастался А-Лей. — Жаль, испортился. После экспериментов.

— Еще бы, это додуматься надо было — в него мельничный жернов пихать, — фыркнула Янли, укоризненно посмотрев на мальчишку.

— Да он и до жернова нормально не работал. У нас с сестрой едва набиралось сил зарядить половинку первого иероглифа. — А-Лей посмотрел на меня и указал пальцем на аккуратную вышивку вокруг горловины.

Там действительно в ряд выстроились накопительные иероглифы, сейчас тускло-желтые. Если бы артефакт был, как положено, заряжен нужным количеством ци, они бы ярко блестели, будто вышитые золотой нитью. Так специально придумали, чтобы заклинатель мог вовремя подзарядить безразмерную сумку своей энергией, заметив ее недостаток.

А-Лей вздохнул, погладив вышивку пальцем:

— Хватало всего на десять минут... а потом все, что туда влезло, вылетало обратно.

— Причем в таком состоянии, словно мешок его пожевал и переварил, — съехидничала Янли.

— Ну, если вовремя достать, то все живые оставались. — У меня невольно расширились глаза, но А-Лей вовремя спохватился и

испуганно замахал на нас руками: — Никого я не мучил! Я на жуках и ящерицах проверял! И ничего с ними не случилось!

— Чем тебя оскорбили жуки и ящерицы? — Я строго посмотрел на мальчишку, но ругать не стал. Детям свойственно исследовать мир, пусть и не всегда гуманными методами.

— Ладно, к делу. — Янли натянула на ноги кожаные сапожки незнакомой формы. На них была шнуровка, благодаря которой короткие голенища плотно обхватили ногу, обрисовывая и поддерживая щиколотку. Я незаметно сглотнул слюну. Еще эта странная обувь отличалась непривычно толстой рифленой подошвой.

Осмотрев наряд Янли полностью, я наконец прозрел и осознал, что она натянула вместо халата. Не платье и не пао, а плотные, непозволительно узкие штаны и что-то вроде короткой мантии с капюшоном. Ноги выше колен у всех на виду! Точно такой же наряд был и на А-Лее. Лишь боги свидетели, чего мне стоило не упрекнуть свою жену в этом... бесстыдстве!

Не заметив моего внутреннего негодования, мальчишка взял еще один сверток, оставленный им в самом начале на кушетке, и протянул его мне.

— Держи! Это наша особая приключательная юни-фома. Янли сама придумала, — не удержался и похвастался он. Я заметил, что А-Лей всегда очень гордился непохожестью его сестры на остальных благородных дев. — И мерки твои дала для портних.

— Униформа... — поправила его лиса, незаметно сцедив зевок в ладонь. — Юншен, если ты идешь с нами — поторопись.

Очень неприличная... пусть и досадно удобная одежда. В этом я убедился, натянув ее за многострадальной ширмой и пройдясь по комнате в странных сапогах. Разве что для заклинателей такая обувь была не слишком хороша — через толстую подошву энергии было тяжелее взаимодействовать с окружением, а завязки могли запутаться в самый неподходящий момент.

Хотя если потренироваться...

Спорить насчет наряда смысла не было, поэтому и времени тратить я не стал. В голове тлело подозрение, что стоит мне замешкаться — и эта сработанная парочка испарится во тьме, оставив меня в одиночестве любоваться на луну.

— Нам на западную окраину и потом через рощу Поющих Пионов к горам, — обозначил маршрут мальчишка, когда ограда поместья осталась позади. Пришлось перебраться через нее с помощью припрятанной в кустах жасмина веревочной лестницы.

— А, это к Воющим скалам, что ли? — понятливо кивнула Янли, надевая себе на лицо что-то вроде короткой темной вуали на завязках. И протягивая такую же мне.

— Да, говорят, там призраки-людоеды водятся, — почесал затылок А-Лей.

— Мне непонятен твой энтузиазм, — не выдержал я, незаметно морщась оттого, что тряпичная «маска» слишком плотно прилегала к лицу. — Духовного оружия... да даже простого меча у меня нет, ци для барьеров и заклинаний — тоже. И мы ночью идем туда, где можно встретить опасную нечисть?

— Ну, этих гробоносителей вчера никто не съел, — с энтузиазмом поведал неугомонный юный господин, тоже пряча нижнюю часть лица под маской, — хотя они шумели так, что и мертвых бы разбудили. Значит, и нас не съедят.

Через четыре сгоревших палочки благовоний мы сидели в расщелине. А-лей в другой дыре судорожно прикрывал уши от звука бешеного шипения и поджимал ноги, чтобы, не дай бог, не высунулись из тесного укрытия. Энтузиазм его куда-то резко испарился...

Глава 35

Янли

— Не съедят, да? — Я осторожно приподняла голову над камнем, пытаюсь осмотреться. Огромный белый змей молниеносно отреагировал на движение яростным броском.

Мы нашли эту пещеру буквально чудом, потому что мой братик хоть и запомнил, куда ходили «гробоносители», но близко не подходил и в результате... банально заблудился.

И наша группа, вместо того чтобы найти ту самую лазейку, через которую в пещеру проникли люди семьи Чоу, целый час лазила по отвесным стенам. Только для того, чтобы провалиться через расщелину прямо в логово чудовища. Логовом служила огромная пещера, в одной части которой валялись обломки деревянного гроба. Надо полагать, в нем люди семьи Чоу принесли сюда это вот змеючество. Хотя, судя по размеру ящика, тогда оно еще было мальчиком. А превратилось и взбесилось уже на месте.

Нет, чунлунь вообще-то не чудовище, он — небесный зверь. Но в данный момент белый змей внушительных размеров — примерно с хорошо откормленную киношную анаконду — пребывал в таком бешенстве, что о своей дружелюбности и божественности просто не помнил и вел себя как самый натуральный и кровожадный демон.

— Почему он так озверел? — прокричала я, стараясь попасть в паузы между бешеным шипением и грохотом камней. — Юншен?

— Потому что мы... не самые удачливые люди Поднебесной... и не самые умные в придачу! — самокритично ответил заклинатель, державший меня поперек талии обеими руками, пока мы вдвоем пытались не выпасть из щели в отвесной стене пещеры. — Он линяет!

— И что? — По правде говоря, выглядел змей не ахти. Весь какой-то тусклый, ободранный до крови и местами словно перетянутый собственной шкурой, как батон докторской колбасы. И морда разбита.

— Не зря его родичи нашли уединенную пещеру! Если в их потомстве линьку переживает один из десяти... значит, остальные, как этот, сходят с ума. Непонятно только почему. Может, из-за нечистокровности? С другой стороны, по трактатам чистокровных

чунлуной тоже ни в коем случае нельзя беспокоить в дни линьки. Даже приближаться нельзя к их водопадам, это зна...

— Ах ты! — Я с размаху хлопнула себя ладонью по лбу. — Точно же! Какая нечистая кровь, дело совсем в другом! Так, где там наш безразмерный мешочек? Горловина у него растягивается? — Я пальцами раскрыла миниатюрный кошелек, вход в который легко увеличивался практически до полуметра. И больше. — Растягивается, — удовлетворенно констатировала я. — Отлично, у нас втроем получилось зарядить аж полтора иероглифа, на две палочки его действия хватит...

— Что ты собираешься делать?! — окинул меня взглядом Юншен.

— Ловить змею, естественно... Давай, растягивай. Ты будешь держать его открытым, а я подманю мальчика, — обозначила я свой план.

— Стой, что? Да ты с ума со... — отреагировал он на мой прыжок в пещеру.

— Берегись! — испуганно заорал А-Лей, выпадая из другой щели мне на помощь. Но его как раз вовремя перехватил выскочивший следом за мной заклинатель и зашвырнул обратно.

Разъяренный змей, целясь в мельтешащую перед носом добычу, с разгона залетел башкой в горловину безразмерного мешка цяньюнь. Огромное белое тело с шипением втянулось в него, как если бы его засосало пылесосом, а мы с Юншеном в четыре руки стянули горловину.

— Уф-ф-ф...

— Янли... еще раз так сделаешь... — гневно взглянул на меня тяжело дышащий заклинатель, — и я тебя саму посажу в мешок и больше никогда не выпущу! Лично руны буду подзаряжать.

— Да брось, все получилось. Я же не дура, все рассчитала правильно, — вытерла я пот со лба и улыбнулась заклинателю, для верности поморгав на него ресничками. Они у меня ничего так, длинные-густые, трепетать ими я репетировала с месяц, обычно помогает.

— Ты не дура, жена, ты... Зачем нам вообще ловить этого мальчика? — Юншен явно оценил мой подхалимаж и перестал шипеть, как тот самый змей из мешка. Выдохнул. Слегка встряхнул

миниатюрный вышитый кошелек и спросил уже спокойнее: — Что нам делать со взбесившимся линяющим змеем, когда ци в мешке закончится?! Ты же не собираешься его сейчас нести в поместье и... лечить? — Он подозрительно посмотрел на меня. Слова «как меня» явно застряли у него в горле.

— Не успеет мешочек разрядиться, здесь идти недалеко, — вернула я разговор в деловое русло, заодно отвечивая смачный подзатыльник сунувшемуся под руку братцу. А-Лей даже не пискнул, понял за что. — Вот и отнесем его.

— Куда?! — спросили меня на два голоса.

— Отнесем к водопаду, естественно. Если гора не идет к мудрому старцу, старец сам идет к горе. Где я ему в горах водопровод возьму? — слегка нервно хихикнула я.

— О боги... о чем ты вообще говоришь?! — Бессмертный прикрыл рукой глаза. О, древний фейспалм.

— Да расслабься. Ты же сам рассказывал: это чунлунь, водная змея. Вод-на-я! Я не знаю, кто и зачем придумал во время линьки запираться змеенышей в совершенно сухой пещере. Неудивительно, что столько детей этого семейства не доживают до совершеннолетия. Даже обычным змеям для линьки бывает нужна вода, а чунлуни без нее, как оказалось, и вовсе сходят с ума и не могут нормально сменить шкуру. Она у них присыхает и стягивается, а это мало того, что чисто физически больно и неприятно, так еще и каналы ци пережимает насмерть. Ты не заметил разве? Это же видно было.

Юншен пару секунд смотрел на меня ошеломленным взглядом, а потом снова изобразил тот самый фейспалм. Только вот не знаю, к чему это отнести: к моей инициативе или к тому, что он сам не догадался, как просто решается эта проблема.

— А если не сработает? Или змей не сразу придет в себя? Мы вряд ли сможем еще раз заманить его в цянькунь, — уже спокойнее спросил заклинатель, рассматривая мешочек с неким научным интересом.

— Мы его вытряхнем в одно из озер, из которого он до нас не допрыгнет, — обнадежила я мужчину, припоминая карту окрестностей. — Тут недалеко Сиреневые водопады и много-много скальных водоемов, прямо как бассейнов в императорском саду. Я знаю один, достаточно большой для змея, и над ним как раз скала

нависает как балкон. Заметила, когда травы собирала. Вот оттуда мы его и выпустим. Сила тяжести даже небесным змеям не по зубам, плюхнется вниз как миленький.

— Янли! Ты ненормальная... Я думал, умру, когда ты перед этим змеем выскочила! — Слегка отдышавшийся братец вдруг пришел в себя, осознал мизансцену и решил поучаствовать: неизвестно почему вцепился не в меня, а в Юншена, как рыбка-прилипала в родную акулу. — А ты куда смотрел? — напустился он вдруг на заклинателя. — Я тебе сестру в жены зачем отдал?! Чтобы ты ею чунлуней кормил?!

— Договорились, — серьезно кивнул небожитель брату, отцепляя его пальцы от своей туники. — В следующий раз будешь ее держать, пока я связываю и приковываю к кровати. Чтобы из дому ни шагу.

— Что-что? — Я приложила ладонь к уху, демонстративно поворачиваясь в сторону заговорщиков. — Давно в парализующие точки иголок не получали? И вообще. Идемте уже. Время заряда цянькуня не бесконечно!

— А как отсюда выбраться? — А-Лей окончательно опомнился и начал крутить головой. — Мы-то сверху провалились. Летать никто не умеет?

Глава 36

Юншен

Я молча осмотрел крутые своды пещеры и — ожидаемо — наткнулся на каменные двери в самом дальнем углу. Но их можно даже не проверять: наверняка не только закрыты на замок, но еще и забаррикадированы. А возможно, и вовсе под заклинанием. Удержать молодого взбесившегося чунлуня не так то просто.

Был бы у меня меч или хотя бы чуть больше энергии ци, можно было бы взлететь. Но ни того ни другого не наблюдалось.

— Как провалились, так и вылезем, — решила Янли, вдруг начиная раздеваться. Я на секунду оторопел, а потом понял, что она просто сматывает с талии длинную и тонкую веревку с узлами через каждый цунь. На конце веревки оказалось то, что я сначала принял за вычурную пряжку, но Янли что-то повернула, чем-то щелкнула и превратила украшение в наконечник с тремя острыми крючками, направленными в разные стороны.

Вручив его мне, она задрала голову и стала осматривать потолок:

— Вон, видишь? Это та щель, через которую мы свалились. Сумеешь забросить так, чтобы крюк там заклинило?

Внутренне удивляясь и рассматривая необычную экипировку, так похожую на приспособления наемников и убийц, я невольно нахмурился. Нет, я уже не считал, что моя жена состоит в тайной гильдии, слишком она... добродушная. Пусть и не хочет казаться таковой. Скорее ко мне пришло понимание, что это опасное приключение в жизни лисы далеко не первое и, что еще хуже, явно не последнее.

Решив оставить невеселые мысли на потом, я примерился и легко забросил крюк в нужное место. Пусть мое тело еще не восстановилось, но навыки никуда не пропали. Дальше все было проще простого. Как и путь до Сиреневых водопадов.

Озеро, к которому мы пришли, и правда подходило идеально. Я всю дорогу тщательно вспоминал изображения из небесного bestiария и по прибытии очень удивился: каменная чаша среди крутых пиков и звенящих струй была почти точь-в-точь как иллюстрация из свитка.

Непонятно только, почему семья потомков чудного существа так мучает своих детей, запирая их во время линьки в сухой холодной пещере, если буквально рядом с ними находится идеальное «место жительства» их вида.

Конечно... тот свиток был из закрытой библиотеки пика. Я сам получил к ней доступ только после того, как стал горным мастером. Могло ли случиться такое, что эта ветвь семьи Чоу просто забыла свои корни и не знает секретов жизни небесного зверя чунлуня?

Пока я размышлял, лиса, как всегда, действовала. Мы стояли на скале, вытянувшейся в пустоту длинным узким языком дракона. Янли, ни капли не волнуясь, просто дернула завязки кошелька. А потом и вовсе перевернула и довольно бесцеремонно потрясла цянькунь в вытянутой над озером руке. Пару секунд ничего не происходило, но на третью из горловины мешочка с воплем-шипением вывалился молодой змей. И рухнул в темную воду, подняв фонтан брызг.

Рык и шипение сменились растерянным бульканьем, а потом и вовсе стихли. Скала, на которую мы взобрались, очень удачно нависала над озером, открывая великолепный обзор, прозрачная вода и свет полной луны позволяли рассмотреть все до самого дна.

Вот перепуганный и почти парализованный сменой обстановки чунлуень медленно опустился на дно до самых водорослей. Потом резко ожил, встрепенулся и невероятно грациозным движением отправил свое тело вперед.

Он буквально летал по небольшому круглому водоему, струился в нем, перетекая, искрясь в облаке мельчайших пузырьков воздуха и лунного света, свивал засеребрившийся змеиный хвост кольцами и распрямлял его как пружину. Резвился.

Тугие перетяжки старого облика почти сразу исчезли, шкура растянулась сама собой, высвобождая каналы ци, которые у небесных зверей расположены иначе, чем у людей. И в какой-то момент змей словно выскользнул сам из себя. Старая кожа снялась с длинного тела как шелковый носок и повисла в воде мерцающим облаком. Новая же чешуя победно зажглась радужными бликами. Змей взвился, выпрыгнул из озера и с ликующим шипящим хохотом рухнул обратно, окатив нас холодной водой.

— Чудище. — Янли улыбнулась, вытирая довольное лицо. — Живой. В последний момент успели.

— Красиво... — согласился я. Даже отсюда было видно, что небесный зверь больше не пребывает в состоянии бешенства. Он доволен и здоров. Еще немного, и...

Последний прыжок лунного змея вынес тонкую хвостатую фигурку высоко над водной гладью. Так высоко, что потомок рода Чоу легко извернулся в воздухе, блеснув отросшим после линьки гребнем вдоль хребта, и приземлился на скалу — прямо напротив Янли. И вот тут нас ждало новое открытие. Змей плавно перетек в человеческий облик, и мальчик из рода Чоу внезапно оказался вовсе не мальчиком...

— Ух ты! — потрясенно выдохнула Янли, рассматривая весьма заметную женскую грудь и... хм. — Как интересно. У них и половое созревание на линьку завязано? Или они вообще до нее не знают, какого пола ребенок?

Серебристые глаза лунной змеи сфокусировались на лице моей жены, и я вдруг похолодел. Вспомнил кое-что из того же бестиария!

— Ой, маму вашу хвостатую... — Кажется, Янли тоже заметила что-то неладное. А меня ударило осознанием, и в памяти всплыла еще одна глава трактата.

— Только этого не хватало! — почти рыкнул я, заслоняя собой Янли.

И действительно. Юная Чоу, уже полностью вернувшая себе человеческий облик, нагая и прекрасная в своей хрупкой невинности, сделала шаг прямо к нам.

Как я мог забыть?!

— Первая смена облика чунлуны потому и считается священной, что впервые перелинявший змей всегда запечатляется на того, кто был рядом и помог! Именно это является причиной того, что людей под страхом смерти не пускали к змеиным водопадам!

— Отойди подальше. — Янли толкнула меня в грудь, не сводя напряженного взгляда с девушки. — Тебя ей точно не надо.

— А тебя? — рассердился я. — Ты вообще женщина! Но ее это сейчас не остановит!

— Какая досада... Может, опять в мешок?

— Бесполезно, — простонал я сквозь зубы, поскольку напряженный лунный взгляд уже прикипел к моей жене. — Она нас уже чует, да и мешочек почти разряжен...

— Ой, да перестаньте вы ныть! — рявкнул вдруг задвинутый за наши спины А-Лей. Парнишка вывернулся у сестры из-под руки и рванул наперерез прыгнувшей к нам девчонке. — Оппа! Не торопись, мелкая. Моей сестре не нужна жена, а я... погоди, ты чего? Сразу, что ли? М-м-м-м....

— Ну, братец, тебе жена точно рано или поздно пригодится, — на удивление спокойно констатировала Янли, когда мы убедились, что девушка-змея мальчишку вовсе не ест и даже не кусает, а всего лишь бесстыдно целует в губы. — Из хорошего рода опять же... почему бы нет, — с легким злорадством пожала лиса плечами, глядя в ошеломленные глаза А-Лея. Тот безуспешно трепыхался в буквально удушающих объятьях юной девы, которая, не обращая внимания на свидетелей, уже запустила руки ему под одежду.

Глава 37

Янли

— Ну хватит, хватит. Отпусти его. Поцеловались — и довольно, остальное после свадьбы! — Я еще пару минут любовалась безобразием, а потом все же пришла брату на помощь. Правда, змейка попыталась протестующе пискнуть. Совершенно ошалевший А-Лей только и мог медленно моргать, а потом и вовсе попробовал притянуть девчонку обратно к себе. Получил от меня по рукам, потряс головой и, кажется, немного пришел в себя. И заметно опечалился, когда я стянула с него тунику, закутав в нее юную госпожу.

Теперь злорадно усмехался уже Юншен.

— Карма, — пояснил он, лучась каким-то садистским удовольствием. — Его насмешки над ближними не прошли даром!

И почти шепотом добавил в ответ на мой вопросительный взгляд:

— А еще он слишком любит вламываться без стука в чужую спальню... Пусть почувствует все на собственной шку... ай! За что опять?!

— Я на тебя голой целоваться не кидалась!

— Да, ты сразу лезла в штаны при свидетелях... ай! Ты дождешься, жена моя, я не выдержу и свяжу тебе руки.

— Угу, прямо на ходу, — проворчала я. — Домой пошли. В смысле, к Чоу. Надо им как-то вернуть это сокровище. Или она изнасилует моего брата. А это до свадьбы нежелательно.

— То есть после свадьбы меня насиловать можно, да?! — взвился, уже несколько опомнившись, А-Лей.

— Можно, да? — внезапно подала голос девушка и посмотрела на нас огромными черными глазами, в уголках которых блестели слезинки.

— Так, дети! Пока ничего нельзя. — Я решительно взяла будущую невестку, закутанную в тунику брата, за руку и потянула за собой. — Гуль протухший, она еще и босиком... ноги изрежет. А-Лей, давай свою рубашку.

— Почему я?!

— Потому что это твоя жена. Сам напросился, теперь не вякай.

До поместья Чоу мы добрались, когда уже почти рассвело. Все же рукава от мужской рубахи, пусть и усиленные намотанными на ступни полосками ткани, так себе обувь. И вообще, змейка много сил потратила на линьку, она стала падать от усталости задолго до того, как мы вернулись в наше предместье. Пришлось А-Лею нести ее на спине.

И надо было еще думать, как нам попасть внутрь, не породив новую волну сплетен среди ранних подметальщиков и прочих жаворонков Поднебесной. В конце концов мы обошли поместье и перелезли через забор там, где прошлой ночью братец нашел удобное дерево для наблюдения. Сами-то без проблем, а вот змейку перетащить оказалось сложнее — во-первых, она окончательно обессилела, а во-вторых, оказалось, что существо, выпрыгивающее из воды на двадцать метров вверх без особого напряжения, на суше боится высоты и пищит. Громко.

На этот писк к нам местные и слетелись. Причем сразу с копьями наперевес и мечами наголо. Вот радость-то, свалиться внутрь огороженного поместья всей компанией и тут же оказаться буквально припиленными к стене большим набором самых разных, но очень острых предметов.

Юншен закрыл меня грудью, и я имела удовольствие наблюдать его рефлекс: руки заклинателя пару секунд слепо шарили по поясу, явно ища рукоять меча. Не нашли. Зато я успела выдохнуть и оценить перспективу: лечить лишние дыры в и так не слишком здоровом пациенте — не лучшая идея. Потому времени терять не стала — одного отпихнула, второго отодрала, третью вытолкнула на передний план со словами:

— Твоя родня, ты и объясняйся!

Родня сначала замахнулась своим острым, потом разглядела под туникой братца нашу змейку и взвыла практически хором:

— Тайин!

— Папочка! — всхлипнула девочка и в лучших традициях дешевых мелодрам со слезами повисла на шее у рослого мужчины с копьем. Ну, попыталась. Тот сначала и дернулся было обнять, но опыт и здравомыслие быстро взяли свое, и змейку аккуратно отстранили древком.

— Как... как ты тут оказалась?! — Судя по торопливому шепоту А-Лея, этот мужик вчера лично конвоировал гроб с дочерью до пещеры, так что понять его удивление было несложно.

— Может, это нежить? Или демон. Хули-цзин умеют принимать чужой облик, — раздался молодой голос из толпы.

— Сам дурак! — вдруг прервала рыдания маленькая змея и ловко пнула рослого смазливового парня в голень. Тот ойкнул, схватился за ногу и выдохнул:

— Нет, не подменили... По тому же синяку попала.

— Извините, пожалуйста. — Я решила, что самое время выйти из тени и прояснить ситуацию. — Мы с моими... мы вчера совершенно случайно нашли вашу дочь в плачевном состоянии и не смогли пройти мимо. По счастью, ее проблему решить было легко, и после того, как все закончилось, мы сочли своим долгом вернуть юную госпожу ее семье. Могу ли я надеяться на ответную услугу? Нам пора домой.

— Легко было решить?! — выхватил из моей речи главное самый старший Чоу, суховатый старичок, еще весьма бодрый и быстрый в движениях, весь словно свитый из хорошо просмоленных канатов под белесым подобием бороды.

— Ну да. — Я пыталась держать самое невинное выражение лица. — Когда змеи линяют, они ползут к воде. И... когда у меня был речной уж, отец говорил ставить ему блюдечко с водой при линьке. Это еще в детстве было. А юная госпожа Чоу, видимо, провалилась в древнее подземелье и не смогла оттуда выбраться. Мы лишь помогли ей добраться до озера. А потом до дома...

Говорить в лицо местным старейшинам «вы идиоты, раз сами не додумались и поколениями убивали своих детей» было категорически нежелательно. Лучше притвориться добрыми простаками, которые якобы не поняли, почему девочка была заперта. Мы просто искупали змейку. Ну так, случайно. И тайну вашу тоже случайно узнали, мимоходом. Ну подумаешь, семья змей-оборотней.

— Как ваше имя, юная госпожа? — после долгого-долгого молчания спросил глава семьи Чоу.

— Тан Янли, уважаемый старейшина. — Я вежливо поклонилась. — Видимо, судьбе угодно, чтобы наша кровь обязательно смешалась по воле небес. Моя кузина, дочь почтенной сестры моего отца, думаю, уже приняла ухаживания наследника вашего рода.

Мужчины семьи Чоу негромко зашумели за спинами старейшин. Кажется, я вовремя ввернула про будущие родственные связи. Потому что чужих, открывших такой серьезный секрет, логичнее прибить, даже несмотря на благодарность. Ну или запереть покрепче, обеспечив комфортную камеру на территории поместья до конца наших дней. А так... во-первых, мы не проходимцы со стороны, люди с именем. А во-вторых, почти свои, получается. Можно по-родственному сохранить общий секрет.

— Приветствую достопочтенных старейшин и главу дома, — вмешался в наш диалог заклинатель, и я почувствовала, как меня тянут сзади за пояс, причем еще и подергивают, как строптивую лошадку за узду. Кажется, кое-кто таким образом выражает неудовольствие женским самоуправством... патриархал чертов. — Мое имя Тан Юншен. Я муж Тан Янли. Моя супруга занималась сбором ночных трав около Воющих скал, и мы с деверем ее сопровождали. Прошу, не стоит волноваться. Наша семья прекрасно знает о божественных змеях чунлунь, о них часто упоминается в библиотеке пиков Даншан. И мы не испытываем к небесным зверям какой-либо неприязни.

— Небожитель с рабским клеймом! — выкрикнули вдруг откуда-то из задних рядов. — Это... тот самый?

Глава 38

Юншен

— Тот самый? — слегка опешил я. Но тут же понял, что они про распущенные Янли слухи. Потому уже открыл рот, чтобы подтвердить, но...

— Ну тот, которого сладострастная дочь торговца заперла в поместье и насилует.

Янли поперхнулась воздухом, и мне, вместо того чтобы кашлять кровью самому, пришлось хлопнуть по спине жену.

— Да что за чушь ты говоришь! — Кто-то из присутствующих отвесил крикуну подзатыльник. — Она его просто держит взаперти, как диковинную птицу. Он ей на гуцине играет и стихи пишет. А она холит и лелеет его как... ну... потому что у него же ядро разбито. А без ядра они хрупкие.

— А я слышал, что она его пытается и бьет! — ответил шепотом все тот же мужской голос. — Из ее двора постоянно мужские крики раздаются! А потом... жестоко прелюбодействует! У небожителя ведь рабская печать, он не способен сопротивляться!

Вот это уже откровенная клевета, и теперь уже Янли приложила меня ладонью по спине, чтобы я снова смог нормально дышать. Когда это я кричал?! Да и... обидно, гуй все побери. Сплетни уже ходят, а я вместо нормального прелюбодеяния вторую брачную ночь демоны знают чем занимаюсь.

— Ха, меня бы кто так спрелюбодействовал разочек, чтобы даже на улице слышно было, — пробурчали между тем из задних рядов. Оттуда же вслед за словами моментально прилетел звук подзатыльника и сдавленное «ой». Ну, с этим комментатором я был слегка солидарен.

— А ну, молчать! — рявкнул старейшина, пряча в бороду покрасневшее лицо. — Мы вчера на чьей свадьбе были, олухи?! О чем вы вообще говорите? Как смеете повторять грязные слухи о семье наших... будущих родственников?!

— Уважаемый старейшина, — вернувшая себе нормальный цвет лица Янли ущипнула давившегося смехом брата. Парнишка лишь отмахнулся, а потому получил еще и легкую затрещину, чтобы точно

вел себя прилично и перестал веселиться, — я думаю, мы сделали все, что в наших силах. Юная госпожа в безопасности под защитой семьи, и мы можем вас покинуть.

Я лишь утвердительно кивнул, поддерживая слова жены, и склонился в ритуальном жесте почтения. Все наблюдающие кинули на меня странный сочувствующий взгляд.

— Точно на цепи держит, — опять зашептали где-то сзади. Как же часто люди забывают про слух заклинателей. — Даже говорит за него, как хозяйка. Бедняжка.

— А он останется?! — вдруг ожила Тайин, прыгнув назад и вцепившись в А-Лея. Тот сначала испуганно отпрянул, а потом со сложным выражением лица погладил девушку по голове, что-то прошептав.

Старейшина и несколько мужчин — тоже в возрасте — вдруг словно о чем-то резко вспомнили. А потом, переглянувшись между собой, уставились на А-Лея сначала изумленно, потом оценивающе, а потом с каким-то мрачным то ли предвкусением, то ли вообще предупреждением.

— Девочки раньше не выживали. Как поступить? Забрать в род?

— Он наследник, — сказал тот, кого Тайин назвала отцом.

— И они знают о нашей тайне. Если бы не сегодня, то от семьи Фен рано или поздно узнали бы...

Янли вздохнула, исподтишка показала брату кулак и еще раз поклонилась патриархам семьи Чоу:

— Уважаемые господа, не позже чем сегодня в полдень глава семьи Тан пришлет к вам своих людей с подобающими подарками и предложением о помолвке. Надеюсь, вы примете его. Тогда наши родственные связи будут даже крепче, чем мы ожидали. Юная Тайин, несомненно, достойна стать первой молодой госпожой семьи Тан.

— Че-е-е-е-о-о-оу-у-у? — просипел А-Лей, с возмущением глядя то на сестру, то на «невесту». До него, кажется, только теперь дошла вся серьезность ситуации. Лобызаться с юной девой на скале — это одно, нести ее на спине тоже можно, чувствуя себя древним непобедимым воином, но жениться...

Умная змея, так и висевшая у него на локте, отреагировала не как змея, а как правильная юная девушка из хорошей семьи: Заглянула ему в лицо, взмахнув разом намокшими ресницами, и очаровательно

надула губы. Даже мне показалось, что малышка сейчас всерьез расплачется.

— Акх... кх-кх... да-да... конечно, — потерянно забормотал оглушенный этим женским запрещенным приемом мальчишка. М-да... у него рабского клейма нет, но я уже предвижу, что легче от этого А-Лею не будет.

Через несколько секунд толпа народа, отойдя от увиденной картины, снова начала шуметь:

— Не стоит так торопиться, останьтесь до утра!

— Уже утро, балбес!

— Тогда им наверняка надо вернуться домой, иначе достопочтимые господин и госпожа Тан будут волноваться.

— О, а разве у них не третий день свадьбы? И ночью они собирают травы?

— Я ж говорил — страшная женщина!

Как мы выбрались из поместья Чоу и вернулись в поместье Тан — отдельная история, подробности которой я плохо помню.

Спать хотелось невероятно, но времени не хватало даже на легкую медитацию для восстановления сил. Янли заварила нам особый травяной сбор, от которого глаза не просто открылись, а еще и на лоб полезли. Уж очень он был горьким, казалось, пробивал аж до узлов меридианов. Потом полдня во рту привкус стоял. Иголки и прочие процедуры были отложены на вечер, но принять ванну в порошке мы все же успели. Пусть и едва-едва.

Ранним утром слуги принесли в наш двор новые одежды для меня и Янли, и, облачившись, мы с супругой отправились к старшей чете Тан. Третий день свадьбы только начинался, и гостей, кажется, стало даже больше. Видимо, подъехали те, кто не успел к нашей церемонии. Все же организовать празднество за полдня не каждый сможет...

Осматривая новоприбывших, я взглядом выцепил из толпы знакомое лицо достопочтенного главы Чоу. Он уже стоял рядом с господином Таном, видимо намекая на возможность помолвки. Рядом с главой находились еще двое старейшин змеиного клана и молодой мужчина лет двадцати пяти — двадцати восьми на вид. Более подробно осмотреть гостя меня заставил широкий меч на его поясе, выправка бывалого воина и абсолютно непроницаемое выражение

лица. Телохранитель? Разве господину Чоу есть чего бояться в нашем поместье? Мои заключения лишь подтвердились, когда мужчина с мечом резко обернулся, почувствовав мой взгляд. Я не стал скрывать своего интереса и просто слегка кивнул. Ответа от воина не последовало, зато глава Чоу, быстро закончив разговор с тестем, зачем-то направился к нам в сопровождении своего родственника. Когда они подошли ближе, я четко понял это, уловив фамильное сходство.

После стандартного обмена приветствиями глава наконец перешел к сути:

— Госпожа Тан, господин Тан. Наш клан очень высоко ценит вашу помощь. Вы буквально спасли жизнь дочери нашего рода. И не только ей, но и всем остальным детям Чоу, — сказал он практически шепотом. — Поэтому позвольте выразить вам нашу признательность. Мой третий племянник Чоу Шенсан отныне будет обеспечивать вашу безопасность и в доме, и в ваших походах за травами.

Глава 39

Янли

— Поскольку моя дочь уже передала свой дар будущему мужу, позвольте и мне выразить свою признательность спасительнице. — Пользуясь тем, что мы с Юншеном оба слегка онемели от перспективы, глава семьи Чоу кивнул своему племяннику. Тот вдруг довольно бесцеремонно и по местным меркам крайне невежливо схватил меня за руку. Но тут же ее отпустил. Правда, там, где горячие пальцы коснулись руки, жар не прошел, наоборот, стало еще горячее.

— Что?! — Я схватилась за запястье и почувствовала, как что-то скользнуло под пальцами, а потом сам собой появился узкий серебряный браслет в виде змеи. Причем он был не просто надет, он словно выступал из кожи, рос на ней.

Резкий толчок, все завертелось, и, когда пелена перед глазами рассеялась, я поняла, что стою за спиной Юншена. Скрывая меня своим телом от двух змеев, мой тихий и вежливый муж рычал таким страшным голосом, что у меня поневоле коленки подогнулись, пусть рычал он вовсе не на меня:

— Что. Все. Это. Значит? Дос-с-стопочтенные?

О, судя по тому, как племянник главы Чоу держится за грудь, а сам глава — за горло, Юншен не только меня оттолкнул себе за спину, но еще и этим... дарителям чего-то отдал. Да так быстро, что никто даже движения не заметил, только результат.

Глаза главы Чоу округлились, и, откашлявшись, он произнес:

— Прошу простить меня, уважаемые госпожа и господин Тан. Вы не так поняли наши намерения. Я объясню. — Он снова прокашлялся. — Небесные воины Чоу всегда заботятся о безопасности своих избранниц и их родственников. Для этой цели и служит браслет небесного уробороса. Именно тот, что мой племянник подарил вам, госпожа Тан. — Давление на его горло явно ослабло, из-за чего глава облегченно вздохнул, но все же бросил настороженный взгляд на Юншена. — Он убережет вас от ядов и слеза, а также подаст сигнал дарителю, если вам будет угрожать другая смертельная опасность. Для того чтобы он полностью настроился на вашу ци, мой племянник

останется рядом с вами на срок от четырех до восьми смен сезонов, чтобы заботиться о вас и защищать.

— Э-э-э... — тихо офигела я.

— С чего вы взяли, что я сам не смогу обеспечить безопасность своей жены? — Стужей в голосе Юншена можно было устроить небольшой ледниковый период на отдельно взятой планетке.

— При всем уважении, господин небожитель, вы сейчас сами нуждаетесь в защите. Не спорю, — глава поднял руку в ответ на запылавший взгляд заклинателя, — нынешний ваш удар уже был неожиданно быстр и силен. Но вряд ли сейчас вам хватит сил его повторить. А ведь этот мир полон опасностей, особенно для тех, кто так щедро дарит помощь другим. В обязанности Чоу Шенсана будет входить и ваша охрана.

— Мне тоже повесите небесный уроборос?

Глава внезапно закашлялся и, кажется, слегка смутился.

— Видите ли... достопочтенный господин небожитель. У каждого небесного змея может быть только один браслет, который он дарит своей избраннице. Или избраннику.

— Что?! — Я все же выкарабкалась из-за спины мужа, хотя он и старался меня оттуда не выпускать, незаметно смещаясь так, чтобы все время стоять между мной и змеями. — Избраннице?

— Не переживайте, не переживайте! Ничто не грозит вашей добродетели! — резко махнул рукой глава и настороженно покосился на Юншена.

— Это вы моему мужу объясните, достопочтенный глава Чоу, — съехидничала я, потирая запястье. — Судя по тому, как он закаменел, господину Тану есть что сказать по этому вопросу.

— Выслушайте сначала! Видите ли, в силу определенных обстоятельств у моего племянника нет возможности обзавестись семьей. Он прекрасный воин и один из сильнейших змеев нашего клана, но боги не были к нему милосердны. Потому его браслет в любом случае... ничего не значит, кроме того, о чем я уже сказал. Чоу Шенсан будет хранить вашу жизнь и не посмеет посягнуть на большее. Чуть позже я передам вам переписанный трактат о небесном уроборосе. А сейчас позвольте откланяться. Надеюсь, со временем вы сумеете по достоинству оценить наш дар.

— Ты в эту чушь про защиту веришь? — шепотом спросила я Юншена, когда змеи Чоу убрались наконец к другим гостям. — Гуя лысого их так волнует наша безопасность. А я еще думала: как легко нас выпустили из поместья, неужели не боятся за свой секрет? Ответ перед нами. Это не просто телохранитель, это надсмотрщик. Вот так и делай добрые дела... Знала ведь, знала, что любая благотворительность частенько боком выходит. И что?

— Помогать людям — это правильный путь совершенствования, — уже как-то не очень уверенно вздохнул Юншен. — Легче, конечно, не замечать чужих бед, но это может отразиться на ауре. Потому большинство небожителей живут уединенно.

— Угу, правильным путем идти можно, дойти нельзя, — съязвила я, вспомнив старую комедию. — Съедят по дороге.

— Хорошо, что еще не съели, — устало улыбнулся Юншен. Видимо, та демонстрация силы не прошла для него даром.

— О да. Пока я всего лишь внезапно вышла замуж. — Тот самый «замуж» удостоился ироничного взгляда, но сделал вид, что он тут ни при чем. — И получила кандалы на руку в комплекте с каким-то змеем.

— В Жасминовые Сады я его не пушу, — процедил заклинатель сквозь зубы. — Пусть живет в павильоне с охраной.

— Да где угодно пусть живет, только не у меня дома. Мне одного геморро... кхм... мужа достаточно, — фыркнула я. — Отцу скажу, разберется. Без его согласия эти хитрохвостые все равно не сумели бы нацепить на меня гадость.

Браслет на запястье в ответ на ругательство ощутил похолодел. Только не говорите, что он живой! Не то чтобы я боялась змей, но чужой поводок на руке ощущать было не слишком приятно. Или он на мысли реагирует? Еще хуже...

От невеселых мыслей нас отвлекли подошедшие гости, требовавшие к себе внимания. Ну и еще я под шумок отдала, наконец, матушке весь компромат на семью Лу и озвучила свои устные рекомендации по семье Чоу. Хотя вот на последних у меня внезапно появилось много чего нелестного, только поздно было. Сама дура, чего уж... Но с семейной жизнью Еси пусть сама разбирается, видела я ее жениха утром: красивый высокий парень, вполне во вкусе сестренки.

А то, что змей... у каждого свои недостатки. В целом они своим избранницам не вредят, наоборот, берегут и лелеют. Ну и хорошо.

Короче говоря, матушке карты в руки. Пускай с тетей Цин сама разговаривает и ведет ядовитую дипломатию, у нее это всегда лучше получалось. Главное, что теперь эта дама, наконец, уедет к себе домой, займется подготовкой к свадьбе и забудет о нас на месяц-другой. Чем не счастье?

После завершения торжеств я была едва живая. До дома тащилась нога за ногу, жалея о свадебном паланкине — вот когда пригодился бы, а вовсе не в первый день.

— Слушай, а что там глава Чоу сказал про проблемы нашего охранника? Надо бы его продиагности... — мы как раз поднялись на крыльцо, и я машинально произнесла это вслух. Но досказать не успела.

— Нет! — панически выкрикнул Юншен, глядя на меня дикими глазами.

Глава 40

Юншен

— Я не глухая, — недовольно заявила жена, для наглядности коснувшись пальцем уха и поморщившись. — Зачем так орать? Подозреваю, что Тайин наговорила родне ерунды и сказок про то, что мы волшебные спасители всех и вся. И теперь нам по очереди будут подсовывать всех убогих и больных членов семейства в надежде, что мы опять сотворим чудо. А пока не сотворили, убогие за нами присмотрят. Поэтому имеет смысл решить проблему быстрее.

— Ты точно не будешь решать проблему бесплодия этого змея, — почти прошипел я, задвигая двери и накидывая щеколду. — Во всяком случае твоими методами.

— Почему? — не поняла она. Издевается?! Или правда настолько... настолько...

— Ты замужня благородная женщина! — Ноги от усталости подкашивались, и я почти без сил опустился на подушку возле чайного столика.

— И что? Это не значит, что я не могу заниматься своими прямыми обязанностями как лекарь, — начала сердиться лиса. Что, впрочем, не помешало ей заметить мое состояние и начать действовать с привычной быстротой и уверенностью. Такое впечатление, словно она занимается лекарским делом не пару смен сезонов, как шептались слуги, а гораздо дольше. — В конце концов, тебя я лечила, и ничего, благородство мое от этого не уменьшилось.

— Вот именно! — окончательно потерял терпение я. Даже чашка укрепляющего отвара, подставленная лисой и, как всегда, одарившая меня невыразимой горечью во рту, не изменила решимости вернуть лисий разум в правильное русло. — Ты меня лечила... и чем это в конце концов обернулось?!

— О. А... ну да, — согласилась Янли, оглядывая меня со странным выражением лица и в то же время аккуратно вынимая заколку из моих волос. Прохладные пальцы скользнули к вискам, легко массируя нужные точки и унимая головокружение. — Кончилось это плохо, ты прав.

— А за змеем весь его клан наблюдает, — прервал я ее, чтобы не слушать завуалированные оскорбления. Видимо, все еще обижается. Не понимает, что это было для ее же блага... в том числе. — Наверняка он им еще и отчитываться будет ежедневно. — Слегка закрутив ци в организме, я поборол минутное желание откинуть голову на ее руки и расслабиться

— Ну, второй раз замуж меня все равно не выдадут, — явно обдумав что-то свое, с непонятым оптимизмом заявила непостижимая женщина. Несколько раз проведя пальцами вдоль моих отросших волос, расчесывая пряди, она со вздохом их отпустила. Потом встала и отошла к сундуку со множеством маленьких ящичков, не глядя набирая что-то из них в чашку. На первый взгляд, происходило это без всякой системы, но так могли подумать лишь непосвященные. — Так что все в порядке. Может, и неплохо, что ты первый мне... подвернулся под замуж. Могло быть хуже.

— Вот это самое «хуже» ты и пытаешься сейчас себе организовать. — Я недовольно покрутил головой. Мне хотелось... чтобы она вернулась на место. За моей спиной. И чтобы снова трогала мои волосы. Что-то я слишком размяк. Была бы у меня такая возможность, ушел бы в уединенную медитацию на пару месяцев. Только вот лисицу и на сутки одну оставить нельзя. Потом проблемы придется не днями, а годами разгребать. — Неужели ты с такой легкостью готова отдать в руки клана Чоу собственные умения и секреты? А заодно и доказательства своего неподобающего поведения?

Несмотря на странные понятия о жизни и привычки, Янли умная девушка. Как она может не понимать, что ее поведение позволительно с рабом, чей рот закрыт печатью. Или с людьми, которые никогда не видели ее лица. Но не с вражеским шпионом! Чоу могут быть должны нам хоть тысячу жизней, но это еще более сподвигнет их искать способы... избавиться от долга.

— Какие доказательства? — ехидно уточнила лиса, возвращаясь мимо ширмы, которой была отгорожена бочка для купания, и сдвигая ее в сторону. Судя по тому, как прозрачный пар слегка колебался в воздухе над водой, та была горячей. Янли попробовала ее пальцами, кивнула, сыпанула уже знакомого зеленого порошка, вернулась ко мне и принялась раздевать. Привычно бесцеремонно и спокойно. Как будто

и не ведем мы серьезный разговор. — Ты думаешь, я у него на неприличном месте именной автограф иголками выколю или что? Он же не девица, которую можно скомпрометировать, да еще оставить неопровержимые улики в виде беременности.

Я ненадолго впал в ступор — вот как с ней спорить? Все равно что черепахе на гущине играть, ожидая похвалы. Одинаково бесполезно. За все время преподавания на пике мне еще не встречалось столь... нахальных и неверующих подопечных. И чем тогда мне достучаться до своей жены и ученицы?

Пока раздумывал о возможных путях решения проблемы, сам не заметил, как оказался голым и в бочке. Зато нужные слова, кажется, нашел.

— Ты зря думаешь, что второй муж тебе не грозит. Вдовой стать легко. Тем более пока я столь непозволительно слаб, — если и это на нее не подействует, что ж, я не стану продолжать. — А у следующего твоего супруга рабской печати уже не будет, ученица... — Я печально покачал головой и отвернулся, погружаясь практически по самый нос в неприятную, но целебную воду.

Лиса мгновенно перестала улыбаться и посмотрела на меня так, что я заподозрил — весь предыдущий разговор она из каких-то своих непонятных побуждений валяла дурака. Нарочно. Выводила меня из себя? Отвлекала от чего-то?

— На самом деле, если они решат сделать меня вдовой, им никакие доказательства не нужны, — серьезно сказала она. — Поэтому нужно быть втройне осторожными. В частности, тебе нежелательно покидать поместье. И вообще выходить из дома.

И высыпала в воду все то, что собирала в свою чашечку.

— Ты! — Я попытался выбраться из бочки, но мягкая лапка сонной слабости скользнула по позвоночнику, окончательно лишая возможности двинуть даже пальцем. Легкая взвесь порошка из пиалы мгновенно растворилась в горячей воде и будто тонким слоем осела на коже, проникла под нее до самых костей, превращая тело в невесомое ничто.

— Я, — согласилась лиса, ловя меня за плечи, придерживая и не давая погрузиться с головой. — Долг платежом красен, дорогой супруг. Ты позаботился о моем отдыхе в нашу первую брачную ночь, теперь я позабочусь о твоём. Это тебе полезно, ведь ты все еще очень слаб. А

кроме того, даст понять некоторым столетним юношам, как я отношусь ко всякого рода попыткам решать за меня, меня не спросив. Я благодарна за заботу. Но не позволю ни тебе, ни кому-то другому распоряжаться моей жизнью.

Слова были достаточно жесткими по содержанию, но тон, которым она их сказала... мягко, без злости, почти мне на ухо, касаясь его губами. Тонкая рука убрала намокшую прядь, которая от звука ее слов и движения воздуха щекотала мне шею, а потом мне показалось, что Янли коснулась бьющейся выше ключицы тонкой жилки... легким поцелуем.

— Вот же... бесстыдница, — только и смог произнести я, чувствуя, как мое сознание уплывает в страну снов. И я не удивлюсь, если впервые за сотню лет эти сны окажутся эротическими.

Глава 41

Янли

Вот и ладушки. Когда спит, прямо не небожитель, а булочка с корицей. Тощенькая, правда, булочка, диетическая. Не успел еще Юншен за десять дней откормиться до нормального телосложения, но хоть на замученный скелет чьего-то детеныша тоже больше не похож.

Для опытного работника скорой помощи вынуть из бочки одного худощавого небожителя, оттащить до кровати, вытереть и уложить — не то чтобы совсем легко, но и не особенно трудно. Я девица молодая, сильная, тренированная даже, можно сказать. И вообще, в местной системе письменности, как и в земной китайской, женщина обозначается двумя иероглифами: работа и лошадь. То есть по умолчанию слабой быть не может.

Мурлыкая себе под нос шлягер из своего старого мира, я развернула простыню, в которую укутала тело небожителя после извлечения того из воды, и слегка критически осмотрела. Ну... не ребенок. Во всяком случае, в некоторых местах точно.

Не отказала себе в удовольствии ощупать этого «мужа» уже не только с диагностической целью и слегка задумалась над тем, что, может быть, не так уж мне и не повезло. Когда окончательно войдет в форму, будет вполне ебабель... э-э... привлекательным. Захочу секса — далеко ходить не придется. Другое дело, что я пока не особо рвусь устанавливать близкий контакт такого уровня. В том числе и поэтому усыпила, помимо воспитательного эффекта. А то ишь, мужем себя почувствовал, командирские нотки в голосе так и лезут, так и лезут.

Но вдовой становиться я все же не хочу. Меня, пожалуй, этот устраивает. И даже не только из-за рабской печати, хотя она — один из главных аргументов. Просто есть в нем что-то такое привычное, даже успокаивающее. Помимо запаха. Значит, стоит поберечь ре... в смысле, парня.

Кстати, что у него там с ци? А зашибись у него там... Золотое ядро не восстановилось, сказок не бывает даже в сказках. А вот сиреневое на уровне переносицы и красное в промежности... ядра не

ядра, а вихревые потоки меридианов подросли очень заметно. Так, что издалека можно принять за зачатки того самого ядра.

Интересный будет эксперимент... и гладенький такой. У небожителей у всех волосы растут только на голове или мне уникаму попался? Моя ладонь тихонько скользнула по его груди от ключицы вниз, мизинец задел мгновенно сжавшийся в розовую горошинку сосок, ниже, по наметившимся кубикам пресса... раз, два, три... ха, все восемь на месте. А ниже... ого. Ого! Хорошо мы спим, однако. Ну ладно, раз я ему брачной ночи не выдала, пусть хоть сон приснится эротический. Судя по состоянию нефритового жезла (здесь его реально так называют!) — оно уже. Полным ходом.

Хмыкнув, я укрыла Юншена одеялом и пошла готовиться ко сну. Никуда я в эту ночь идти не собиралась, мне и предыдущей достаточно. Да плюс свадьба и прочие безобразия. Никакого здоровья не хватит. Вон до чего я докатилась! В постели симпатичный голый парень в полной боевой готовности, а я если и думаю о чем, так только о подушке и как бы не отрубиться раньше, чем я до нее доберусь. Хотя... некий не совсем врачебный интерес с моей стороны все же присутствует, от себя-то чего скрывать?

Утро началось с того, что теплая подушка подо мной зашевелилась.

— Ли... лисичка, колено убери. Пожалуйста, — прохрипело где-то у меня над головой.

— М-м-м? — Мне очень удобно и уютно спалось, но я послушно заерзала.

— В... в другую сторону... — буквально просипели в ответ. — Янли, почему я... совершенно голый?!

— Потому что спишь. — Открывать глаза мне было ужасно лень, сладкий сон еще висел на кончиках ресниц, и было жалко его стряхнуть.

— Вчера что-то было?! Подожди... ты уходила на Лунные Пристани? — осознанности в голосе стало больше.

— Никуда я не уходила, отстань... Вынула тебя из бочки, вытерла, уложила и рядом упала. — Я снова поерзала, не открывая глаз. — А голый ты потому, что мне лень было тебя одевать. Устала. Я тоже не двужильная.

— Янли, если не хочешь, чтобы... кхм... — Заклинатель кашлянул, немного сдвигаясь. — Ладно, неважно. Больше так не делай, пожалуйста. — Его дыхание стало более размеренным и глубоким. Кажется, кто-то решил поработать с энергией ци.

— Да все нормально. — Я наконец откатилась на подушку, сообразив, что все это время сладко посапывала не где-нибудь, а у Юншена на груди, закинув на него одно колено. — Я тебя не укушу. И не изнасилую, не бойся.

— Бес-стыдница, — шепотом на выдохе произнес заклинатель, и я ощутила, как энергия в его теле замедляется и успокаивается.

— Для тебя это новость? — хмыкнула и наконец открыла глаза, повернувшись к небожителю и разглядывая его с легкой заинтересованной улыбкой рыбки-пираньи.

— Нет. Но такими темпами когда-нибудь даже мое небесное терпение тебя не спасет, — не открывая глаз, ответил мне заклинатель. Одеяло с него сползло вместе со мной. Но глубокое дыхание и контроль ци сделали свое дело: «терпение» вело себя смирно и не рвалось на нефритовые подвиги.

— Интересно будет посмотреть. — Настроение с утра было солнечное и немного хулиганское, я отлично отдохнула и была готова к новым свершениям. — Вставай, небожитель. А, нет, не вставай. Утренний сеанс иглоукалывания.

— О, великие небеса... — простонал Юншен и стремительно укрылся одеялом. До самого носа. — Опять?! Не могу понять тебя, Янли. Неужели все твои способы лечения настолько завязаны на тесный физический контакт? Когда ты работала с теми людьми в хижине, такого не было. А потому у меня постоянно возникает ощущение, что ты надо мной просто издеваешься.

— Эта жена тебе не экстрасенс. — Пожав плечами, я перелезла через укрытое одеялом тело — на этот раз Юншен спал не у стеночки, а с краю. Пока перелезала, на секунду замедлилась — ну точно из чистого хулиганства. Чуть прилегла на него сверху, обхватив руками и ногами как большого плюшевого мишку. А потом сбежала раньше, чем небожитель успел отреагировать. — На расстоянии лечить не умею. Чтоб ты знал, когда я аппендицит оперировала, я вообще внутрь пациента руками лезла. И ничего, никто не умер. Так что тебе еще

повезло. Твое тело и твоя энергия отлично отзываются на иглоукалывание, прямо любо-дорого посмотреть.

— Что такое... экстрасенс? И аппендицит? — после долгой-долгой паузы, наполненной сосредоточенным дыханием ци, спросил заклинатель. То ли нервы успокаивал, то ли в своей внутренней библиотеке копался. Хотя, скорее всего, оба варианта.

— Экстрасенс — человек с необычными способностями. Который умеет лечить на расстоянии. Ну, почти как небожитель, наверное, при должной специализации. У вас на пиках были лекари? Свои, небожительские? — уточнила я. Юншен утвердительно кивнул, не вставая с валика-подушки. — Вот, это про них. Аппендицит — это воспаление аппендикса, червеобразного отростка, который служит придаточным образованием слепой кишки. Это состояние чревато опасными для жизни осложнениями, вплоть до летального исхода, и потому требует неотложного хирургического вмешательства.

— Эм... слепая кишка? А есть зрячие? — все-таки открыл глаза небожитель и недоуменно покосился на меня.

— Не обращай внимания, я старинный лекарский свиток тебе процитировала, там все формулировки такие. И термины специфические, лекарские. Скидывай одеялко. Сегодня опять очередь твоего... м-м-м... жизнелюбия. Оно у тебя хорошо так в рост пошло, надо подстегнуть.

— Возможно, будет лучше, если ты покажешь мне, что делать. Я смогу провести процедуру самостоятельно, не отвлекая тебя от более важных дел, — попытался юлить Юншен, вцепившись длинными изящными пальцами в одеяло и глядя на меня из-под его края блестящими глазами испуганного кота.

— Ну щас! Придумал. Сам себе иголки в промежность загонять — ты как себе это представляешь? Покалечишься. А я еще рассчитываю на исполнение супружеского долга, между прочим. Когда-нибудь... Когда буду готова.

Господи, как очаровательно краснеют небожители, это что-то с чем-то! Вроде бы уже привык к лечению. Но стоило про супружеский долг вспомнить — и лицо Юншена прямо залило румянцем. Даже уши порозовели. И шея.

— Ну разве только ради супружеского долга... — выдавил он наконец, резко откидывая одеяло с таким видом, словно решился

пожертвовать жизнью во имя мира. Ага, в семье.

Глава 42

Юншен

— А вдруг с тобой что-то случится? — возмутительно нахально заявила мне лиса. — Ты сам сказал, что меня могут попытаться оставить вдовой! А я не хочу. Поэтому давай ты будешь сидеть дома... в безопасности, в тепле и спокойствии. Тебе еще и полезно.

— Твои слова неразумны, — снова начал пояснять я, раз в пятый наверное. — Начнем с того, что поместье Тан — не военная крепость, прочность бамбуковых стен преувеличена. Я нахожусь в одинаковой опасности, где бы я ни был.

— Тем не менее дома все равно спокойнее, чем в толпе. Не зря же драгоценных императорских нало... жен, например, не выпускают из гарема, — с непонятной улыбкой выдала Янли, скрепляя волосы заколкой с розовыми лотосами.

— И снова посмею заметить — ты говоришь про дворец императора. Там в каждой нише по отряду скрытых стражей. Опасность грозит не только мне, но и тебе. — Порой мне казалось, что жена получает от наших перепалок некое извращенное удовольствие.

— На поместье моего отца еще ни разу никто не нападал, а кроме того, — Янли села на постель и без всякого стеснения сбросила домашние шелковые сапожки, вновь мелькнув очаровательно маленькими розовыми ступнями, — Жасминовые Сады в самой глубине владений, здесь тебе нечего бояться.

— Меня тоже предыдущие сто лет ни в чем не обвиняли... — начал было я, но прервался. Так мы продолжим до заката цивилизации, а она тем временем уже почти оделась и сейчас просто сбежит. Я восстановил часть своих сил, но, возможно, не смогу за ней угнаться, если она всерьез задумает удрать.

Решившись, резко выдохнул, подошел, сел рядом и сомкнул руки на ее талии. Молча. Мне надоело в десятый раз повторять одно и то же.

— Ты что делаешь? — с интересом спросила лиса, посмотрев на меня через плечо.

— Ничего.

— И что дальше?

— Ничего. Можешь идти.

— Ну так отпусти меня.

— Нет.

— Янли! — влетел в открытые двери А-Лей. — Ой. Вы чего сидите? Обнимаетесь?

— Нет, — это мы уже сказали согласным хором. А-Лей окинул нас недоуменным взглядом и разве что пальцем у виска не покрутил. Его мысли о наших «играх» можно было на лбу прочесть, но мальчишка сдержался.

— Короче говоря, — через пару секунд спросила Янли, — ты намерен держаться за меня и не отпускать? Чтобы я осталась дома?

— Нет, — покачал я головой, кладя подбородок на ее плечо.

— А, я могу встать и уйти? — обрадованно уточнила девушка.

— Да, — едва кивнул, прикрывая глаза. Я тоже умею играть в эти бесстыдные игры.

— Интересненько... Эй! Что ты делаешь? — Соскочив с кровати, она, естественно, потянула меня за собой, поскольку руки я так и не разжал. Просто поднялся следом.

— Ты хочешь встать и выйти. Я тебе не мешаю. Иди, куда душа желает. — Насколько это возможно в моем положении, я пожал плечами, снова опуская подбородок на чужое плечо.

— Да ты просто вцепился намертво и теперь будешь волочиться следом, — возмутилась лисица.

— Да, — умиротворенно подтвердил я и даже демонстративно прикрыл глаза.

Янли вдруг засмеялась и выдала:

— Мне было интересно, как именно ты меня переспоришь. Но такой вариант я не предусмотрела. Неужели у небожителя закончились разумные аргументы?

— Этот небожитель просто понял, что они тебе не нужны, — хмыкнул я в ее ухо. — Я могу приводить сотни и тысячи причин, но это ничего не изменит. А еще ты предпочитаешь сам процесс спора, а не его наиболее практичное завершение.

— Это потому, что небожителя очень интересно и забавно дразнить. — Совершенно бессовестная лисица даже не пыталась скрыть свои мотивы. — Все равно ведь не отпустил бы одну.

— Понял, — кивнул я. — В следующий раз не буду ждать так долго. Просто оденусь и пойду, не спрашивая и не уговаривая.

— Эй! — Мне по лбу прилетело веером, который Янли взяла с чайного столика. — Пациент обязан слушаться лекаря, понятно?

— А муж не обязан слушаться жены. — Выпускать девушку из объятий не хотелось. А еще мне тоже, кажется... понравилось ее дразнить.

— Пока ты больше пациент, — фыркнула лиса и сама разомкнула мои руки у себя на талии, вместо этого подцепив меня под локоть. — Ладно, идемте. У меня половина ингредиентов кончилась. А еще стоит пройтись по рынку и послушать, что люди говорят. В последнее время я опасаясь выпускать общественное мнение из-под контроля, а то оглянуться не успеешь, уже замужем. Как бы чего похуже не придумали.

За ворота поместья мы вышли без приключений и как все нормальные супружеские пары — под руку. А вот дальше нас ожидали... не то чтобы неприятности, скорее неожиданности.

— А-Лей! — Радостно пищащий вихрь персикового шелка налетел на брата жены и едва не сбил мальчишку с ног.

— Юная госпожа, — сумрачный баритон возникшего на дороге змея был негромок, но очень внушительен, — вспомните о своем воспитании.

— А, да-да! — Маленькая змейка перестала радостно душить остолбеневшего парня и отступила на полшага, скромно взяв А-Лея за руку: — Господин Тан, позаботьтесь обо мне!

— Да, отлично. Идите погуляйте где-нибудь вместе! — вдруг оживилась Янли. И получила недоуменно-укоризненный взгляд от брата, но не смутилась: — А господин... Чоу Шенсан за вами присмотрит.

— Нет, — одно слово, а столько смысла. Только по закаменевшему **выражению лица** и интонации уже было понятно, что змей умрет, но обязанности выполнит. И не отстанет от нас ни на шаг.

В каком-то смысле это даже удобно. Днем такая охрана будет очень кстати. А ночью змеи спят. Или нет?

— Зачем брату Шену с нами идти? Я и сама могу нас защитить!
— Тут змейка повернулась к А-Лею. — Ты же помнишь, какая я

большая?! Любых бандитов раздавлю и съем! Ты знаешь, где водятся бандиты?

— Не надо, — отчего-то заметно побледнел А-Лей. — Янли!

— Ничего не знаю, твоя невеста, ты и разбирайся, — безжалостно отмахнулась лиса. — В другой раз подумаешь, прежде чем лезть поперек сестры к змее в пасть.

Мне на миг стало жалко мальчишку, и я чуть сжал локоть жены, вопросительно приподнимая бровь. Надо ли ей так настаивать на их прогулке? Официальной помолвки еще не было, и сопровождение пока не входит в обязанности ее брата. То есть они могут гулять, но только под присмотром старших родственников.

В ответ на невысказанный вопрос получил быстрый взгляд искоса и тихий шепот:

— Посмотри в ее глаза. Она его просто дразнит. Нарочно. А на самом деле девочка вовсе не такая невоспитанная и глупенькая. Она вполне профессионально нам все пути смыть без телохранителя перекрывает. А-Лей же теперь вцепится в меня как клещ и один с ней гулять никуда не пойдет. Значит, у нас не будет даже формального повода отослать с ними Чоу Шенсана.

М-да. Я бессмертный заклинатель и познал многие мудрости на пике горных мастеров. Но там не учили распознавать женское коварство, хитрости и уловки. Наверное, зря.

— Они нас слышат, Янли. У чунлуней слух намного лучше людского, — решил уточнить я. Про то, что у заклинателей он ничуть не хуже, я тактично промолчу.

— Я знаю. — Жена лучезарно улыбнулась будущим родственникам и как ни в чем не бывало спросила: — Ну что, идемте?

А мне прошептала в самое ухо:

— Не можешь предотвратить безобразия — возглавь.

— Пф-ф-ф! — сказала юная Тайин, подарив лисе заинтересованно-оценивающий взгляд. — Да, вы ведь на рынок? Мне тоже надо кое-что купить. А-Лей, ты сможешь мне выбрать заколку? Я никогда не носила нефритовых заколок с самоцветами. Раньше. У нас считается, что девушкам до совершеннолетия нельзя носить драгоценности. И вообще демонстрировать женские качества.

Змей ничего не сказал. Просто пошел следом.

Глава 43

Янли

— Что ты делаешь? — спросила я страшным шепотом, пользуясь тем, что змей буквально на полсекунды отвел от меня взгляд. Честно говоря, он и правда смотрел по-змеиному — пристально, не мигая и почти все время. Жуть.

— Тише, жена, я поддерживаю легенду. — Юншен аккуратно придержал меня под руку, и его пальцы, скрываясь под традиционным широким рукавом, снова нежно погладили мое запястье. Он ци выпускает или что? Не пойму... почему такой простой и в целом приличный жест воспринимается мной как дико интимный и... несколько возбуждающий?

Рынок вокруг шумел, пестрел и пах. Слава всем пряникам, фильтры из собственной ци я теперь ношу в носу постоянно. Иначе пала бы смертью храбрых еще на подступах к торговой площади. И все равно запахи я ощущаю сильнее, острее и ярче. А еще могу по ним рассказать чуть ли не историю — человека или лавки. Интересно и напряженно. А тут еще кое-кто с нежностями!

В одно мгновение меня притянули ближе, закидывая буквально на грудь.

— Юн... — начала было ругаться я, но меня прервали.

— Повозка с пряностями, — невинно хлопнул на меня глазами заклинатель и многозначительно посмотрел мне за спину. И правда, рядом с нами проехал торговец приправами, мощно благоухая запахами. Не то что нос... даже глаза заслезились. Только вот не легче было бы просто отвести меня в сторону?

— Не переигрывай! — шикнула я на наглеца.

— И не думаю. Мы молодожены. На нас не только Чоу Шенсан смотрит, но и все вокруг, — уверенно ответил заклинатель, вновь ставя меня на землю.

— Ах вот как... — Кажется, дорогой муж собирался всю пользоваться ситуацией, ибо в глазах его плясали черти. — Ладно.

В эту игру и вдвоем можно поиграть. Надо только вспомнить все, что я тут видела, слышала и анализировала. Что такого приличного

можно вытворить с молодым мужем, чтобы его сплющило, а меня не назвали бесстыдницей?

Для начала я чуть вытянула руку из-под его локтя и в свою очередь перехватила его запястье. Нащупала пальцами ниточку пульса и нежно-нежно погладила. Потом сосредоточилась и сделала, как он учил: передала ма-а-аленькую капельку ци. Да не простую, а... Представила собственную чакру «выживания», подняла розовато-красное свечение по позвоночнику к руке, зачарованно наблюдая, как по пути оно светлеет и наливается золотисто-оранжевым... и выпустила.

— Нравится? — спросила невинно, глядя, как мужа встряхнуло, словно я его током стукнула.

— Ты в курсе, что сейчас стимулируешь мой узел меридиана в... — он слегка прикрыл глаза, явно подбирая достойный эквивалент «неприличным» словам, — месте зарождения жизни?

— С мужской анатомией я более-менее знакома, — кивнула лукаво и только собиралась повторить трюк, как вдруг замерла. У меня появилось ощущение, словно в спину воткнули два железных штыря. Резко обернувшись, я поняла, что змей как раз следит за тем, как А-Лей покупает для Тайин заколку с уличного лотка. Значит, это не его взгляд. А чей?

Но неприятное ощущение исчезло так же быстро, как появилось, а в толпе за нашими спинами никого подозрительного заметить мне не удалось. Странно...

— Лавка с травами справа от столба объявлений выглядит приличнее. Почему мы идем в ту, что слева? — после некоторого молчания спросил Юншен.

— Справа дороже, слева качественнее, — пояснила я. — И раньше замечала, а теперь точно знаю.

— Запах? — полуутвердительно, полувопросительно произнес заклинатель.

— Именно. Ты ничего не заметил недавно? — решила-таки спросить.

— Кхм... еще как заметил. — Мужчина недовольно покосился на собственный пах.

— Да я не про твое зарождение жизни. Мне показалось, кто-то на нас смотрит.

— Возможно... Это делает больше половины рынка, — хмыкнул Юншен, поправляя складки халата.

— Нет. Это был не такой взгляд. Но ладно, может, показалось.

— Моя ци не ощутила угрозы, — внезапно серьезно ответил Юншен. — Возможно, смотрели именно на тебя?

— Твоя ци могла и просто отвлечься... было на что. Впрочем, ерунда.

Травы мы купили, а также побаловались палочками засахаренного боярышника, посмотрели представление канатоходцев и украсили голову Тайин еще тремя заколками, отчего девочка стала похожа на попугайчика. Все устали, заклинатель мой потихоньку начал зеленеть и больше не протестовал, когда я по капелькам цедила ему свою энергию. Правда, теперь только обычную, без сексуальной окраски.

— Ну все, можно домой, — решила наконец я. — Господин Чоу, спасибо за то, что проводили нас, и за приятную компанию. Не смеем больше задерживать. Вам наверняка надо отвести Тайин домой.

— А зачем? Я сама кого хочу — съем, — коварно улыбнулась девчушка.

— Прямо на улице? — хмыкнула я. — Не переигрывай, — повторила второй раз за день.

— Ну не съем, просто придушу, — обиделась Тайин моему неверию.

— Глупости. Для всех вокруг ты милая юная госпожа из уважаемой семьи, — решила я быть чуть строже. — И невеста моего брата в скором времени. Если ты начнешь портить себе репутацию, я сделаю все, чтобы А-Лей на тебе не женился. Поняла?

— Если б моему А-Лею нравились кроткие девушки с приличным поведением, он бы за тобой так не бегал. На себя сначала посмотри, гос-с-с-пожа Тан, прежде чем другим советы давать. — Тайин была настолько раздражена, что у нее на несколько секунд показался змеиный язык.

— Что там нравится А-Лею — вопрос десятый. Репутация наших семей не должна пострадать. — Придавить взглядом так, что даже большая белая змея притихла, я умею. — Я об этом всегда помню, юная госпожа Чоу. И тебе советую как старшая сестра.

— Репутация... — Девчонка все же стушеввалась и недовольно пошла на попятную. Но и просто так сдаваться не захотела: — Ради

репутации Шен должен как раз с вами идти! Он твой наложник, а не мой! — На этой веселой ноте, оповестив всю улицу о статусе брата, девчонка мазнула воображаемым хвостом и унеслась куда-то в путаницу оживленных улиц.

— Это чего было?! — после пары секунд потрясенного молчания спросил А-Лей.

— Я должен сопровождать госпожу, — чуть ли не впервые за всю прогулку подал голос змей. Статус «наложника» его, кажется, вообще никак не взволновал. — И оберегать. Я должен все время быть рядом.

— Родственникам, значит, брас-с-с-слет цепляете... — прошипел вдруг рядом со мной крайне обозленный Юншен. Не хуже, чем у змейки, получилось. — Никаких обязательств?

— Никаких, — так же лаконично ответил страж. — Я пустой. Просто должен все время быть рядом.

— О, кстати! — Надеюсь, у меня в глазах загорелись достаточно убедительные плотоядные огоньки. Вообще-то внутри я рвала и метала. А еще пребывала в полнейшем офигении — какой такой, мать вашу поднебесную, наложник?! Издеваетесь?! — Я же хотела тебя обследовать, чтобы понять, в чем проблема. Точно-точно! — Мужа пришлось ущипнуть за локоть, чтобы перестал пихаться и смотреть на меня убийственным взглядом. — Вот и отлично. Раз ты добровольно идешь со мной, сейчас и займусь. Ты же не стесняешься раздеваться перед лекарями?

Глава 44

Юншен

— Надеюсь, у твоей сестры просто не хватает умения прилично развлекать публику? — На обратном пути к поместью я перестал изображать из себя прилипчивого мужа и аккуратно сместился к змею, шепча на грани слышимости. — Что это за бред с наложником? Я никогда не поверю, что клан Чоу решил себя настолько унижить.

Шенсан гневно сверкнул на меня глазами, впрочем сразу восстанавливая равновесие и приобретая безразличный вид. Он быстро осмотрел окружающую обстановку и, не заметив опасности, все же соизволил мне ответить:

— Есть... причины. Никакого вреда.

На первый взгляд его отрывистые и короткие фразы могли ввести в ступор. Совсем невежды и вовсе могли предположить, что он обижен умом. Но мне прекрасно было видно, что змей находился в постоянной боевой готовности и ресурсов его внимания не хватало на политические игры и пространные высказывания. Шенсан постоянно следил за периметром, тщательно изучал всех, кто подходил к Янли ближе двух метров, реагировал на малейшие подозрительные звуки.

Именно это смиряло меня с его наличием в нашей компании. Что бы ни задумали главы клана Чоу, змей действительно тщательно охранял мою жену.

— Ты хочешь воспользоваться Янли как лекарем, чтобы решить свою проблему? — все же спросил я.

— Целительница и заклинатель. Если не вы — никто больше. Но... не настаиваю, — как можно более подробно ответил он.

Я замолчал. Мне было о чем подумать. Особенно учитывая реакцию Янли на новости о наложнике. За короткое время я успел неплохо ее изучить. Моя жена умела держать лицо, но иногда ее выдавали мелочи. Янли не хотела лечить змея, она хотела пойти и передушить весь змеиный клан лично. Включая собственноручно спасенную будущую жену брата. Но держала себя в руках и даже что-то придумала. Во всяком случае, я, когда в первый момент хотел было

запротестовать, получил несколько чувствительных щипков и огненный взгляд феникса. А также едва слышное пояснение:

— Не мешай, тогда сам сбежит. Я ему устрою... диагностику репродуктивных органов.

— Как я понял, браслет они надевают избранницам, — решил подлить я масла в огонь. Нет, в каком-то смысле змея я понимал и, возможно, на его месте поступил бы так же... но... за «лечение» у Янли я многое отдал, а пережил еще больше. Будет слишком обидно, если у чешуйчатого все пройдет слишком гладко. Кажется, я заразился желанием издеваться над окружающими у жены. У МОЕЙ жены. Да. Она моя жена, и это тоже одна из причин. — Потому что фактически это синоним брачного договора. Разве что по причине «неспособности» он не смог войти в семью как муж. И был предложен только как... сопровождающий.

— Посмотрим, — многообещающе прищурилась лиса.

На этот раз Шенсан не остался за воротами поместья и не остановился у входа в сами Жасминовые Сады. Дурной змей с упорством, достойным лучшего применения, тащился за нами до самого дома. И уже почти на крыльце соизволил уронить коротко:

— Я должен быть рядом всегда. Не только днем, в городе. Браслет гаснет...

— Великолепно, — пробурчала Янли, бросая накидку на ширму таким жестом, словно представляла себе на месте тряпочки копье, а на месте расписной ширмы — змеиную шею. — В моей кровати и так уже один завелся... муж. Только тебя мне тут не хватало для полного счастья.

— Я могу принять форму великого предка. Под кроватью... не заметите.

Мы с Янли переглянулись, видимо одновременно вспоминая размер «маленькой девочки» Тайин, когда она была змеей. А потому одинаково скептически приподняли одну бровь. Даже на секунду стало смешно — я смотрел на лицо жены словно в зеркало. Это было странно. И... приятно? Особенно когда в ее глазах мелькнула такая же искорка веселья.

Змей же, поняв нашу пантомиму без слов и сам не намереваясь тратить их попусту, вдруг выскользнул сам из себя... точнее, из своих

одежд. Мы с женой моргнуть не успели, как тонкий серебристый хвост мелькнул по полу и пропал под кроватью.

— Эм... как ты это сделал?! — изумилась лиса и приподняла покрывало, заглядывая в темноту. — Вылезай!

Ответом было молчание. Кажется, змей не так глуп и ненаблюдателен, как притворяется. А еще у него хороший слух... и он явно правильно оценил намерения лисицы. Диагностировать свои «репродуктивные органы», пока лекарь в таком настроении, не рискнул даже небесный зверь чунлунь.

— И кто, по-твоему, будет убирать твои одеяния? — Я посмотрел на груду змеиных одежд. — Ты думаешь, она так и должна валяться посреди комнаты?

Темнота под кроватью упорно молчала.

— И как нам теперь спать? — спросила меня озадаченная жена. — Безобразия какое... Ты не знаешь, чего он такой мелкий? Я не лягу в эту постель, пока он там сидит!

— Видимо, тоже одно из отклонений, — предположил я, всерьез размышляя о возможности приготовления блюд из змеятины. Потому что если с этим чешуйчатым придатком под матрасом моя жена даже лечь в кровать отказывается, то что уже говорить о нормальной брачной ночи? Да и мне самому неприятно знать о наличии другого существа не то что под кроватью, а даже в нашем дворе. Только наложников мне не хватало. — Или у них, как у некоторых видов змей, самцы просто намного мельче самок. И пугливее.

На провокацию серебряный змей тоже не поддался. Сидел где-то в самой глубине и упорно делал вид, что его там нет.

— А если он ночью что-нибудь сделает? — между тем рассуждала лиса. — Нет, я не согласная. Слышишь, ты, телохранитель-наложник? Вылезай сию минуту, иначе я сейчас спалю к речным гулям всю твою одежду, а когда все же выйдешь, прогоню из дома голым. И иди куда хочешь!

Темнота молчала. Но я буквально кожей ощутил, что она заколебалась.

— Юншен, подай мои иголки. Да, оба чехла. Кто-то не хочет по-хорошему. — Самое интересное было в том, что Янли вовсе не говорила это, чтобы просто напугать. Она, как я заметил, всегда

озвучивала только те обещания, которые твердо была намерена выполнить.

— Что ты собираешься сделать? — Отчего-то на пару мгновений мне стало даже не по себе.

— Ежика, — непонятно ответила жена.

— Длинный ежик получится, — подумав немного, согласился я.

— Ничего, мне и такой сойдет. Если я правильно поняла, укусить избранницу с браслетом кое-кто не может. Поэтому давай иголки, и я пошла. В смысле полезла. Нервные узлы у змей расположены в непривычных местах, так что пару раз могу и промахнуться. Ну что поделать. Зато потом буду точно знать, как надежно парализовать чунлуня.

Белый змей все же решил выползти из укрытия, практически незаметной молнией скользнув к двери. Но я был слишком раздражен его присутствием и поступками, чтобы выпустить его просто так. А потому, используя ци, резко перехватил некрупную рептилию за голову и предъявил жене.

— Развлекайся, достопочтенная супруга.

Глава 45

Янли

— Ну спасибо. — Я задумчиво прикусила губу и пощупала гребень на спине покорно висящего змея. — Не знаю... в бочке его утопим? В смысле, намочим? Судя по всему, чунлуням от многих проблем помогает.

— Не надо! — почему-то всполошился Юншен. И в ответ на мой удивленный взгляд продолжил: — А если он разрастется до натуральных размеров, как Тайин? Он сломает нам не только бочку, но и весь дом.

— Так она вроде и изначально маленькой не была. Выросла-то не от воды. Правда, с мозгами у нее было примерно так же худо. — Я задумчиво склонила голову к плечу. — Держи крепче, пощупаю его за... нервные узлы.

— Почему от тебя даже это звучит настолько пошло? — буркнул небожитель, но послушно перехватил извивающегося змея еще ближе к голове, жестко фиксируя. Змей еще чуть подергался и вдруг обвис тряпичным поясом. — Ладно, но только в змеиной форме.

Я пожала плечами.

— В какой надо будет, в такой и обследую. Лекарь — существо без пола. Ему безразлично все, кроме здоровья пациента. Чем быстрее ты это поймешь, муж мой, тем реже мне придется пользоваться иглами и прочими... ухищрениями.

Мои пальцы во время разговора осторожно скользили вдоль расслабленного змеиного тела, почти касаясь серебристо-белой чешуи. Именно почти: в анатомии змей я ни в зуб ногой, на ветеринара-герпетолога никогда не училась. Но мое замужество уже дало мне некоторые преимущества — моя ци теперь позволяла проводить бесконтактную диагностику, а общие принципы физиологии и системы течения энергии у змей тоже работают. К тому же интернет — великое дело. Чего только я не нахваталась за свою земную жизнь. В том числе и некоторых сведений о пресмыкающихся.

— Хм... все у него в порядке с репродуктивными органами. Две штуки, как и положено. — Я чуть надавила на более светлую чешую

брюха. — Короче, со змеей у него все получится, включая кладку. В смысле, глубже все равно не понять, может, там на уровне наследственности проблема. А внешне и чисто анатомически все хорошо.

— Слышишь, чешуйчатый. Иди набивайся в наложники какой-нибудь гадюке, и будет тебе счастье, — слегка встряхнул Юншен змея.

— Ну не настолько он выглядит глупым. — Я повертела змеиную туловище и так и эдак, но добилаась только того, что Шенсан принялся извиваться и обкрутил хвостом мое запястье. — Уж догадался бы. Значит, с гадюками нельзя или бессмысленно. Надо с человеком. То есть превращайся давай, буду проверять человеческую анатомию.

— Вряд ли я смогу тебя переубедить. — Юншен еще раз скептически осмотрел пациента, затем кинул взгляд на груду одежды. — Янли, выйди ненадолго. — И, чуть запнувшись, добавил: — Пожалуйста.

— О боже! — Я закатила глаза. — Мне надо, чтобы он был голым, понятно? Прямым текстом говорю.

— Он... наденет только нижние халаты. Мы завяжем тебе глаза, и я буду открывать нужную часть кожи для твоего осмотра. Все равно ты работаешь с ци и запахами, тебе не нужно в это время еще и смотреть на него, — продолжал настаивать Юншен.

Споря со мной, он ослабил хватку, чем воспользовался змей. Серебристой стрелой он выскользнул из рук заклинателя и попытался слинять, на этот раз за порог. Но был безжалостно схвачен за хвост, теперь уже мною. Машинально встряхнув добычу, я спохватилась и торопливо прекратила размахивать несчастным пресмыкающимся.

— Превращайся уже. Вы оба. Перестаньте устраивать конкурс застенчивых девственников.

— Янли! — возмутился заклинатель.

— Госпожа Тан! — Второй голос прозвучал почти одновременно с шипением Юншена. Змей вывернулся еще раз, скользнул заклинателю прямо под ноги, спрятался за его сапогом. А потом встал во весь человеческий рост за спиной моего мужа, вцепившись в его плечи как в единственную защиту и загородившись им от меня. — Позвольте поступить, как велит ваш уважаемый супруг.

— Не получится с закрытыми глазами. Может, проблема не в ци, а в каком-то физическом недуге.

— Если тебе так уж необходимо... — буквально проскрипел небожитель, отдышавшись и поняв, что отодрать от себя перепуганного чунлуня не получается, — я... могу осмотреть его сам и пересказать тебе все, что увижу.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — Я едва удержалась от нервного смешка. — У тебя точно повернется язык описывать вслух... эм... анатомические подробности чужих репродуктивных органов?

— Я найду... альтернативное изложение! — Кажется, у заклинателя начал дергаться глаз.

— Ты так возмущаешься, как будто я из чистой вредности и нездорового любопытства стараюсь заглянуть чужому мужчине в штаны. Да сто лет бы мне не надо. Но пока мы его не вылечим, он не отстанет! Каждую ночь повторять цирк со змеем под кроватью я не согласна.

— Простите, госпожа, — вмешался Чоу Шенсан. Выдохнул, вернул на лицо каменное выражение и доложил: — Я все равно не оставлю место возле вас, даже если вы поможете с моей проблемой... Я не могу.

— Здравствуйте, приехали! — Я в сердцах воткнула одну из своих иглок в столешницу. — Почему?!

— Браслет избранницы... он один. — Змей, кажется, попытался буквально рассосаться за спиной небожителя. Но увы, габариты сильно отличались.

— И зачем тогда тебе вообще лечение? — вмешался Юншен вроде как и недовольно, но тем не менее специально чуть шире раздвинул локти, чтобы рукава халата на давали мне никакого обзора на чужое тело.

— Я...

— Не в лечении дело, да? — догадалась я. — Точнее, ты его хочешь, но побаиваешься, а вот твои родственники вовсе не из-за него тебя сюда воткнули?

— Старейшины клана исследовали священную книгу, по заветам которой мы живем уже тысячу лет. В ней сказано, что потомкам нашего рода ни в коем случае нельзя находиться поблизости от воды во время линьки... и в любое другое время жизни стоит держаться подальше, — змей говорил так, будто длинный монолог давался ему очень нелегко. — Именно из-за этого... старейшины никогда не

задумывались о том, что происходит. Считали родовым проклятием гибель девяти детей из десяти. Но теперь, после тщательного расследования, выяснилось, что страница в нашей священной книге поддельная. Кто-то вынул из переплета настоящий текст и вставил лист из другой книги. У семьи есть старый враг. Госпожа сняла тысячелетнее проклятие и разрушила чей-то злой умысел. Госпожа знает много и может еще больше. У госпожи в мужьях небожитель высокого ранга. Семья Чоу не откажется от госпожи. Заплатить мной было приемлемо. Вернуть подарок вы не можете. Иначе семья будет вынуждена забрать вас себе.

— Вот только этого мне не хватало. Я что, мебель? Как это — забрать себе?

Шенсан только вздохнул. Ну, и так понятно. Утащить за крепкий забор, никуда не пускать, охранять как сокровище и пользоваться. Фу. Благодетели, иглу им в хвост.

— Надевай штаны и пошел вон, — коротко отрезал Юншен, еще шире разводя рукава. — Быстро. Будешь сторожить входные ворота в Жасминовые Сады и патрулировать вдоль стены. Внутри дома разрешено входить только в чрезвычайных случаях.

— Вылечить его все равно надо, — сказала я, когда змей вместе со своей одеждой исчез за дверью.

— Зачем?! Хочешь воспользоваться подарком? — вскипел Юншен.

— Затем, что, раз он так и будет жить у нас под забором, стоит дать ему стимул отвлекаться на что-то другое, кроме долга перед семьей Чоу. Найдет жену, ничего, и без браслета жениться можно, заведет змеенышей и станет обычным телохранителем на службе. Супруга точно не позволит ему каждую ночь прятаться под чужой кроватью.

Глава 46

Юншен:

— Интересно, что там за страницу вклеили в священную книгу чунлуней. — Янли пригубила заваренный мною чай и задумчиво барабанила пальцами по столу. После устроенной змеем встряски даже усталость и сонливость куда-то делись, и мы решили посидеть, немного успокоиться.

Я нахмурился. Восстановил в голове страницы из священного bestiария и не слишком уверенно предположил:

— Небесный зверь чунлунь является водной половиной пары божественных стражей. Его противоположностью, дополняющей пару, является огненный змей янлунь. В bestiарии именно о нем было изложено, что во время линьки нужно опасаться воды. Если предположить, что когда-то оба небесных зверя, которых среди богов считали лучшими друзьями и братьями по оружию, оставили потомков и написали для них священные книги рода... то логично, что книги будут похожи настолько, что лист из одной можно незаметно подложить в другую. Поменять их местами.

— Так, погоди! — ужаснулась Янли. — Погоди... это что, где-то в Поднебесной есть еще одна семья змеев, на этот раз огненных, у которых точно так же гибнет потомство от неправильных условий линьки? О небеса! Надеюсь, я с ними не пересекусь.

— Почему? Тебе не жаль погибающих детей? — Я вопросительно вскинул бровь. Речи Янли на первый взгляд всегда казались хладнокровными и несколько эгоистичными. И я бы даже поверил в ее бессердечность, если бы не видел ее в образе Белой Девы. А еще я знал, что на практике она, вопреки собственной логике и ворчанию, бросается на помощь каждому, кто попадетсся на глаза. Что печально — часто во вред себе.

— Потому, что мне хватает одного змея под кроватью! — возмущенно фыркнула тем временем лиса, протягивая мне опустевшую пиалу. — А тебе нет? Хочешь еще одного наложника с репродуктивными проблемами или без оных?

— Эм... нет, — покачал головой я. Навязанный наложник слишком сильно бередил эмоции. Особенно болезненно это воспринималось по той причине, что меня, полностью законного супруга, так и не допустили к телу. А вдруг ей действительно больше придется по нраву абсолютно покорный воин из потомков божественных зверей?!

Меня она постоянно называет «худым», «хрупким» и «тощим». Змей же отличается высоким ростом, широкими плечами и рельефной мускулатурой. Тц... я все больше начинаю жалеть, что возвысился так рано. Может, временное отсутствие сил позволит мне слегка... состариться?

— Правильно, — тем временем кивнула жена. — И вообще, я не всемирная спасательная служба Поднебесной. Вполне возможно, Чоу сами догадаются найти и предупредить вторую семью. Или сразу в курсе, где те живут. А если нет — намекнем как-нибудь тонко, чтобы озаботились. Тогда спасателями будут они, им и все благодарные шишки достанутся.

— Зачем намекать? Змею скажи, он передаст, — раздраженно пожал я плечами. — У него наверняка есть какое-нибудь связное устройство.

Янли поморщилась и помассировала виски.

— С утра ногами сходит и расскажет, тоже мне проблема. Мы как раз от него отдохнем. Голова отваливается, — пожаловалась она. — Все, я спать. Кто ко мне до утра с чем придет, тот тем и огребет. В смысле... ну ты понял.

И ушла за ширму переодеваться. Через пять минут это неугомное существо уже по-настоящему спало. А вот у меня не вышло так быстро уплыть в страну грез.

Во-первых, слишком много мыслей. Во-вторых, ночная одежда жены показалась мне непозволительно открытой, она даже шелковые носки не надела. И с этим тоже надо было что-то делать. В-третьих... когда еще у меня будет возможность ее так спокойно рассмотреть именно в слишком открытых ночных одеждах? Теоретически, конечно, все последующие ночи будет. Хотя с этой девчонкой можно ожидать чего угодно. Не удивлюсь, если следующей ночью мы опять не будем спать...

Не способный уснуть, я сел в позу лотоса, привычно разогнал потоки ци и задумался. Что можно сделать с желанием Янли вылечить змея? Чем больше размышляю, тем меньше мне это нравится. Особенно потому, что упрямую лису не переубедить никакими силами, если она что-то вбила себе в голову. Лично я бы его и вовсе кастрировал, для верности. Пусть служит в доме евнухом, раз все равно «ни на что не претендует», «жертва рода» чешуйчатая. Но с моим предложением вряд ли кто-то согласится.

Пожалуй, один выход возможен. Поймать змея самому, самому связать и частично раздеть... а она пусть очень быстро смотрит. В моем присутствии. Так ведь намного безопаснее и приличнее, чем если она полезет сама, пока меня нет рядом?

Что ж, используя некоторые хитрости горного лорда, с Чоу Шенсаном я справлюсь без труда. Даже несмотря на то, что еще очень слаб и мне далеко даже до талантливых первогодок родного пика. За моими плечами огромный опыт и знания, а они стоят больше грубой силы.

Именно поэтому следующее утро началось с того, что я очень осторожно погладил жену по спине и сказал:

— Просыпайся, лисичка. Пациент подан.

Не скрою, в моем голосе было немного больше самодовольства, чем я желал показать. Но ничего не могу с собой поделаться: вылавливая у забора змея, объясняя, что будет с ним, если он попытается превратиться, связывая и раздевая его, я, собственно, внезапно для себя понял, в чем тут проблема. И теперь... не то чтобы я был в восторге от будущих прикосновений жены к чужому телу, но мысль о кастрации лишних наложников отошла на второй план. Поскольку мне и так уже не о чем было беспокоиться. Природа все сделала за меня.

Как выяснилось, Чоу Шенсан вчера, прячась за моей спиной, опасался вовсе не собственного уязвимо-обнаженного положения, а того, что мы заметим его постыдный недуг. Он одновременно и хотел вылечиться, и дико боялся насмешек и пренебрежения. Могу его понять. Но сочувствовать не буду. Потому что нечего обручальные браслеты на чужих жен надевать, что бы тебе твои старейшины ни приказывали! Тем более на жен заклинателей!

— М-м-м... — Янли сначала крепко зажмурилась и сморщила нос, поневоле рождая в моей душе некие незапланированные эмоции,

и только потом открыла сонные глаза. Она была столь нежна и расслаблена в своей утренней неге, что мне сразу захотелось припрятать связанного змея обратно под кровать и на палочку-другую забыть о его существовании. Тем более рот у невольного пациента все равно был заткнут кляпом — добычу я поймал еще на рассвете и не желал, чтобы змей криками и ругательствами разбудил жену излишне рано. Невыспавшаяся Янли, как я успел заметить, не видит разницы между мужьями, братьями, наложниками и зловредными речными гуями. Всё одинаково подлежит испепелению на месте.

— Это что? — Томная поволока исчезла из глаз жены. А жаль...

— Хм, завтрак в постель. Любишь змеятину?

Глава 47

Янли

— Вот это тебе не повезло, — только и смогла сказать я, обозревая даже не змеиную шкуру, а прямо натуральный панцирь на крепко зажмурившемся Чоу Шенсане. Да-да, именно на том самом месте.

Собственно, не только причинное место у змея оказалось бронированным. На несчастного мужика, если так можно сказать, буквально натянули бронетрусы. От колен до пупка. И тонкие ручейки серебряных чешуек как живые ползли выше с каждым его вздохом. Кажется... ага. Кажется, мужику не повезло вдвойне. Судя по тому, что я вижу, он начинает спонтанный частичный оборот в момент сильного стресса. В битве полезно, да, но возбуждение — тоже стресс. Увидел симпатичную девушку, только настроился — хлопбысь! И ты в бронетрусах по самые уши. Бедный, бедный Шенсан. Ведь, судя по всему, чувствовать возбуждение и желание панцирь не мешает, он мешает его... гм... реализовать.

— М-да... Юншен, ну ты зверь, — прокомментировала я буквально увитого со всех сторон в стиле японского шибари телохранителя.

— По-другому было бы не так надежно, он из веревок постоянно выскальзывал, — пожал плечами заклинатель.

— Кляп у него вынь, мне же нужно собрать анамнез. Интересно как... Вообще, у змей все внутри, но при необходимости... хм... вылезает. А тут... заросло, что ли?

И я с профессиональным интересом пощупала чешую там, где, по идее, она должна была раскрываться, когда время придет.

Кто яростнее задергался, змей или Юншен, даже сказать не могу.

— Янли! Перестань так... делать. — Кажется, заклинатель очень сильно себя сдерживал, чтобы банально не орать. — Если нужно обследовать ци — давай, но...

— Слушай, — я, оставив в покое напрягшегося как струна змея, повернулась к мужу и уперла руки в боки, — так дело не пойдет. Если

ты все время будешь соваться мне под руку со своей ревностью, никакого лечения в принципе не получится.

— Не я настаивал на его лечении, — буркнул он. — Не будет так не будет, мне же спокойнее.

— Кроме него у меня еще миллион пациентов по всей Поднебесной, с каждым будет такой цирк? — Я устало вздохнула. — М-да. Ладно, кажется, нужно наглядное объяснение. — Я временно отодвинула связанного змея дальше к стенке и бесцеремонно набросила на него целый ворох одеял. Ничего, за двадцать минут не задохнется.

— Раздевайся, — скомандовала заклинателю, отойдя за ширму, чтобы вымыть руки. Профессиональная привычка — после каждого пациента надо сделать это обязательно, только потом притрагиваться к другому телу. С любыми намерениями.

— Зачем? — подозрительно взглянул на меня заклинатель.

— Все равно время утренних процедур. Заодно я покажу тебе разницу между лекарем... и кое-чем другим. А то ты упорно думаешь, что я щупаю людей за разные места ради собственного удовольствия.

— Прямо при... — Он округлил глаза на змея, но все же потянулся к завязкам пояса. Похоже, меня определили в настоящие извращенки. — Нет, я рад, конечно, что ты решила исполнить супружеский долг, но ведь сама...

— Я ему в лицо немного сонного порошка распылила и накрыла. Ничего не увидит и не услышит. Хотя в целом я ничего страшного с тобой делать и не собираюсь. А про супружеский долг ты не разлейся, на него времени нам не хватит. Порошок в такой дозе действует двадцать ми... м-м-м... треть палочки.

— Почему мне кажется, что ты снова хочешь надо мной поиздеваться? — вздохнул Юншен, скидывая с себя верхние халаты.

— Если кажется, медитировать больше надо, — ехидно вывернула я старую поговорку с Земли. — Ложись.

— От галлюцинаций помогает печать концентрации... если ты это имела в виду, — решил оставить за собой последнее слово небожитель и, буквально фонтанируя недовольством, рухнул на кровать. Навзничь. И руки вытянул по швам, как стойкий оловянный солдатик.

Ко всяким медицинским процедурам Юншен действительно уже привык. И почти не реагировал. То есть все равно вздрагивал,

задерживал дыхание или цепенел, но в целом воспринимал мои действия именно как лечение. Что и требовалось доказать.

— Хм-хм, до полноценного ядра как до горной вершины на черепахе, — констатировала я через какое-то время. — Но у тебя третий узел увеличился, вот тут. — Я положила ладонь чуть ниже пупка. — Оранжевый. Интересно... Все, что с тобой происходит, начинает тебе нравиться, муж мой? А чего тогда ворчишь? Или ворчать тоже нравится?

Юншен даже не двигался, только резко отвернулся, уткнувшись лицом в мягкую против здешних обычаев подушку, лишь кончики ушей покраснели из-под длинных черных волос.

— Понятненько. Что же, на сегодня с лечением все. Только вечером, как всегда, в бочке с порошком вымокнешь.

Юншен тут же попытался вскочить, но я придавила его обратно к кровати, положив обе ладони на грудь, и улыбнулась сладко-сладко:

— Куда? «Всё» только с лечением. Теперь пришло время урока.

— Какого еще урока? — «Смертельно обиженный» муж недоверчиво взглянул на меня из-под отросшей челки.

— Самого главного. — Моя рука скользнула по его груди, мизинец нарочно медленно погладил напрягшуюся горошинку соска, а потом рука двинулась дальше, ниже, неторопливо и едва касаясь.

Я не пыталась его поцеловать или еще как-то дополнить свои действия, только руки, только движения пальцев. По тем самым точкам, где я касалась его для лечения. Почти как несколько минут назад. Вот именно — почти.

— Чувствуешь? — Наклонившись еще ближе, я поймала чуть расфокусированный взгляд. — Чувствуешь... разницу?

— Чувствую... твою бессовестность, вот что я чувствую! — собрался с мыслями небожитель и взглянул на меня чуть ли не гневно.

— Пр-р-равильно, — промурлыкала я, нежно обводя указательным пальцем заклинительский пупок и чуть щекоча краешек впадины. — Сейчас я абсолютно бессовестно... хочу тебя. Но не получу... пока. Пока ты не поймешь, в чем тут секрет.

Юншен практически задохнулся. И я его даже понимала, не слепая же. Поскольку несчастный мой муж так и оставался совершенно голым, я своими глазами видела разницу между его состоянием во время лечебных процедур и вот сейчас.

Надо было только, чтобы он сам ее осознал уже наконец.

— Хватит, — закрыв глаза ладонью, тихо произнес он. — Иди лечи. Кого хочешь и куда хочешь. Оберегать надо не тебя от мужчин, а мужчин от тебя.

— М-да. — Я резко отстранилась и встала. И ушла опять за ширму. Загремел веселый рукомойник системы «огородный с пимпочкой». Что ж... либо я плохо объяснила, либо он не умеет такое понимать, либо... что-то еще. Ну, бывает.

Я поняла, что мне очень нравится Юншен. И я его действительно хочу. Но не знаю, смогу ли... потому что перестать быть собой не смогу точно.

Глава 48

Юншен

Я медленно поднялся с нашей супружеской постели и начал одеваться. Ха, супружеской. Даже самому смешно. Разве можно называть супругом того, чье мнение априори не учитывается. Того, над кем буквально в открытую смеются и всячески унижают. Да ладно супругом, мужчиной — и то нельзя! У наложниц и то больше права голоса!

Наверное, не будь на мне рабского клейма, я бы ушел. В долгую медитацию куда-нибудь в горы. Потом бы вернулся, конечно, чтобы выплатить всем долги... и ушел уже по-настоящему. Потому что быть шутом в собственной семье и врагу не пожелаешь. Пусть теперь змея... лечит. Он привыкший.

Янли чем-то гремела за ширмой, потом вышла оттуда со странным лицом и села у стола. Посмотрела на меня долгим взглядом и пробормотала себе под нос что-то вроде: «Кому тут сто лет... Ладно, сама дура и взрослая тетенька».

— Иди сюда. Чаю налить? Змей проспит еще немного.

— Не нужно, я выпью отвар, — безэмоционально кивнул я, вставая и собираясь уйти... может, меня пустят к А-Лею. Конечно, брат будет на стороне сестры, но, возможно, ничто мужское ему не чуждо.

— Я попытаюсь еще раз. Словами, через рот, раз на примере не получилось, — остановила меня Янли, схватив за полы верхних одежд. Пришлось сесть обратно.

— Я слушаю. — Как будто у меня есть выбор, да? У меня даже от предыдущих мыслей уже печать саднит.

— Юншен, ты мне очень нравишься, — начала она.

Да, верю, игрушка из меня вышла забавная.

— Я уже почти забыла, что за дурацкие обстоятельства нас свели. Но не могу забыть другое...

Я решил все же прислушаться к ее словам. Может, у нас, наконец, получится немного... хм... обозначить границы? Я ведь давно, еще совершенствуясь на пике, планировал обычный брак по расчету.

Почему же сейчас все полетело кувыркком и я сам не шел по намеченному пути? Может, потому, что понадеялся на что-то большее? Ха, не смешно вышло.

— Я не могу забыть другое. Потому что ты каждый раз напоминаешь. Увы, мне не повезло родиться в этом мире женщиной. Не просто женщиной, а женщиной-лекарем. Но так получилось. Возможность лечить для меня — это все равно, что... возможность заклинать для тебя. Это как дышать. Это и есть я. И когда ты пытаешься меня в этом ограничить — это как если бы ты зажимал мне рот и нос, не давая вздохнуть. — Она вдруг невесело рассмеялась. — Какая ирония, да? О рабском клейме все время помнишь ты, а свободу делать то, без чего мне не выжить, теряю я. Знаешь... — Она вдруг встала, быстро прошла к стеллажу у стены и открыла большую черную шкатулку. Через секунду на стол лег свиток. А еще через мгновение... от него остался только пепел. После того, как Янли шлепнула сверху огненный талисман из тех, которыми мы обычно грели воду, и активировала его своей ци.

Печать на моей шее тоже вспыхнула огнем, обжигая кожу болью, и... исчезла. Я всем телом почувствовал, что ее больше нет.

— Ты что наделала? — Меня пробрала дрожь, пока я шокированно осматривал ее с ног до головы. — Ты... ты ведь сама только что говорила, что женщина. Без печати я... я ведь могу... я ведь сильнее тебя, даже в таком состоянии! — Я поднялся во весь рост и, схватив ее за рукава халата, притянул ближе. Сейчас ясно чувствовалось, что я выше, шире в плечах и могу одним движением сломать ей кости. Теперь ничто не помешает...

— А ты это сделаешь? — спросила она, не отводя от меня взгляда. — Знаешь, я вдруг подумала, что жду от тебя доверия там, где не доверяю сама. Это так не работает. Поэтому вот. Я. Тебе. Верю. А ты мне?

Я долго еще всматривался в такие непривычно близкие лисьи глаза, а потом просто выдохнул. Выдохнул и опустил лоб на ее плечо, вдыхая привычный аромат трав и снадобий. Руки сами собой обхватили чужие плечи в объятьях и притянули ближе.

— Дурная хули-цзин, — фыркнул я ей куда-то в шею. — И я все равно не понимаю. — Мои руки спустились на ее талию. Я прижимал к себе такое маленькое и хрупкое тело, по-прежнему уткнувшись лбом

в ее плечо. — Что ты устроила... там, на кровати? Зачем? Если не хотела меня подразнить, не хотела унижить... зачем? Я ведь взрослый мужчина, и, в каком бы ужасном положении я ни был, у меня есть честь и гордость. Ладно уж желание тела, несколько минут разгона ци — и я бы пришел в себя, но...

— Глупость сделала, — спокойно как-то произнесла лиса. Она вообще, как я заметил, умела легко признавать свои ошибки, не пыталась увильнуть от ответственности за них и при этом не боялась потерять лицо. И не теряла, вот что странно. Во всяком случае сейчас. — Но я так хотела, чтобы ты почувствовал разницу. Ты всерьез думаешь, что я дотрагиваюсь до чужих тел с мыслями о чем-то непристойном? Или просто личном? Сейчас там, — она дернула подбородком в сторону кровати, — я попыталась показать тебе, как велика она... разница между тем, как я чувствую, веду себя и касаюсь, когда лечу и когда... хочу.

— Хорошо. Не продолжай. Сейчас на мне нет рабской печати, а тебя я все еще хочу до скрежета зубов. Не провоцируй. — Я поднял на нее потемневшие от несовместимых желаний глаза. Как можно одновременно хотеть убить лису за ее фокусы и... и хотеть ее почти до искажения ци?!

— Глупый. — Мне в лоб уперся тонкий палец. — У тебя есть кое-что покрепче дурацкой татуировки. Это что-то держит тебя гораздо... гораздо надежнее.

— М-м-м? — не совсем понял я, наблюдая за тем, как маленький розовый язычок скользнул по лисьим губам. Ее узкая ладонь легла мне на грудь, выше солнечного сплетения, выше того места, где остался пепел золотого ядра.

— Вот тут. Чувствуешь? Оно зеленое. — Лиса одновременно со словами взяла и мою руку, чтобы прижать ее к себе в том же месте. — И у меня. Досадно так... Я не хотела, честно. Не рассчитывала, что такое вообще возможно. Не ждала, не... Оно само.

— Что? — Пошлые мысли сразу покинули голову. Я интуитивно понимал, что сейчас мы говорим о чем-то более важном.

— Вот тут, — изящный теплый палец коснулся моей переносицы, — ядро интуиции. Сиреневое. Вот тут, — рука сместилась вниз, к пупку, — ядро удовольствия, оранжевое. «Выживание» ты сам знаешь где. А тут, — теплая ладонь вернулась на грудь, — живет любовь.

— Хочешь сказать, что мы оба полюбили окружающий мир? — решил я припомнить ей ее же слова.

— Идиот.

Я перехватил отшатнувшуюся лисицу, не дав ей выскользнуть из моих рук, и с улыбкой поцеловал. Отпустил, всмотрелся в глаза. Притянул обратно.

— Ну не одной же тебе надо мной издеваться, любимая супруга, — прошептал в маленькое ушко и продолжил поцелуй. Янли явно была не против, пусть и отомстила мне, в процессе больно ущипнув пониже спины.

Откуда-то из угла на нас грустно смотрел проснувшийся в горе одеял и подушек змей, досадливо покусывая кляп. Но его мы заметим... позже.

Глава 49

Янли

М-да. Ну вот как-то так... дожили, можно сказать. Кто бы мне сказал, что за две недели можно не только выйти замуж за пациента, но еще и влюбиться в него — послала бы к специалисту. А теперь сама вляпалась... но я никогда не сделала бы такую глупость, если бы не почувствовала, насколько сильно он сам влип. Забавно, что эти наши нетрадиционные методы заклинательства и левые ядра позволяют довольно легко считывать такие нюансы. Его зеленое ядро уже соединено с моим почти напрямую, и здесь не ошибешься. Потому я и решилась.

Ладно. Чего ныть, если все уже случилось? В конце концов, было бы на что жаловаться. Любовь — это уязвимость... но кто сказал, что с ней нельзя жить? Надо просто об этом всегда помнить. И наслаждаться тем, что есть.

В частности, можно больше не стесняться и тискать заклинателя за все места, сколько мне хочется! Раньше мне многое мешало. И его дурацкая рабская печать в первую очередь.

— Никому и никогда не говори, что ты уничтожила мою печать.
— Словно бы отвечая моим мыслям, Юншен вдруг отстранился и посмотрел на меня из-под нахмуренных бровей. — Поняла? Это совсем не ради красивой легенды, от этого напрямую зависит твоя... и моя безопасность.

— Угу. — Я серьезно кивнула. — Но кто-то может заметить, что ее нет.

— М-м-м-м-м!

Я сделала большие глаза, посмотрела на Юншена, а потом медленно перевела взгляд на возмущенно мычавшего из груди одеял змея.

— Кое-кто уже заметил, — раздосадованно вздохнул заклинатель.
— Почему ты не заткнула ему еще и уши? И глаза.

Я покосилась на Чоу Шенсана, хрюкнула, фыркнула... и уткнулась в грудь небожителя, сотрясаясь и плача от смеха.

— Что смешного? — Губы Юншена непроизвольно расплзались в улыбку, но он изо всех сил сдерживался. — Теперь придется свернуть ему шею. Надо будет еще придумать правдоподобное объяснение для главы Чоу. Может... «ударил спросонья, обнаружив змея под супружеским ложем»? По-моему, вполне...

— Тьфу! — яростно сказал связанный Шенсан, который разжевал, наконец, кляп и выплюнул его с невыразимым отвращением. — Клятва. Вы. Ненормальные.

— Кто бы говорил, — огрызнулась я сквозь смех.

— Текст клятвы составлю я сам, — явно ожидавший от змея такое предложение, кивнул небожитель и продолжил тискать меня в объятьях, подталкивая к кровати. Хм? А он не забыл, что у нас там именно сейчас лишний аксессуар образовался?

— Составляй. — Я нехотя вывернулась из его рук. — Я пока анамнез наконец соберу.

— Кхм! — остался очень недоволен Юншен. Но вот что интересно: теперь, когда он больше не был под властью печати, он не стал возмущаться тем, что я выволокла змея из-под одеял, разложила поперек кровати и таки осмотрела нормально. Кстати, мой небожитель, уже сидя за столом над свитком, где писал свое сочинение по клятвам, заметил мой мимолежный взгляд, понял его и даже объяснил:

— Теперь я знаю, что в любой момент могу отрезать посмевавшему неправильно понять твои действия все выступающие части тела, и ничто меня не остановит. Это воодушевляет и успокаивает. На твою свободу я покушаться не стану... потому что никогда не забуду, как ты даровала мне мою.

Я на секундочку задержала дыхание, непроизвольно. А потом просто ему улыбнулась. И вернулась к ощупыванию змея. Почему у меня впечатление, что эти его бронетрусы не столько с полуоборотом связаны, сколько с тем, что какая-то из линек прошла неправильно и часть старой кожи приросла... именно к человеческому облику? Энергетический рисунок уж больно... специфический.

— Но вот если какие-то недоброжелатели полезут к моей жене... перед ними у меня никакого долга нет, — хищно улыбнулся наблюдавший вполглаза за моими манипуляциями заклинатель.

— А если я к ним полезу? — Кажется, подколки уже у меня в крови. Или я не могу удержаться и не дразнить именно его?

— Изменять? — приподнял бровь заклинатель. — Поздно, любовь моя. Теперь в твою развратность я не поверю. Тебя и в законном браке-то не... уговоришь.

— От обстоятельств, знаешь ли, зависит, — пробормотала я себе под нос.

— Что? — Юншен поднял голову от свитка и внимательно так на меня посмотрел.

— Это я про разврат в законном браке, — невинно поморгала ресницами. — Для него нужны условия. Специальные.

— Расскажешь? Возможно, я вполне смогу их организовать... эти условия.

Ничего себе, что отсутствие печати с мужиками делает. Характер чуть ли не на сто восемьдесят градусов развернулся. И куда, скажите мне, делся тот несчастный король драмы, страдающий от вселенской несправедливости бытия? Хи...

— Я все еще здесь, — мрачно напомнил непривычно словоохотливый после избавления от кляпа Чоу Шенсан. — Госпожа, вы закончили? Могу я идти?

— Пара вопросов и отпущу, — согласилась я. — Одевайся пока.

— М-м-м... госпожа. — Змей показательно дернулся, указывая взглядом на фигурные узлы по всему телу.

— А! Сейчас освобожу. — Я попыталась найти тот заветный шнурок, за который нужно потянуть, чтобы распустить это извращенное плетение, и не нашла. Только через несколько минут с горем пополам обнаружила конец веревки, но толку-то? — Уф, погоди... Юншен, ты что, зубами эти узлы затягивал? Как их теперь развязать? Разрезать разве что.

— Веревка зачарована, простая сталь не возьмет, — самодовольно ухмыльнулся муж. — Сначала пусть даст клятву.

Змей вздохнул и прикрыл большие желтовато-зеленые глаза. Кстати, мне кажется или временами у него зрачок становится вертикальным? Еще один симптом или так должно быть? Мысленно добавим пункт в вопросы анкеты по змеям.

Непреклонный небожитель встал из-за стола, аккуратно держа исписанный свежей тушью лист бумаги.

— Вот эту. Потом развяжем.

— Да, господин, — спокойно кивнул Чоу Шенсан. Кажется, он действительно проникся уважением к заклинателю. — Но вашу печать надо вернуть. Видимость. Маскировка. Уловка.

— У меня порой ощущение, что он играет в ассоциации, — пробормотала я себе под нос. — Даже не прочитаешь, прежде чем подписать?

— Небожитель. Запах чистый, — как само собой разумеющееся сказал мне змей.

— Он имеет в виду, что я принадлежу праведному пути, и аура это подтверждает. Потому многие верят заклинателям на слово, не ожидая подвоха. Только вот все почему-то забывают, что для каждого понятие «праведный» свое, — с грустью в голосе пояснил Юншен. — И все же прочитай, прежде чем поставишь оттиск своей ци. Поверь, твоя жизнь и свобода стоят больше, чем уверяют ваши старейшины. По крайней мере, для тебя самого.

Змей внимательно посмотрел на него, потом на меня. Заметив движение его глаз, я взяла у Юншена бумагу, поднесла ее к лицу Шенсана так, чтобы ему было удобно читать, и держала, пока вдруг змей не улыбнулся чуть кривовато, и очень как-то выбивалась эта улыбка из образа тупого громилы.

— Умно. Значит, сначала ваш. Только потом клан Чоу? — Он поднял на нас с мужем глаза, сверкая вертикальными зрачками. Чешуя с груди тонкими струйками поползла на шею, а потом и вовсе украсила скулы. Эмоции в нем буквально кипели, но лицо и тело оставались неподвижными.

— Да, — твердо кивнул Юншен и абсолютно спокойно, не обращая никакого внимания на змеиный оборот, добавил: — Только так. Или я тебя убью.

Глава 50

Янли

Вот так мы и обзавелись домашним животным. Ну, то есть личным семейным телохранителем, в преданности которого можно не сомневаться.

Я сначала удивлялась, почему он так легко согласился поставить нас выше интересов клана Чоу. Потом поняла: в той клятве, что составил для него Юншен, был пункт о непричинении вреда семье небесного зверя и о взаимовыгодном сотрудничестве. Мой заклинатель сказал, что это стандартные положения союзного договора и, хотя Шенсан, на первый взгляд, был отдан нам за свою малоценность, это впечатление обманчиво. Он занимал достаточно высокое место в иерархии небесных змеев благодаря своему опыту воина и имел право заключить такой союз.

Возможно, Чоу перехитрили сами себя. А возможно — нет. Потому что нашу помощь и поддержку, слегка так выходящую за рамки просто родственных отношений, они все же получили. Пусть и в обмен на то, что Шенсан теперь прежде всего будет оберегать именно нас и наши секреты.

— Но слуги все равно считают его твоим наложником, — щедро добавил ложку дегтя в бочку меда А-Лей. Братец сидел за нашим столом и упорно пытался накормить Шенсана мышью. Живой. Где он ее взял, даже спрашивать не буду. Одно скажу — мышку жалко. А Шенсана не особенно, в своем человеческом виде он легко уклонялся от поползновений хулигана.

Я уже с полчаса наблюдала этот цирк, расслабляясь и отдыхая от сумасшедшей карусели последних дней. Юншен полулежал на кровати, устроив голову у меня на коленях, и лениво читал какой-то свиток, а я не менее рассеянно перебирала его волосы и чувствовала небывалое умиротворение.

И все было хорошо, пока мышь от моего брата не сбежала. Видимо, ей надоело изображать жертву, и она, ловко цапнув мучителя за палец, маленькой серой молнией метнулась в щель под входной дверью.

Я хотела было одобрить ее поведение вслух — молодец, грызун, умеет выбирать правильное направление, но не успела.

Сначала где-то в саду завизжали. А потом мой родной братец уронил челюсть на стол, да так эпично, что я почти услышала стук.

— Янли?! — просипел А-Лей. — А... его печать... где?!

Черт, надо же было настолько увлечься волосами мужа, чтобы вот так запросто спалиться, открыв его шею.

— Я говорил, — добавил камень в воду Шенсан.

— Где надо, — пробухтела я, грозно двинув бровями на брата.

— Ду-у-ура... — еле выдохнул мальчишка, за что тут же получил подзатыльник от змея. Очень удивился. Не шлепку как таковому, а тому, откуда тот прилетел. Но на меня все равно смотрел квадратными осуждающими глазами.

— Надо что-то с этим сделать. — Я погладила шею напрягшегося Юншена. Кажется, он тоже хотел подзатыльник. В смысле, выдать его А-Лею. Но не хотел вставать и уходить из-под моих рук.

— Да... — едва кивнул под ладонями заклинатель, — нужно заново установить печать.

— С ума сошел? — почти спокойно поинтересовалась я, поражаясь собственной выдержке. Даже за волосы его не дернула, и вообще.

— Не рабскую... точнее, рабскую, но без пары основных символов и без вливания в нее нужного количества ци. — Юншен укоризненно посмотрел на меня, а потом боднул головой руку, как натуральный кот. Гладь, мол, чего сидишь без дела.

— Ты имеешь в виду маскировочную татуш... э... картинку? А это мысль! — оживилась я. — Можно просто тушью нанести и закрепить.

— Только не давай ей самой рисовать. — Немного пришедший в себя А-Лей мстительно прищурился и сдал меня с потрохами: — Не знаю, что с ней случилось полтора года назад, я болел, не помню. Говорит, сухожилие ушибла какое-то. Но с тех пор пишет моя сестра как курица лапой, и даже хуже. А рисует так, что не удивляйся, когда эта печать вместо шеи окажется у тебя на зад... Ай! А ты не обнаглел, будущий родственник?! Давать мне подзатыльники имеет право только сестра! — Несмотря на то что после первого раза братец отполз от Шенсана и теперь сидел по другую сторону стола, тот снова каким-то

чудом оказался рядом и прописал паршивцу легкую затрещину. А в наличии телохранителя, оказывается, есть много плюсов.

— Уважение к старшим, — змей посмотрел на брата чуть прищуренными глазами, — и моей госпоже.

— Она тебя просила?! — взвился А-Лей. — Злые вы. Уйду я от вас!

Это он у меня фразочку перенял и с удовольствием пользуется, гаденыш. И ладно бы правда ушел и перестал ехидничать под руку, нет — уселся поудобнее, зато с самым надутым видом.

— Шенсан имеет в виду, что, принижая сестру, ты сразу ни во что не ставишь и меня, и ее телохранителя, — пояснил заклинатель. — Не дай боги, ты будешь так себя вести на людях, господину Чоу, чтобы восстановить нашу честь, придется как минимум вызвать тебя на дуэль. А сейчас он просто «по-семейному» намекает...

— Бу-бу-бу, — выдал А-Лей и потянулся налить себе чаю. М-де, научила ребенка плохому. Хорошо хоть, он понимает разницу между моим домом и прочим миром, никогда при посторонних не ведет себя настолько свободно и умеет соблюдать этикет. А еще это означает, что А-Лей уже подсознательно считает змея достаточно своим. Интересно, почему? Надо будет потом подумать. И спросить.

— Давайте ближе к делу, — напомнила я. — Про мои каллиграфические навыки брат прав. Значит, рисовать будет либо он сам, как вызвавшийся, либо...

— Я не вызывался! — возмутился мальчишка, подскакивая на месте.

— Никакой змей ко мне не прикоснется! — а это уже Юншен выразил свое негодование.

Одновременно они. Практически хором.

— Вас не спрашивают, в смысле, тебя. — Я встала, прошла к комоду, вытащила набор тоненьких подарочных кистей и брусок туши с драконьим тиснением на плоской стороне. И ткнула всем этим набором в братца. И сопровождала все это предельно серьезным взглядом, отчего А-Лей мгновенно прекратил вредничать.

— Не в том дело, что я не хочу, — вздохнул он. — Просто... ты видела, какая там сложная вязь? Да я ее просто не помню. А если я ему нарисую вместо нужного символа какой-нибудь... я не знаю, смену пола, например, или отращивание рогов?

— Кхм! — Юншен, брошенный в одиночестве на кровати, сел и выразительно посмотрел на брата. — Только попробуй.

— Так я не хочу, вы сами просите!

— Я нарисую печать на пергаменте, и ты скопируешь ее с соблюдением всех пропорций. Только попробуй ошибиться, и я тебе нарисую пару десятков специальных символов на заднице, причем не кистью. Как муж старшей сестры, имею право.

— Злые вы...

— Да-да, поэтому ты навсегда с нами. — Я наклонилась и чмокнула брата в макушку.

— Не подлизывайся... — пробухтел А-Лей. И вдруг напрягся. — Янли?! Что это?

Глава 51

Юншен

У меня по позвоночнику скользнула ледяная стрела. Именно таким было чувство, заставившее нас всех напрячься. Но оно прошло так же мгновенно, как появилось. И хотя змей метнулся к окну и вылетел в сад короткой серебряной молнией, я уже знал: он ничего не найдет. Потому что ощущение чужого давящего и острого присутствия исчезло без следа. Словно и не было ничего.

— Ты почувствовала то же самое во время прогулки по рынку? — решил я уточнить у Янли, меняя положение так, чтобы закрыть ее собой от... от чего бы то ни было.

— Н-нет... — Лиса задумчиво прикусила губу. — Там был просто взгляд в спину. Словно две стрелы воткнули и выдернули. А здесь... бр-р-р.

— Похоже, в этот раз смотрящему картина слишком не понравилась... — Я снова оглядел окружение, но не обнаружил даже тени присутствия. Хм.

— Да откуда он мог смотреть? — возмутился А-Лей. — Через стену, что ли? Сестра, я скажу отцу, чтобы обновил талисманы на стенах. И пригласил кого-то отдельно зачаровать Жасминовые Сады.

— Следящее око. Или астральная проекция... нет, вряд ли второе. Духа я бы почувствовал. В любом случае обычные талисманы тут не помогут. Наблюдатель слишком далеко от нас. — Я покачал головой. — А еще глупо приглашать постороннего. Подновить амулеты я смогу и сам, там даже вливание ци особо не требуется, только начертание — работа явного дилетанта. Так что, как только войду в силу, и вовсе установлю многоступенчатые барьеры.

— Я привлекла чье-то внимание, — сделала логичный вывод нахмурившаяся жена. — То ли своим замужеством, то ли нашим союзом с Чоу. Вряд ли как Белая Дева, этот мой образ трудно связать с поместьем Тан. Зараза... полтора года все отлично шло, а тут... — Она вдруг замолчала.

А я отметил про себя этот странный срок. Почему именно «полтора года» постоянно всплывает в разговорах и вот таких

нечаянных упоминаниях? Как будто до этого она и не жила. Или случилось какое-то знаменательное событие? Надо аккуратно расспросить А-Лея или лучше слуг. Братец может и проболтаться, причем не намеренно. А может и нет...

Лиса тем временем встряхнулась:

— Ладно. Раз этот наблюдатель так быстро смылся, когда мы заметили его присутствие, значит, понял, что его засекли, и испугался. То есть сам не больно-то страшен.

— Одна. Никуда. Не выходишь! — припечатал я. И подумал, что гуй с ним, со змеем, пусть будет. Пусть будет рядом круглые сутки. Пока я не верну себе прежние силы.

— А тебе никуда нельзя без печати. — К моему удивлению, лиса даже не подумала спорить и вообще была настроена серьезно и деловито. — Значит, займемся делом. Рисуй образец.

— А-Лей, подойди ближе. Если ты запомнишь последовательность и направление штрихов, будет гораздо легче, — подозвал я мальчишку.

Янли кивнула мне и заметила:

— Юншен, ты говорил, что есть способ с помощью небольшого количества ци сделать чернила особенно стойкими, помнишь? Как в ваших заклинательских свитках. А при нанесении на тело это будет работать? Чтобы не подрисовывать картинку всякий раз после бочки с водой или дождя.

— Иначе в этом не было бы смысла. Конечно, мы закрепим рисунок с помощью ци, — подтвердил я, внутренне радуясь, что жена запомнила мои вскользь оброненные когда-то слова. Значит, действительно училась и не пропускала мимо ушей.

Полчаса, во время которых я строго следил за мальчишкой, практикующим начертание на бумаге, и поправлял некоторые элементы, пролетели в момент. Каллиграфия А-Лея действительно оказалась на должном уровне, как и ожидалось от наследника богатой семьи. Мальчишка схватывал буквально на лету, и я в который раз отметил, что на месте его родителей давно бы пристроил недоросля на обучение в какой-нибудь из горных пиков. Даже если семья торговцев не хотела «терять» ребенка на пути к искусству небожителей, не обязательно ведь было оставаться там навсегда. Наследник вполне мог

пройти основное шестилетнее обучение во внешней секте и вернуться домой. Так обучали даже императорских детей.

Все эти мысли, наверное, были от волнения, чтобы отвлечься. Едва только холодная от туши кисть коснулась моей шеи сразу под линией роста волос, я словно закаменел. Это было совсем не похоже на обжигающее прикосновение первой и настоящей рабской печати... но... Тц. Я ведь лежу на кровати, в теплой светлой комнате, а не распят на каменной плите с помощью оков и вервья бессмертных. А-Лей спокоен и аккуратен, а не пинает меня по ребрам сапогами, как мои тюремщики. Почему тогда так трясутся руки и приходится изо всех сил сдерживаться, чтобы не отшатнуться в ужасе?!

Маленькая и мягкая ладонь опустилась мне на плечо, отодвинув ткань домашнего одеяния. Сквозь покрытую мурашками кожу потек успокаивающий ручеек ци. Пустое гнездо, оставшееся от выжженного золотого ядра, сразу перестало болезненно ныть, и я всем существом ощутил те, странные, другие... зачатки ядер. И благодарно выдохнул.

Не знаю, какие боги меня благословили. Но с женой мне определенно повезло. Ей даже не надо было слов, чтобы понять, когда мне плохо, и прийти на помощь.

— Когда А-Лей закончит начертание, влей в рисунок собственную ци, — попросил я Янли. — Мне будет... спокойнее.

Жена без слов склонилась ко мне, и я ощутил, как ее губы скользнули по скуле, легонько коснулись кожи возле уха и только потом отстранились. В этом жесте не было ничего, кроме тепла и поддержки, но, кажется... мое тело уже реагирует на любое ее прикосновение совершенно недвусмысленно и смущающе бесстыдно.

— Слушай, — влез А-Лей, — а красиво получается. Давай ему еще бабочку нарисуем на спине? Или...

— Бабочку?! Я что, похож на весеннюю деву из красного квартала?! — Пришлось приложить усилие, чтобы не дернуться от возмущения. Где там змей? Мне не хватает его рук для вразумляющего подзатыльника некоторым обнаглевшим недорослям.

— Все равно, кроме сестры, никто не увидит, — пожал плечами маленький паршивец. — А Янли любит бабочек.

— Если ты попробуешь нарисовать мне бабочку, то вскоре обнаружишь такую же на собственном лице. И я не постесняюсь найти самые едкие и благоухающие чернила.

— Пф-ф-ф! Сестра меня спасет!

Янли тихонько рассмеялась и с какой-то стати ласково погладила брата по голове, явно выражая одобрение. Я задержал дыхание, чтобы не возмутиться вслух, но тут поймал лукавый лисий взгляд, и внезапно вся картина происходящего стала мне ясна.

Кажется, брат с сестрой тоже понимают друг друга без слов. Маленький поганец дразнил меня не просто так, по глупости или из вредности. Бабочку он мне нарисует... Эта дурацкая бабочка напрочь выбила из моей головы последние воспоминания о промозглom подземелье и о том, как на мне выжигали рабское клеймо.

— Я вам это припомню, семейка насмешников, — пообещал я, прекрасно понимая, что никто не испугается. Потому что угрожать с такой улыбкой на устах получается откровенно плохо.

И тут же почувствовал, как чья-то рука задирает подол домашнего одеяния. А потом холодная мокрая кисточка скользнула у меня по позвоночнику в районе поясницы. Они что, действительно решили нарисовать бабочку? Еще и в таком срамном месте?! Да я...

Глава 52

Янли

— Тс-с-с-с, лежи! — Я придавила мужа к постели, положив ладонь чуть выше поясницы. — Бабочку рисовать не буду.

Наверное, я тоже устала от сложностей. От непонятных явлений в виде взглядов сквозь стены. От нервов. Но поскольку с последним я все равно пока ничего поделать не могу, стоит заняться тем, что мне подвластно. То есть собой. А я прямо сейчас хочу немного похулиганить. Мне это полезно для душевного равновесия.

Поэтому я и взяла чистую кисточку, окунула ее в чистую же воду и легонько пощекотала холодным кончиком впадинку вдоль позвоночника Юншена.

— Я все еще здесь, — буркнул А-Лей.

— Ты все еще обойдешься, — ехидно ответила я ему. — Жди, пока жена вырастет. Ничего неприличного я делать не собираюсь.

— Конечно. — Надутый братец все равно ретировался к столу и косил оттуда недоверчиво. Юншен на кровати тоже сопел не так чтобы совсем спокойно. Но хоть не ерзал.

Я еще раз обмакнула кисточку в воду, уронила холодную капельку на теплую спину супруга. Полюбовалась, как он вздрогнул, а затем единым росчерком украсила его поясницу тремя иероглифами. И не удержалась, пропустила сквозь кисть самую толику ци.

Вода мгновенно высохла, не оставив видимого следа на коже. Но глаза у обернувшегося Юншена все равно были такие большие и круглые, каких я у него с самого начала нашего знакомства не замечала.

— Серьезно?! «Собственность Тан Янли»?! Ты решила компенсировать отсутствие рабского клейма личной росписью? — в недоумении спросил меня заклинатель. Неприязни в его голосе не было, лишь колоссальное удивление.

— А говорили, что у меня почерк неразборчивый. Вон, даже... кхм... этим местом прекрасно читается, — невинно улыбнулась я. — И вообще, что тебя не устраивает?

— Иероглифы горят в ауре настолько ярко, что просвечивают сквозь энергетическое тело.

— И? — Я склонила голову к плечу. — Разве они лгут?

— И их видно всем, кто владеет аурным зрением! С любого бока! — Будто подтверждая свои слова, Юншен повернулся ко мне сначала правым, потом левым плечом.

— Отлично, значит, мне не придется отгонять от своего мужа похотливых заклинательниц! — обрадовалась я.

— Каких еще, к демонам, похотливых заклинательниц?! — продолжал кипятиться все еще разложенный на кровати Юншен. — Когда ты их разгоня... что? — это его взгляд наткнулся на протянутую кисть и стакан с водой. — М-м-м? Ты имеешь в виду...

— Да. — Я улыбнулась и вроде как небрежно сделала пару дополнительных мазков у него на поясице. — И ты все же неверно прочел первый иероглиф. Это означает не «собственность», а...

— ...«супруг», — машинально дочитал Юншен. Пару секунд подумал, резко сел. Еще раз посмотрел на стакан с водой, на кисточку и улыбнулся о-очень... многозначительно.

— Хорошая идея. Но боюсь, мало какая заклинательница позарится на низверженного с разбитым ядром. Тем более что бессмертных дев в десятки, если не сотни раз меньше, чем мужей. Скорее это ты станешь целью множества прославленных и холостых заклинателей благодаря своему таланту и красоте...

— Меня не волнует количество бессмертных дев. — Я величественно пожала плечами, проигнорировав вторую часть его фразы. — Делиться все равно не собираюсь.

— Согласен. — Юншен прищурил один глаз и вдруг взял меня за руку, отодвигая рукав платья к локтю. И отобрал кисточку.

— Ты бы еще написал: «Не влезай, убьет!» — прокомментировала я появляющуюся на коже цепочку иероглифов, приятно греющих мое запястье.

— Неплохая идея. — И мое второе запястье действительно украсили надписью «не лезь к моей жене, убью».

— Вы оба психи ненормальные, — прокомментировал эту натальную роспись братец. — Потом покажете, как сделать так, чтобы оно не смывалось. Я тоже хочу.

— Я твоей жене покажу, — ухмыльнулся заклинатель, — она тебе все тело распишет, разве что чернилами, а не водой. Чтобы видели не только заклинатели...

— Э! — возопил братец. — Что я тебе сделал?! Неблагодарный!

— Защитная стена и барьеры не тронуты, насильственного взлома нет, — очень вовремя появившийся в комнате змей окинул нас невозмутимо-спокойным взглядом и продолжил доклад: — Но ее надо обновить. А лучше возвести другую. Эта ненадежна.

— Есть ли след той ауры и взгляда? — кивая на каждое предложение змея, уточнил заклинатель,

— След есть. Наблюдатель не ожидал быть обнаруженным, оборвал связь быстро и не сумел полностью «смахнуть хвостом листья с дорожки». Он похож на те, что оставляют купленные у бродячих заклинателей «цветы глаз».

— Шпионские следилки, чтобы за конкурентами подглядывать?! — изумился А-Лей. — Ничего себе! Я к отцу. Дожили! Всякая конкурентская мелкая пакость не просто по поместью шарит, но еще и пугает до гуев.

— У вас повысилась чувствительность, — пояснил Юншен. — Во много раз. Даже у тебя, А-Лей, ведь ты стал правильно медитировать и научился отслеживать свою ци. Количество энергии в твоём теле увеличивается. Медленнее, чем у сестры, но уже достаточно для того, чтобы такие примитивные заклинания не могли пройти бесследно, — начал вроде лекцию заклинатель, но тут же себя перебил: — И все равно это странно. По тому, что засек я, это была не такая уж примитивная конструкция. Как минимум следящее око третьего уровня, если я правильно оценил движение ци.

— Купленные заклинания-шпионы часто привязывают к мощному источнику. — Змей нахмурился. — У больших торговых домов есть деньги на покупку такого артефакта.

— В любом случае скажу отцу, — решил А-Лей. — Не нравится мне это. У нас в последнее время чуть два крупных подряда не увели. И именно потому, что кто-то слил на сторону пару секретов дома Тан. Наверняка с того поля урожай. Хорошо, что мы это засекли, и плохо, что наш глава экономит на безопасности. Надо маме сказать. Она умеет ему моз... его убеждать.

— Отправляйся прямо сейчас, — озабоченно кивнула я. — А мы пока почитаем... мне надо в центральную библиотеку. Хочу кое-что проверить по поводу проблем Шенсана. Кажется, что-то такое мне подалось по поводу неправильно приросших частей тела, когда их не плоть соединяет, а искаженная ци.

— Одна. Никуда... — начал было Юншен, но я перебила:

— Так одевайся! Одевайтесь, в смысле. Втроем и пойдём.

Глава 53

Юншен

С одной стороны, мне хотелось привязать супругу к кровати и не выпускать никуда. Во всяком случае, пока мы не разберемся, кто именно за ней следит. С другой — я не блаженный и понимаю, что это невозможно.

Тем не менее в городское хранилище книг и свитков мы собирались словно на войну с демонами. Лиса даже не стала возражать, когда я предложил расписать ее руки и шею самыми простыми и примитивными, но от этого не менее действенными талисманами. Я не знал нашего врага. А потому все, что моими силами можно было нанести на тело без вреда для оно́го и не противоречащее друг другу, было нанесено: «рассеять внимание», «предупреждение зла», «малый божественный оберег», «стабилизация ци» и еще полтора десятка других печатей.

Это ее хулиганство с надписями на теле насыщенной ци водой было чем-то настолько простым, насколько и гениальным... а ведь всё лежало на поверхности, странно, почему никто раньше не догадался? Жаль, конечно, что количество безопасных для живого объекта конструкций ограничено. Из-за этого использованные вязи от по-настоящему серьезной опасности не защитят, но все же!

И потом, это пока я не способен на более энергоемкие конструкции. Благодаря лечению мои силы неуклонно растут. И Янли вытяну на должный уровень, даже если мне на это понадобится еще сто лет духовного совершенствования. Совместного, естественно. И нет, причина даже не в моей озабоченности супружеским долгом, а в том, что культивирование проходит намного быстрее и легче, когда тебя «поднимает» более сильный партнер.

Но даже в такой малости, как защитные знаки на теле, лисица поступила по-своему. Янли вынудила меня скопировать талисманы на бумагу и позволить разрисовать себя — без этого жена не соглашалась ни на что.

Что ж, ее требование выглядело... справедливым. Но поскольку А-Лей ушел к родителям с вестью, а змей в качестве каллиграфа меня

по-прежнему не устраивал, пришлось мириться с почерком жены и строго следить, чтобы каждую черту она вела правильно. После бесчисленных попыток у нас все же получилось, хотя мы едва не переругались в процессе.

Разве можно настолько уверенно действовать иглами и иметь чувствительность в пальцах, как у лучших мастеров своего дела, и при этом писать так, словно вместо рук у тебя бамбуковые листья?! Или и вовсе — стволы.

Закончив начертание к обеденному времени, мы выдвинулись в путь. Не знаю, было ли это заслугой талисманов, или наш враг просто затаился, но до хранилища свитков мы добрались без приключений. Я был приятно удивлен его размерами и порядком внутри. А ведь это всего лишь один из пригородов столицы. Причем далеко не самый аристократический и дорогой. Откуда такое богатство?

— Торговцы лучше других знают, сколько стоит информация, — словно угадав мои мысли, улыбнулась Янли. — И не жалеют денег на полезное дело.

— Верно говорите, госпожа. — Гладкий и словно вываренный в сахарном сиропе служка вынырнул из-за стеллажа и глубоко поклонился моей жене. А потом добавил вполголоса, как театральный заговорщик:

— Госпожа, у меня сегодня есть кое-что для вас. Очень редкое и ценное!

Янли заинтересованно кивнула и потянула меня в проход между полками к конторке, за которой, надо полагать, и работал этот... неприятный глазу человек. Если бы не расслабленное состояние лисы и ее уверенность, я бы не подпустил такого человека к супруге. И тем не менее что здесь происходит? Янли его знает? У них совместные дела?

Но вслух эти вопросы задавать не пришлось. Ситуация достаточно быстро прояснилась сама. Библиотечный служка из-под конторки вытащил и протянул моей жене какой-то медицинский трактат, на первый взгляд чуть ли не времен позапрошлой династии. И Янли, совершенно не торгуясь, что для нее не свойственно, отсыпала ему прилично серебра. Даже больше, чем он мог получить в лавке антиквара.

Я присмотрелся чуть пристальнее, выпустил немного слюны и заскрипел зубами от возмущения. Уже было открыл рот, чтобы высказать все, что думаю о нечистых на руку торговцах, но... почувствовал железную хватку лисьих пальцев на своем запястье, а потом и поймал предупреждающий взгляд.

— Это подделка! — возмущенным шепотом я передал свое негодование, когда служка с серебром скрылся среди лабиринта стеллажей. Но Янли всё равно аккуратно спрятала «старинный» свиток в холщовую сумку. Лишь тогда она отпустила мою руку. Впрочем, я и сам уже понял, что не все так просто.

— Знаю, — ответила она и улыбнулась.

— Зачем тогда заплатила как за настоящий? — С этой лисой с ума сойти можно раньше, чем достигнешь просветления. — Информатор? Разведчик? В этом свитке не медицинский трактат, а результаты расследования?

— Нет, все намного проще. Этот свиток написала я. — Улыбка Янли стала задумчиво-усталой. — Не понимаешь? Наверное, тебе это покажется странным, ведь мест... заклинатели, скорее всего, привыкли хранить свои исследования и знания в секрете. А я хочу, чтобы как можно больше лекарей узнали о новых методах лечения. У меня договор с одним антикваром, которого я давно когда-то поймала на мелком мошенничестве. Но вовремя осознала его полезность, потому не сдала властям, взяла клятву. Я присылаю ему мои разработки по медицине, он переписывает их, оформляя под старинные свитки легендарного ордена Белых Дев. Талантливый парень, подделку почти невозможно распознать. Даже весьма знающий служитель купился. Он работает посредником между тем антикваром и мной. А я через него оплачиваю работу мастера фальшивок.

— Я с тобой с ума сойду... — Рука сама потянулась устало потереть лоб. — Зачем все это? Какой еще орден Белых Дев? Я знаю историю, и в ней за последнюю тысячу лет точно не было такого ордена. И... хм...

— Догадался? — хмыкнула Янли. — Конечно, не было. Весь орден — я одна. Правда, теперь масса народу верит в то, что тысячу лет назад это был великий пик целителей, и их уже никто не переубедит. — Лисица как-то неуверенно накрутила на палец выбившийся из прически локон и тяжело вздохнула. — Понимаешь, я

женщина, — внезапно сменила она тему. — Молодая. Не небожительница и даже не юная заклинательница. Не принцесса или гениальная дочь министра финансов. Короче говоря, если я начну раскрывать людям свои наработки и знания, меня в лучшем случае... замуж пошлют. Никто не станет даже разбираться и проверять, насколько они действенные. И множество полезных вещей никогда не дойдет до простых людей.

— Это... благородная цель, — задумчиво кивнул я, пусть внутри меня боролись две крайности: привычное желание сберечь уникальные знания для личного пользования и путь «истинно праведного» небожителя. С одной стороны, помимо хороших людей, эти знания могут попасть и в нечистые руки. С другой, я не бог, и не мне решать, кто достоин этих учений. Стараясь не углубляться в философские мысли, я решил продолжить расспрос: — Если ты сама купила свиток, как о наработках узнают другие целители?

— Прежде чем продать свиток мне, библиотекарь втихую снимает с него несколько копий. А потом за хорошие деньги продает другим лекарям. — Лисья улыбка стала до невозможности ехидной и от этого почему-то особенно привлекательной. — Те тоже снимают копии. Дальше понятно? Авторитет предков, даже если они «девы», гораздо весомее слов какой-то там дочери торговца. А уличить оригинал в подделке не получится — он у меня, и я его никому не покажу.

— Очень... интересный способ. Но уверена ли ты, что это не навредит... хотя бы тебе самой? — Я все никак не мог забыть о неправильных людях, которые могли неправильно распорядиться новыми знаниями. Но осуждать и поучать с ходу не стал.

Кажется, Янли что-то прочитала на моем лице, потому что охотно пояснила:

— Ну, вот в этом свитке, например, рассказывается о том, как принимать роды. О том, что важнее всего в этом деле соблюдение чистоты. Приемы некоторые, с помощью которых можно повернуть неправильно лежащего младенца прямо в...

— Понял, не продолжай, — перебил я супругу. — Не хочу знать, откуда у тебя эти знания. Точнее, хочу. Но точно не здесь и не сейчас!

Хм. У моей лисицы слишком много тайн. И как минимум половина из них крайне неприличные. Но как бы я ни хотел сию

секунду познать их все, меня все же греет уверенность, что на раскрытие наших секретов у нас впереди целая вечность.

Глава 54

Юншен

— Да не стони ты так, словно я тебя пытаю. — Неугомонная лиса поджала губы и с силой распрямила мою ладонь, укладывая ее... слава всем девяти небесам, всего лишь на спину распростертого на смотровом столе змея. А не как раньше, когда она едва не обалапала моей ладонью чужой за... кхм. Ну и что, что он покрыт змеиной шкурой, все равно...

— И глаза не надо делать квадратные. — Жена терпеливо вздохнула. — Лучше вообще закрой. Будет понятнее.

— Я всё вижу и без прикосновений, — буркнул я, не желая признавать, что да, только коснувшись бронированной чешуи змея, я понял, что она имела в виду под «неправильной ци». — Это искажение. Таким часто страдают те заклинатели, что гонятся за силой, несмотря ни на что. Проявляется в основном при несоблюдении элементарных правил совершенствования или сильной физической или душевной травме. Может дойти вплоть до разрушения золотого ядра и смерти...

— Вряд ли здесь подобная причина, видимо, дело в неправильной первой линьке. Шенсан, ты же в сухости линиял? — Змей под моей ладонью вздрогнул, скорее всего от болезненных воспоминаний. — Ну, я так и думала. А когда превратился обратно, часть змеиной кожи не исчезла. Надо было сразу отмачивать, но кто бы этим занимался? Наверняка участок был небольшой и...

— И в плохом месте, — глухо подтвердил змей, алая ушами сквозь шевелюру. Вот уж насколько он мне не нравился, тут оставалось только посочувствовать. Я бы и сам вряд ли побежал к наставникам, если бы у меня где-то в... неприличном месте что-то пошло не так. Даже после возвышающей медитации.

— Вот, — кивнула Янли, отрывая мою руку от спины пациента и ведя в цуне над телом куда-то в сторону ног. — Теперь касаться не обязательно, чувствуешь?

— Да... — Я еще больше преисполнился жалостью к несчастному змею, пусть и где-то в глубине души. Очень глубоко. Что ж, теперь

хотя бы понятно, откуда все началось.

— Вовремя никто мер не принял, а потом искажение ци стало разрастаться, — вздохнула Янли. — Можно прямо проследить, каким путем оно шло.

Я поневоле заинтересовался и в этот момент даже где-то понял, о чем говорит жена, когда ругается на меня за излишнюю ревность. Мне стало все равно, кто лежит на столе, от его личности почти ничего не осталось, я видел только болезнь и хотел лишь одного: изучить ее и найти решение этой головоломки. Это... всегда так у целителей? Значит, поначалу она и ко мне что-то такое ощущала, не более? А в какой момент все изменилось?

— В трактате из хранилища сказано, что существует состав, нейтрализующий искаженные связи и приводящий ци в надлежащее состояние. — Янли оставила меня самостоятельно изучать змея, как только поняла, что я перестал от него шарахаться. — Но точного рецепта нет, лишь ссылка на другую работу этого же автора. Так что нужен еще один свиток и подробное изучение рецепта. У нас стадия не начальная, искажение зашло далеко. В выписке господина старшего смотрителя есть адрес, в каком из хранилищ столицы мы можем найти нужный свиток.

— Жаль, что в свое время не увлекался трактатами целителей — не моя специализация, — задумался я, перебирая в памяти прочитанные книги и свитки. В основном это были бестиарии, техники совершенствования и закатки тела, стихийные и бытовые умения, барьеры и амулеты. — Тем не менее я смогу рассказать многое о духовных растениях и животных. И смогу помочь с выбором нужных ингредиентов или, допустим, поиском их альтернатив.

— Угу, рецепт — это хорошо, но ингредиенты еще где-то надо будет добыть. — Янли почесала нос кончиком кисточки, и я тихо фыркнул — удивительно все же, что она, такая уверенная и умелая, превращалась в криворукого ребенка, стоило делу дойти до каллиграфии. Вот и сейчас — уже пятно туши на щеке и манжеты в мелких брызгах.

— Знаю, что для учеников, переживших начальное искажение, глава пика целителей всегда просил добыть корни янтарного османтуса и жемчужные эноки, — все же нашел я полезное в своих воспоминаниях. — Естественно, пропитанные природной ци.

— Хм, такие дорогие ингредиенты на рынке у нас не купить. Надо ехать на Травный рынок, это в другом предместье. Кстати, хранилище, в котором есть нужный нам список, тоже там, они специализируются на лекарственных свитках. Значит, собираемся, — кивнула жена, что-то еще записывая на листе бумаги своими невозможными каракулями. Как она сама умудряется потом это прочесть? И что за странная привычка располагать иероглифы не сверху вниз, как положено, а совершенно диким образом — горизонтально, да еще и слева направо?!

Не выдержав этого издевательства, я подошел, отобрал кисть и скомандовал:

— Диктуй. — И после небольшого раздумья добавил: — Как закончим со змеем, сядем за уроки каллиграфии.

— Ни за что! — испугалась лиса. — Мне и так хорошо. Тем более я все, что надо, написала. — Она как маленькая спрятала руки за спину, словно я уже примерился бить ее ученической линейкой по ладоням.

— Каллиграфия дисциплинирует твой дух и позволяет отточить ловкость пальцев для составления нужных печатей и начертания амулетов. Если ты желаешь в дальнейшем стать духовным целителем, то придется изучать не только одиночные знаки, но и массивы. А там один кривой символ — и у тебя вместо пациента маленькая горка пепла. — Я немного приукрасил действительность. Но совсем немного. Убить неверным заклинанием человека — слишком просто.

— Демонов братец, — тоскливо простонала жена. — Жила, никого не трогала, целых полтора... так. Ладно. Пойду скажу слугам, чтобы готовили повозку. Отправляемся прямо сейчас. Травный рынок работает круглые сутки, а в хранилище мы попадем... хм... только завтра утром. Но нам в любом случае придется заночевать в гостинице, ехать почти через всю столицу, палочек двенадцать.

Я кивнул и ткнул змея пальцем в ребро — хватит прохладиться, телохранитель, иди собирайся.

А сам в который раз задумался — что же случилось с лисой полтора года назад? Мне кажется, это очень важно узнать.

— Надень те одежды, что подарила твоя мать на нашу свадьбу, цвета цин, — все же решил я попросить супругу. В ее гардеробе было мало традиционных платьев. В своих нарядах она тоже выглядела в рамках приличия, но почему-то мне очень хотелось, чтобы в чужом

пригороде моя супруга смотрелась не просто «хорошо», а была прекрасна, как настоящая юная небожительница.

— М-м-м? — Янли отвлеклась от перечитывания своих каракулей, посмотрела на меня и вдруг улыбнулась. — Хорошо. Сейчас достану. Там парные одежды есть, для тебя.

Если бы я мог предположить, чем кончится эта поездка, я бы... хотя нет. Не знаю, что я сделал бы. Во всяком случае, подготовился бы лучше и думал не о цвете и количестве слоев одеяний жены, а о том, как ей под эти одеяния панцирь из лунного серебра надеть. Два панциря. И поводок.

Глава 55

Янли

Вообще, все прошло на удивление мирно, учитывая непонятные взгляды сквозь стены и общий бедлам, воцарившийся в моей жизни после появления подарочного заклинателя.

Самое ужасное... самое ужасное, что я, хотя и ругалась вслух на все эти беспорядки, в глубине души чувствовала себя так, словно проснулась от спячки. Мне кажется, с того момента, как я впервые открыла глаза в чужом мире и в чужом теле, у меня внутри все словно немного заморозилось, как при хорошей анестезии. Эмоции, воспоминания, привязанности, сожаления... спрятались за завесой легкого морока, остались только факты и тот новый опыт, что нахлынул отовсюду. А теперь действие этого странного препарата начало сходиться на нет...

Впрочем, может, это и к лучшему. Теперь мне даже в ужасном паланкине на колесах, трясом и безумно душном из-за тяжелых занавесей, не скучно и не сразу мучительно. Можно по сторонам смотреть, можно поспать на теплом заклинателе. Который еще и обнимет, устроит поудобнее.

В наше небольшое путешествие мы решили собраться и одеться согласно всем местным регламентам. Потому и у меня и у него были многослойные ханьфу, матерчатые сапоги и убранные в традиционные высокие прически волосы, украшенные «коронами» и шпильками. Мое одеяние цвета цин — этакого бирюзового, если по-нашему, — и его серебристо-синее создавали... приятное впечатление. Сначала все это неудобное великолепие вызывало дискомфорт, но восхищенное лицо брата, удивленно-одобрительное мачехи и перекошенное Лисянь смирило меня с действительностью и подняло настроение.

— Столица — на удивление чистый и спокойный город. Я думал, что здесь будет более шумно, ярко и многолюдно. — Юншен тоже выглядывал за белоснежную занавеску, постоянно осматриваясь.

Я тихонько вздохнула. Чистый город... ну да, ну да, я должна радоваться уже тому, что вдоль улиц здесь не прорыты канавы, по которым реками текут фекалии изо всех окрестных домов. И никто не

выплеснет из окна ночной горшок тебе на голову. Местные жители моются почти так же часто, как мои бывшие современники, и знают, что такое туалетная бумага. Но до настоящей чистоты и гигиены им как до... кхм. Далеко, короче.

— На пиках, конечно, гораздо чище, — заклинатель проводил взглядом какого-то мелкого грызуна, скользнувшего от одной лавки к другой, — но для мира смертных все равно недурно.

— Ты никогда не был в столице? — оживился А-Лей, сидящий напротив нас на парчовой подушке. Змея затащить в паланкин у него не вышло, и телохранитель ехал снаружи на коне. Счастличик... не то чтобы я умела ездить верхом, но там ему хоть не так жарко. И наверное, не так трясет. Рессоры тут еще никто не придумал. Выступить, что ли, изобретателем? Ага... еще б я знала, как изготавливать и крепить рессоры.

— Только в предместьях, на заданиях. Без них с пика я спускался только для сбора ингредиентов и на охоты. — Муж задумчиво облокотился на спинку сиденья. — Но из столицы задания если и приходили, то крайне редко. У великих родов и тем более императора всегда были свои личные заклинатели.

Юншен снова пальцами отодвинул занавеску, невольно встречаясь взглядом с какой-то юной девицей в расшитом золотистой нитью халате.

— Ах, — выдала она и стыдливо прикрылась рукавом, опуская глаза долу. Ее служанка заслонила госпожу собой, но тоже, бросив секундный восхищенный взгляд на мужа, не посмела больше поднимать взгляд от земли.

— Хм. — Заклинатель поспешно опустил ткань и тяжело вздохнул. — Похоже, я уже успел отвыкнуть от обычной реакции воспитанных благородных дев...

— Что? А-а-а... ну да, я рукавом закрываться не буду. — Ехидная улыбка сама собой расплзлась по губам, а незаметно поданный знак «не смотреть!» подействовал на А-Лея как дудочка гамельнского крысолова на армию грызунов: он беспрекословно и моментально отвернулся, даже глаза прикрыл.

Ну а я тут же запустила ладонь под все три слоя традиционного заклинательского ханьфу, пощекотала мгновенно напрягшийся пресс и выдала почти в самое ухо:

— Зачем мне ойкать, если я пощупать могу?

— Бесстыдница! — прошипел Юншен и в точности, как та дева недавно, прикрыл половину лица рукавом. Разве что глаза не опускал, а прожигал меня искрящимися от негодования черными зрачками.

— Она самая. Зато мой муж точно по сторонам смотреть не будет.
— Вполне довольная диверсией, я устроилась у Юншена на плече и попробовала задремать — по правде говоря, укачало меня просто зверски.

Руку из-под его ханьфу так и не вытащила.

Заклинатель ничего не ответил. Только вздохнул так, что, кажется, все занавеси всколыхнулись.

До западного, прямо противоположного нашему предместья мы добрались к середине ночи и дружно решили, что нет смысла тащиться на Травный рынок, пока мы не найдем нужный рецепт в хранилище свитков.

Поэтому А-Лей снял нам два номера в хорошей гостинице. В одном он поселился вместе со змеем (Шенсан с минуту сосредоточенно сопел возле двери в нашу с Юншеном комнату, но потом поймал мой многообещающий взгляд и молча ушел в соседнюю дверь. Благо расположились мы совсем рядом, через тонкую стенку), а второй — с большой кроватью и гнутыми подсвечниками в духе дешевых свадебных украшений — с гадкой улыбочкой подсунул нам.

Вот только зря старался. Едва мы зашли в номер и я села на кровать, как все тихонько начало уплывать в сторону. Единственное, что из всего супружеского долга выпало на долю моего мужа, — это ловить меня, чтобы просто не упала на пол, а потом раздевать и укладывать под одеялко. Последнее помню только частично и очень смутно — духота и тряска уболтали меня настолько, что я уснула, даже, кажется, не успев коснуться головой подушки.

Зато утро началось бодро. В прямом смысле слова — я отлично выспалась, от вчерашнего мутного и тошнотного состояния не осталось и следа. Теплый муж, обнаружившийся под щекой, рукой и ногой, всю ночь служил отличной грелкой — в номере было прохладно, а одеяла оказались возмутительно тонкими. Что самое интересное и небывалое — на прекрасном небожителе из всех нижних одеяний обнаружили только штаны. Как так, мое стеснительное совершенство — и вдруг настолько разделось, чтобы ослеплять меня

своими восемью кубиками пресса и прочими несомненными обнаженными достоинствами?

Ответ на вопрос нашелся почти сразу: его рубашка была надета на мне поверх моей, его ночные шелковые чехлы для лап были натянуты на мои ноги.

— Ты замерзла, — спокойно поведал он в ответ на вопросительный взгляд. — А верхние одежды могли помяться. Они слишком неудобные для того, чтобы в них спать.

— А ты?..

— Медитация, — пожал плечами Юншен. — А если смогу снова развить хотя бы половину прошлых сил, то и вовсе перестану ощущать жару и холод.

— Ночью спать надо с женой, а не заниматься всякими медитациями, — для порядка поворчала я, пальцем обрисовывая каждый кубик его пресса. Слезать с мужа мне не хотелось.

— Кхм! — сказал заклинатель, довольно крепко перехватывая меня за талию и перекатываясь по кровати. Я внезапно оказалась под ним, Юншен навис надо мной и наклонился близко-близко к лицу, занавесив своими распущенными волосами весь остальной мир.

Мои губы сами приоткрылись в ожидании поцелуя.

— СЕСТРА-А-А-А! — Дверь затряслась от мощного стука и вопля.

Глава 56

Юншен

— Тан Ванлей! — громко прорычал я, очень медленно оборачиваясь к трясущейся перегородке.

— Оу, — раздалось из-за двери. — Ну че так сразу... по полному имени. Ладно, подожду еще палочку...

— Звал-то чего? — спросила Янли, выныривая из-под меня и ускользя, словно маленькая рыбка из ладоней ребенка.

— Да так... утро, — неуверенно ответил брат жены и, судя по бодрому топоту, бросился в собственную комнату со скоростью испуганного зайца.

— Паршивец. Розог на него нет... — прошипел я, садясь на кровати и наблюдая, как Янли пытается самостоятельно надеть все слои ханьфу и соорудить достойную прическу. Хватило моего терпения едва ли на треть палочки, а потом все снова пришлось брать в свои руки. Так и начался второй день нашего путешествия. И он прошел быстро, плодотворно и, к моему удивлению, без особых происшествий. Ну... я так думал, когда ближе к обеду мы вышли из хранилища.

В тот момент мне пришлось взять жену под руку и буквально самому вести ее, чтобы она не споткнулась, не упала и не сломала себе кости. Потому что эта ненормальная на ходу уткнулась в книгу, не замечая окружающее настолько, будто в этой рукописи хранились все тайны мира.

А дело было лишь в том, что, когда мы наконец нашли нужный свиток и выписали рецепт, служитель у стойки вдруг предложил госпоже, интересующейся медициной, купить у него редкую копию трактата Белых Дев о женском и детском здоровье. Совпадением это было или нет, но выглядел служка практически таким же сладким и липким, как тот, которого мы встретили в нашем предместье. Может, родственник?

Я не успел произнести и звука, как Янли уже заплатила, схватила довольно аккуратно переписанную и сшитую книгу и нырнула в нее с головой. Вот и пришлось вести как маленькую...

— Зачем? — только и спросил я, когда мы отошли от хранилища почти на два квартала. — Думаешь, кто-то начал подделывать твои... поддельные трактаты? Ты такого не писала?

— М-м-м? Не-е... — Жена ненадолго оторвалась от книги, посмотрела на меня слегка затуманенным взором и поморгала длинными ресницами, словно выходя из глубокой медитации. — Проверяю. Руки оторвать гаденышам мало.

Я вопросительно поднял бровь.

— Да еще до середины не дошла, а уже три ошибки! Слава небесам, не серьезные и хуже не сделают. Лишний раз помыть руки — даже полезно.

— То есть это настоящая копия твоей работы. — Я посмотрел на книгу другими глазами. Надо чуть позже тоже ее прочитать. Самому интересно узнать, какие еще секреты Янли отдает «в народ», заодно и ненавязчиво проконтролировать. — И сколько книг ты уже успела... так выпустить?

— Десятка два, кажется, — машинально ответила лиса, снова углубляясь в чтение.

А я едва не споткнулся. Два десятка фундаментальных работ по лекарскому делу?! В ее возрасте? Такого объема?! Либо моя жена непревзойденный гений, либо... либо я ничего не понимаю. Столь глубокие (а я уже прочел тот свиток о родах, что Янли выкупила у изготовителя фальшивок, и был впечатлен, даже несмотря на более чем смутившее меня содержание и страшные иллюстрации) исследовательские работы создаются годами. Моих познаний в элементарном целительстве хватает, чтобы понять: Янли написала не просто глупости. Всё достаточно четко, обоснованно, аргументированно и похоже на правду. И кстати, безупречно выдержан стиль письма, присущий тому времени, когда якобы существовал орден Белых Дев.

Кто же ты, лиса? И сколько тебе на самом деле лет? Я уже не верю, что всего девятнадцать. Ты слишком... слишком взрослая, опытная и разумная, а потому я чувствую в тебе нечто родственное. То, что скорее свойственно заклинателям, чем смертным. Ведь я и сам тот, кто выглядит юнцом, а в душе — старик. Но при этом в тебе есть что-то практически потустороннее, не похожее ни на кого из тех, что я встречал в своей жизни. А я встречал многих.

Эта непохожесть раздражает и выводит из себя, но одновременно интригует и притягивает. Я, кажется, уже хочу не просто разгадать твою тайну, лиса. Я хочу стать ее частью. Я хочу тебя себе не из соображений разума... Я просто хочу.

Захваченный этими мыслями, я почти не заметил, как мы обошли несколько лавок на местном Травном рынке, пусть краем сознания и обратил внимание на то, что среди товаров на прилавках больше всего целительных составов и лекарских инструментов. Нам удалось купить почти все, что нужно, и еще больше всякого полезного «про запас» — я нес уже две полные сумки, А-Лей был увешан ими весь, даже Янли чуть склонялась набок под тяжестью покупок. Лишь у змея руки были свободны, но ему и не положено ничего носить. Свободные руки телохранителя — залог здоровья и выживания заказчика.

Очень довольная жена торговалась у последнего лотка в ряду, пока весь наш небольшой отряд вздыхал с некоторым облегчением: еще чуть-чуть — и будем в гостинице. Там немного отдохнем, поедим и до дома добираться будем в повозке, все покупки можно будет сложить в ногах.

Внезапно Янли застыла, роняя из тонких пальцев сухие веточки трав, что перебирала на прилавке.

— Что?! — немедленно напрягся я, а Шенсан в то же мгновение шагнул вплотную, собственной спиной закрывая лису от рыночной толпы.

— Я... не знаю. Опять чувство взгляда в спину, как на нашем рынке. — Янли нахмурилась. — Уже исчезло. Может, показалось?

— Шенсан? — Я внимательно взгляделся в толпу, придвинув ближе к себе напряженного А-Лея. Заклинание поиска недоброжелателя тоже ничего не засебло, молчали и печати на теле.

— Я снова не чувствую угрозы, — тихо ответил змей. — И это странно. Надо идти в гостиницу и без ночевки загружаться в повозку и ехать домой. Быстро.

Слава девяти небесам, лиса даже не подумала спорить. Она без задержки расплатилась с торговцем, сунула очередной пакет в свою холщовую сумку и послушно пошла за мной, окруженная эскортом из мужа, брата и телохранителя. Мы почти бежали, нервно оглядываясь: самому последнему глупцу было понятно, что угроза нависла именно над лисой, именно она кому-то нужна или мешает.

Плохо было то, что гостиница располагалась на другом краю рынка. И хотя мы не стали соваться в самую толпу, стараясь обойти рыночную площадь по краю, миновать одно многолюдное место не удалось.

Лучше бы бежали прежним путем через центр рынка, а не в обход... тогда не пришлось бы спотыкаться взглядом о высокий помост, на котором именно в этот момент разрывался от крика приказчик, возвышавшийся над брошенным на колени связанным человеком.

Я передернул плечами от странного предчувствия, и мы уже почти прошли мимо. Почти...

Глава 57

Янли

Никаких нервов не хватит с такой жизнью. Я еще могу поверить, что в родном предместье кому-то дорогу перешла. К примеру, позавидовал по глупости кто-то из тех же молодых незамужних дев. Ну или просто папин конкурент мимо проходил, обжигая взглядом.

Но не здесь, на другом конце огромной даже по моим меркам столицы, где меня никто знать не знает. А взгляд в спину именно тот же, я его не просто как два кинжала между лопатками ощутила, я его... Он... он как будто знакомо пах. Даже через фильтры из ци в носу.

И так же быстро исчез, вместе с запахом. А мы сорвались в галоп, хотя я еще кое-что хотела бы посмотреть и купить. Но не дура, даже заикаться не стала.

И все было неплохо, мы бодро скакали тесным табуном по краю рыночной площади в сторону гостиницы, где оставалась повозка, вот только дорога наша, как назло, оказалась с того края, с которого здесь продавали не только травки. Нет, ну безобразие! Где медицина — и где рабский помост!

Сначала остановился Юншен — он словно на прозрачную стену налетел. Поскольку муж крепко держал меня за руку, я тоже затормозила, недоуменно подняв взгляд.

И если честно, словила дежавю. Потому что я уже видела эти белые траурные одежды. Видела эти красные росчерки вервия бессмертных. Видела эти неровно обрезанные черные волосы, сейчас закрывавшие лицо раба на помосте. В какой-то момент я даже с испугом обернулась на Юншена: он ведь здесь, со мной? Так почему вот там?

Инстинктивно я вцепилась в руку мужа и всмотрелась в застывшее бледное лицо. Нет, мой небесный совершенствующийся здесь, и он поражен так же, как и я.

— Низверженный заклинатель! — прокричал глашатай, и муж вздрогнул.

— Юншен... — Я сжала его ладонь сильнее, притягивая за рукав ближе к себе. — Юншен, ты...

— Пойдем. Нам надо... идти, — хриплым и едва слышным голосом прошептал он, все еще смотря на помост, где торговец бесцеремонно поднял заклинателя за отворот халата. Вуали, в отличие от того раза, когда продавали Юншена, на том не было. А потому все прекрасно рассмотрели его непокорно-озлобленный взгляд на слегка угловатом, но все же традиционно красивом лице.

Я, если честно, выдохнула с неким облегчением. Вот сейчас я ясно видела, что это далеко не мой муж. Да, те же одежды и ситуация — но продаваемый был чуть выше, чуть плотнее. И возможно, потому, что я уже привыкла к своему заклинателю... этот не казался мне настолько красивым. Да чего уж там, он мне откровенно не понравился. Видимо, потому, что взгляд не понимающе-обреченный, а, скорее, озлобленно-бешеный. Если Юншен походил в своем «низвержении» на уставшего, но все еще мудрого и просветленного оленя, то этот больше напоминал озверевшего от боли дикого пса, который кинется на первого, кто протянет к нему руку.

А общее состояние... Так, давим рефлексы. Меня все равно лечить не пустят. Общее состояние такое, что ему реанимация нужна, а не покупатель. Я даже отсюда вижу и чувствую, насколько все хреново.

Юншен был не настолько... убит. Моего мужа, возможно, спасло спокойствие и принятие собственной участи. А этот даже сейчас кусал до крови губы и шептал что-то гневное в окружающую толпу. Которую, скорее всего, даже разглядеть-то не мог из-за собственного полубредового состояния.

— Он твой знакомый? — спросила я Юншена, с тревогой вглядываясь в его безэмоциональное, словно замороженное лицо. — Хочешь... спасти?

Если это действительно знакомый или тем более друг мужа, то надо выкупать. Но... А, черт и местные гуи. Проблемы, я собираюсь купить себе проблемы. С другой стороны, я и так уже в них по самые гланды. Одной больше, одной меньше. О, может, его Шенсан купит? Точно! Для семьи змеев... а я вылечу! Инкогнито.

— Юншен? Да? Или нет? Там уже ставки начинаются...

Муж посмотрел на меня пустым взглядом и промолчал. Снова повернулся к помосту. Видно было, что его терзают внутренние

противоречия. О, а может, это его враг? Врага нам не надо совершенно точно. Дажедохлого.

И тут мне между ребер слева уперлось что-то очень острое. Резкий рывок выдернул мое тело из рук Юншена, он был такой сильный, что я буквально отлетела почти на метр. Запах, тот самый, что призраком витал вокруг, когда некто смотрел мне в спину, на этот раз окутал со всех сторон.

— Ты купиш-ш-шь его, — просвистело у самого уха. — Сейчас-с-с же. Твой брат купит. И ты сделаеш-ш-шь с ним то же с-с-самое, что с первым! Точно то же с-самое!

Самое идиотское в ситуации было то, что я не видела, кто меня держит. Словно за моей спиной вдруг взбесилась пустота. Только у этой пустоты были железные пальцы, стиснувшие мое горло, вывернувшие мою руку и... э... а чем она мне в ребра тычет? У пустоты три руки? Или это... хвост?!

И тут до меня дошло, чего именно хочет странная многорукая пустота.

— Да вы издеваетесь?! — Я не могла сдержать возмущенный рык, даже несмотря на то что шею сдавили до невнятного сипения. — Я не подписывалась на долбаный гаремник! Отпусти!

Но к моему удивлению, меня никто не услышал. И змей, и Юншен, и А-Лей стояли так, будто не замечали моих метаний и ругани. Ни один даже не дернулся, чтобы меня защитить. Телохранители, гуй им... А муж вообще завис в прострации, не сводя окаменевшего взгляда с жертвы на помосте. Меня от него отодрали, оттащили, а он даже головы не повернул.

— Покупай. Или умреш-ш-шь! — Нажим на ребра усилился, горло начало неприятно саднить. И где все эти великие защитники, когда они так нужны! Может, какое-то заклятье?

— Двести! Кто больше? — раздавалось с помоста. Вокруг переживала и бурлила толпа, слышались выкрики все увеличивающейся цены. И никто не замечал моего состояния.

— Покупай! — пустота уже почти рычала. По ребрам потекло что-то теплое. Что-что, кровь моя!

— Ты, блин, определись! Покупаю я или мой брат. — От злости и непонимания у меня отказали тормоза. — Как тебе надо — чтобы точно по сценарию или просто быстрее?

— Триста! Раз! — снова оповестил глашатай, стуча чем-то наподобие большого посоха по деревянному помосту. — Триста! Два!

— Покупай! — В голосе пустоты проскользнули истерические нотки. И я вдруг поняла, что это женщина. — Пожалуйста... пожалуйста, спаси его... или я тебя убью прямо здесь!

— Твою мать! — от души сказала я и добавила еще несколько таких выражений, что пустота закашлялась. Но железные пальцы с моей шеи не убрала, руку так и продолжала выворачивать и острое свое непонятно что все еще вжимала в ребра. Парадные три слоя одежды и прорезала уже, и заляпала. Прощай, красивый костюмчик.

М-да, кажется, ни на чью помощь мне рассчитывать не приходится. Надо выпутываться самой.

— Горло отпусти, дура, ты мне звука произнести не даешь, — просипела я из последних сил, дергаясь и пиная ногой куда-то назад. Не попала, но рука на шее разжалась, и я, напрягая и без того пострадавшие голосовые связки, все же заорала на весь рынок:

— Четыреста! Плачу четыреста!

— Четыреста, раз! Четыреста, два! Четыреста...

— Плачу пятьсот! — выкрикнули вдруг откуда-то из толпы.

Острое нечто рывком вонзилось еще глубже в мой бок.

Эпилог

В темноте, куда не проникали лучи света с поверхности, единственными его источниками была россыпь маленьких звезд. Они хаотично мерцали, создавая призрачный ореол некой человекоподобной фигуры.

— Любопытно... любопытно. — Голос, внезапно раздавшийся во тьме, был слишком низкий и многогранный для человека. Как только были произнесены первые слова, во тьме загорелись два ярких бело-желтых круглых огня, похожих на миниатюрную Луну. Они ненадолго заглушили свет звезд, но тут же исчезли. — Так вот куда пропала та забавная смертная, которой так не терпелось стать моей спутницей... Бедное, наивное дитя. Будто я действительно позволил бы, но... не люблю отдавать даже такую малость. Тем более в кривые неумелые лапы этих бракованных личинок человеческих богов. Любопы-ытно... — В воздухе сверкнула звезда побольше и заплясала, создавая замысловатый узор из остаточных линий. — Ащ-щ! Никогда не любил делиться игрушками. А ведь сейчас она стала гораздо... гораздо интереснее. Так красиво светится, так заманчиво. Такая разноцветная, радужная... Почему? — Звезды мелко затряслись и замерцали, а вместо полных лун глаз вспыхнули полумесяцы. — Но пока... пока понаблюдаю. Забрать ее силой или убить весь этот детский сад я могу в любой момент. Зачем торопиться? Однажды они уже почувствовали мое присутствие и насторожились. Так не интересно. Хочу посмотреть, что из всего этого выйдет. Без моего вмешательства. А потом... потом можно будет собрать урожай. Ждать... ждать я умею лучше всего.

Живое звездное небо довольно потянулось, выгибаясь, как большой ленивый кот.

Тиньмо предвкушал веселье.

Конец!